

de visu

4'93

ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

de visu 4(5)'93

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ	5	В.Я.Брюсов. Стихотворения 1918-1921 гг. <i>В.Э.Молодяков</i>
	12	Борис Садовской. Кровавая звезда <i>С.В.Шумихин</i>
	30	Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху <i>В.А.Александров</i>
	49	М.И.Арцыбашев. Письма Борису Савинкову <i>Д.И.Зубарев</i>
СТАТЬИ	70	<i>К.М.Поливанов</i> Заметки и материалы к «политической» биографии Бориса Пастернака
БИБЛИОГРАФИЯ	80	<i>А.Ю.Галушкин</i> В защиту свободы печати
ОБЗОРЫ	84	Книги. Журналы. Газеты
ХРОНИКА	95	

Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром

Над номером работали:
Юрий Бин, Елена Дворецкая,
Юлия Дронова,
Андрей Лебедев (Париж), Сергей Путилов

Оформление:
Татьяна Чернова

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются

С №4(5) журнал издается при поддержке
Союза учредителей фондов немецкой науки (Эссен)
Stifterverband der deutschen Wissenschaft (Essen)

Писать по адресу:
Россия, 117437, Москва,
ул. Островитянова, 19 — 139.

Телефоны: 289-63-08, 335-28-84

Подписку за рубежом осуществляет
Galina Zlotnikova:
PO Box 1641
Madison Square Station
New York, NY 10159-1641, USA

ЛР № 070205 от 22.10.91
Формат 60×84 1/8 Печать офс. Бумага офсет. № 1
Заказ 1966 Тираж 1000 Усл. печ. л. 12,5
Отпечатано на Производственно-издательском
комбинате ВИНТИ 140010, Московская обл.,
г. Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403

Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал «De Visu» посвящен русской литературе конца XIX — первой трети XX вв. (от зарождения символизма до торжества социалистического реализма).

В каждом номере:

- *Публикации и републикации неизвестных и забытых текстов русской литературы 1890-1930-х гг.*
- *Статьи и исследования, посвященные литературе этого периода.*
- *Книжные обзоры и рецензии*
- *Ретроспективная библиография (указатели содержания журналов, тематическая библиография, Personalia и др.)*
- *Текущая библиография (аннотированные тематические указатели книг, публикаций в журналах и газетах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг.)*
- *Хроника научной жизни.*

В.Я. Брюсов Стихотворения 1918-1921 гг.

Биография Брюсова и его творчество полны легенд. Некоторые создавал он сам, некоторые возникали как бы сами собой, о других позаботились потомки, истолкователи и блюстители. Не любивший и даже не ценивший Брюсова Владимир Вейдле тридцать лет назад справедливо замечал: «Переиздается, однако, лишь очень малая часть его произведений, причем выбор их отнюдь не определяется их литературной ценностью. Прошло почти сорок лет с его смерти, а его все учат, как думать, и корят за то, что он думал не так, как думать надлежит»¹. Критики «позднего застоя» уже не учили Брюсова, как и что ему думать, в отличие от своих предшественников 20-30-х годов вроде Г.Лелевича или О.Цехновицера, — они накладывали на его портрет обильную ретушь, почти скрывшую от нас Брюсова-философа и Брюсова — политического публициста, Брюсова — военного корреспондента и Брюсова-мистика. Подлинный образ того, кто был «велик как человек и как поэт», постепенно очищается от позднейших напластований.

Тема настоящей подборки — Брюсов и революция — изучена, казалось бы, полностью. Однако в ее заглавии с полным правом проставлено слово «неизвестный».

Традиционное изложение событий таково: Брюсов сразу же принял большевистскую революцию и уже с марта 1918 года начал сотрудничать с новой властью. Что он думал с ноября по март — не афишируется. И.М.Брюсова в давних «Материалах к биографии» сухо обмолвилась: «В дни октябрьского переворота Валерий Яковлевич лежал больной... В эти дни, должно быть под влиянием болезни, — был сумрачен, крайне неразговорчив и мало реагировал на события, несмотря на то, что стрельба шла почти под окнами»². Объясняя «философический отпечаток» на стихах тех лет, И.М.Брюсова настойчиво указывала на болезни и столь же настойчиво умалчивала о политических событиях и отношении к ним Брюсова — положительном или отрицательном. Впервые публикуемые или уже опубликованные, но осмысленные в едином контексте материалы позволяют, как нам кажется, по-новому оценить истинную позицию поэта в первые послереволюционные месяцы.

Открывающее настоящую подборку стихотворение «За что?» неоднократно появлялось в печати с 1918 г., но практически неизвестно современному читате-

лю. Как бы «забыв» о газетной публикации, А.М.Тер-Мартirosян и И.М.Брюсова републиковали его в 1935 г. как «неизданное» с датой «1915 г.», а Д.Е.Максимов в первом варианте своей монографии о Брюсове построил на нем целую концепцию отношения поэта к Первой мировой войне: «Содержанием этого стихотворения служит исполненное гнева и негодования размышление о войне и о том, за что ее приходится терпеть»³. Трудно не согласиться. Однако, как показывает восстановленная по автографу в 1961 г. дата, речь идет не о войне, а о революции. Поэтому понятно, почему с тех пор оно исчезло из всех переизданий, а также почему «забыл» о нем и сам Брюсов в «Последних мечтах», «Кругозоре», «Избранных произведениях». Мы воспроизводим его в настоящей публикации, впервые помещая в тот контекст, в котором оно обнаруживает свой истинный смысл и значение.

Стихотворение «Страшных зрелищ зрителями мы...» написано, как следует из авторской датировки, при получении известий о разгоне Учредительного собрания. Никаких надежд с его созывом Брюсов не связывал, а демократию и либерализм просто презирал, но увидел за самим фактом разгона окончательную невозможность гражданского мира, за который выступал и к которому стремился (см. его статью 1917 г. «О новом русском гимне»). Это стихотворение, как и два следующих в подборке, не могли увидеть света в советское время, а для русского зарубежья Брюсов изначально был персоной нон грата. «Джинь» — это и своего рода вариация на тему одноименного стихотворения Гюго (1828), и еще одно определение большевистской революции как «бесовщины». Брюсов пошел на компромисс с новой властью по глобальным историческим и геополитическим соображениям, видя в ней наследников и собирателей Империи, однако вскоре разочаровался в своем выборе. Это и стало трагедией последних лет его жизни.

Одним из самых горьких разочарований стал нэп. Многие русские поэты были едины в его неприятии — от Владислава Ходасевича до Владимира Кириллова и Василия Казина. Брюсов увидел в нем закономерный этап революции — и одновременно немислимый шаг назад. И более того — царство «торжествующего хама», тот самый «позорно-мелочный, неправый, некрасивый» уклад жизни, против которого восставал с юных лет. И обличал он не «нэпмана», не «тримасы нэпа», как, скажем, Маяковский, а саму политику, в которой видел гибель России и гибель революции. Поэтому его антинэповские инвективы скрывались цензурой от читателя не

менее тщательно, чем антиреволюционные стихи января 1918 года. Если Г.Лелевич⁴ и И.Поступальский⁵ еще могли упоминать эти стихи, то позднее исчезает и самое упоминание о них.

Но глаза! глаза в полстолетие
Партидисциплине не обучены, —

признавался Брюсов в 1922 г. «Брюсов-коммунист» (в отличие от «Брюсова — члена партии») — идеологическая легенда. Извлеченные из архивов и

первых изданий тексты убеждают, что все было гораздо сложнее.

1. Вейдле В. О поэтах и поэзии. Paris, 1973. С.82.
2. Цит. по: Брюсов В. Избранные стихи. М.; Л., 1933. С.144.
3. Максимов Д. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940. С.260.
4. Лелевич Г. В.Я.Брюсов. М.; Л., 1926. С.196.
5. Поступальский И.С. Поэзия Валерия Брюсова // Брюсов В. Избранные стихи. М.; Л., 1933. С.87.

За что?

«За что?» — стонали в Мицраиме
Евреи, руки ввысь воздев...
Но с каждым днем неумолимей
Порабощал их Божий гнев.

«За что? Грех наших своеволий
Казнишь иль за отцов — детей?»
И длился вопль года, доколе
Не встал Водитель — Моисей.

И тот же стон над нами ныне
Стоит: «За что?» — Ответа нет...
Но, может быть, и к нам в пустыне
С Синая прогремит ответ:

«За что? — За то, что вы терпели,
Дрожа, насилие и гнет;

Не научили — к высшей цели
Стремиться свой родной народ;

Что под бичом самодержавья
Вы пригибались пять веков;
Пред миром, не стыдясь бесславья,
Сносили прозвище рабов.

Что не сомкнулись вы в едином
Порыве — за свободу пасть,
А победив, с чутьем звериным
Свою, в добыче, рвали часть.

За ужас долгого позора,
За дни презренья к малым сим,
За грех безволья и раздора —
Сегодня целый край казним!

Бьет срок — сплутиться, чтобы новый
Вождь, тот, пред коим где-нибудь
Теперь пылает куст терновый,
Обрел готовых в трудный путь».

2 января 1918

Страшных зрелищ зрителями мы²
В буре дней поставлены; безвольно
Никнут ныне гордые умы,
Для борьбы нет сил, и сердцу больно.

Черным клубом ужас родился
Из надежд великих, — спрут огромный;
Щупальцами жизнь зажать вся,
Впереди — провал, бездонно-темный.

Где давно ль на алых знаменах
Мы читали светлый клич свободы,
Против брата брат, вздымая прах,
Рать ведет, и эта рать — народы.

Встать и грудью смертный путь закрыть,
Что-то прокричать, чтоб все сознали...
Шепчет мысль, что тщетно говорить,
Умер слух, и все сердца — из стали!

Падаешь бессильно; грозный спрут
Восемь лап невероятных тянет...
Гибель жизни кто переживут?
Для кого счастливый день настанет?

Все равно! Вам, будущим, привет!
Вспомните, что мы, дрожа во мраке,
Ждали, скоро ль брызнет первый свет...
Голос умер... Этот стих — лишь знаки.

6 января 1918

Джины³

Мы, странник, знаем, как играют джины
Тем, кто в пустыне потерял свой путь,
Вдали меня лживые картины;

Коварно манят к пальмам отдохнуть,
Влекут к ручьям хрустально-светлой влаги
И все скрывают, насылая жуть.

Лежат песков бесцветные зигзаги,
Холмы и доли, доли и холмы,
И всюду — духов дикие ватаги.

Скача, кривясь, как демоны чумы,
Они мелькают в знойных струйках пыли,
В лучах заката и в разливах тьмы.

Хочут, зная тщетность всех усилий
Бороться с ними, но зовут на бой,
Крича беззвучно вслух: «Мы победили!»

Сонм карликов, ползут в степи густой,
А ночью каждый ходит великаном,
Поют, визжат, довольные собой...

Потом, измучив до конца обманом,
Все пропадают... В свете и в тени
Пустая даль пред скорбным караваном...

И начинают быть за днями дни, —
Бесцельны, безнадежны, странно схожи...
Меж высью и простором вы — одни!

Идем по солнцу... вдруг, в бессильной дрожи,
Свой след находишь... Тропки лживо выют,
И знаешь: завтра снова то же! то же!

В отчаянии к верблюду льнет верблюд,
Торопишь их — стоят; им увеличишь
Воды в меху, испуганно не пьют!

Где ложь и правда, сам не разграничишь,
Нет веры и нет сил, мутится ум,
Манить врагов на бой напрасно кличешь.

В глазах круги, в ушах невнятный шум,
Но нет ответа! Молишься, от страха
Пред пустотой, чтоб налетел самум!

И вдруг все люди, ниц упав, Аллаха
Зовут в тоске, кричат: «Умилосердь
Свой правый гнев!» Подняв чело от страха

Вновь эту ж видишь роковую твердь,
Как звонкий свод неразрушимой меди...
Ложатся все, поняв, что это смерть!

«Прости» друг другу говорят соседи,
А джинов снова вырастает хор,
Они вопят, ликуя, о победе

И полнят хохотом пустой простор!

14 января 1918

* * *

Рушатся царства; народы охвачены⁴
Буйством безумий: везде на земле
Кровь и проклятья, и миром утрачены
Дороги — во мгле!

Все ж неизменна, над грозными сменами,
В бурю вливая небесную тишь,
Ты, Афродита, рожденная пенами,
Победно царишь!

В час, когда город, раздором загубленный,
Шумен и грозен, убийствами сыт, —
Юноша, в толпах теряясь, к возлюбленной
Жадно спешит.

Ночью под небом, горящим в изверженных
Страшных снарядах, под гулы и гром,
Где-нибудь двое, в объятиях несдержанных,
Блаженны вдвоем!

Завтра — неверно! И смерть без пристрастия
Ходит меж нами, разя без числа...
Все же, во мраке, в кольце сладострастия
Трепещут тела!

Звук поцелуев и шопот влюбленных
власть

В дни разрушений
Бессмертная страсть!

25 января 1918

Молитва⁵

О Господи! очисти нам
Наш дух, дай силы нам
Служить великим истинам,
Внимая небесам!

В нас разум с чувством борется.
Их оба просвети,
И будет дело спориться
На жизненном пути.

В последнем откровении
Согласен с сердцем ум.
Подай нам волю — менее
Внимать расчету дум!

Где вера беззаветная,
Там голос мысли смолк...
Дай верить, чтоб не тщетно я
Мог выполнить свой долг.

8 апреля (23 марта) 1918

К себе 1919 года⁶

Опять — не мало перекрестков,
И перепутий, и путей...
Идя, я хоронил подростков,
В могилу провожал детей.

А сколько сверстников оставил
В степях, в лесах, в теснинах скал,
И смельчаков погибших славил,
И новых спутников искал!

Летами я не стар, но много
И видено, и свершено...
Уже дошла моя дорога
До цели, выбранной давно.

Когда-то, словно признак синий,
Она вдали пленяла взор,
И твердо шел я по пустыне
Карабкался по кручам гор.

Теперь ступил я за пределы,
Проник на льдистые хребты...
Что впереди? — Мне скажут: целый
Мир, полный вечной красоты.

Но спуск изведать неизбежно, —
И став у первой крутизны,
Я медлю... Ах! с вершины снежной
Долины далеко видны!

Там — тропы, пропасти, пещеры;
Там — рощи, кровли и стада...
И вновь из мглы скользнут Химеры,
Обманет Страсть, смутит Беда!

Пусть в жилах не скудеют силы,
Но повторенья мучат ум,
И что-то шепчет: сон могилы
Не слаще ль, чем вседневный шум?

Соблазн — последний срок ускорить —
Порой в мечтах неодолим...
— Нет, сердце! ты не смеешь спорить,
Не смеешь упиваться им!

1919

Пасха 1921 года⁸

Спешный день, канун пасхи и первого мая,
Отскакал свой век по звездным часам:
Наклонилась ночь, все краски ломая
И на язвы от солнца цедея бальзам.

Где утром глумилось разгулье Трубной,
Мостовая спала, умыта дождем,
Ждал добычи город, зверь сластолюбный,
В окнах лица светились над большим куличом.

Каждый притон был доволен, подведя свой счеты;
Отдувались, набиты живностью, погреба;
Изнемогши за сутки от непосильной работы,
Вновь фыркала вольно водопроводная труба.

Забота, что рыскала шесть дней, сломя шею,
Искала денег, торговала, считала барыш,
Лежала вверх брюхом, подобно сытому змею,
Иль шныряла к церквам, как летучая мышь.

Лишь кое-где на лентах атели девизы:
«Праздник труда», «Пролетарии» и т.д...
И, кровь на тени, пятнались карнизы
Красным клочком, увы, не везде.

Новый мир старина, торжествуя, давила,
Выползала из щелей, плыла в синеве.
И московским царям дубовый Ярило
Протягивал руку в советской Москве.

1921

* * *

Не довольно ли с грохотом кратеры?
Плевались расплавленной лавой?
Пляшите, лукавые сатиры,
Пьяны античной забавой.

Под полднями древней воли, мы
Вновь слушаем басни поэтов:
Вновь Улисс и Неоптолемы
Пришли искушать Филоктетов.

Кто промыслам божески-бесовским
Ныне детски веровать станет?
Но все льнем мы к стрелам геркулесовым,
Тем, что без промаха ранят.

Перекрашивай старые вывески,
Веди хороводом кооперативы,
Но на пьяный пир облеку виски
Листьями лавров, роз и сливы.

Чтоб пред ложей Ллойд-Джорджей и Лениных,
Пред театром, сплоченным в семейство,
На подмостках, грозой овесененных,
Смехом жгло Дионисово действо.

31 мая 1921

* * *

Над долиной, где смолкли щекоты славии⁹,
Коршуна зоркого клекот распластан;
За мечты о победе, смех! не о славе ли, —
Кровью и плотью, на закате расплата!

Иль не видел, не слышал, не чуял, не понял ты,
Богатырь, что ехидной насмерть ужален,
Где был громом твой меч, над шлемами поднятый,
Где не яростней пчел вражьих стрелы жужжали?

Город, — в опере мумии, —
Оживает, огнями вспоен.
Где недавно грабили Муммии,
Ныне — в венке Сципион.
Старые сходни налажены
С праздничной аркой в конце;
Витрины горят эталажами,
В кафе румынский концерт.
Миллионы за булки сдобные,
Миллиарды на стол в шмен-де-фер...
Вороти в колеи удобные,
Взнузданный Ресефесер!

Стелет ночь свой туман, — сизый дым в крематории, —
Лунный лик расцветает на сини пунцово...
Передернута ль карта, страница истории?
На экран ли поставлено полотно Васнецова?

Умирай, богатырь, без упрека, без выкрика!
Скручен в горле твой зык! — Соблюдая обычай,
Коршун сядет на грудь, чтоб зрачки тебе выклевать,
И крича полететь, и гордиться добычей!

25 октября 1921

Примечания

Все датировки в тексте принадлежат В.Я.Брюсову.

1. Впервые: Мысль. 1918. 15 янв. №3. Вошло в книгу: Брюсов В.Я. Неизданные стихотворения. М., 1935. С.194 (с датой «1915», проставленной И.М.Брюсовой по цензурным соображениям; см. письмо И.М.Брюсовой Д.Е.Максимову от 22 января 1952 г. — ОРиРК ГПБ, ф.1136, ед.хр. 14, л.29 об). Печатается по последней публикации, сверенной с автографом: Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С.536 (Библиотека поэта. Большая серия). В прижизненные издания Брюсова не входило.

2. Публикуется впервые по беловому автографу Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки, ф.386 (Брюсов В.Я.), карт.12, ед.хр.5, л.28.

3. Публикуется впервые по черновому автографу (там же, л.20).

4. Публикуется впервые по черновому автографу (там же, л.31). Стихотворение не окончено.

5. Публикуется впервые по беловому автографу (там же, л.11).

6. Впервые: Москва. 1919. №3. С.2. В книге Брюсова не входило и позднее не перепечатывалось. Печатается по тексту первой публикации. Вариант этого стихотворения под заглавием «У цели»: Брюсов В.Я. Неизданные стихи 1914-1924. М., 1928. С.80, а также в третьем томе Собрания сочинений в семи томах (М., 1974).

7. Публикуется впервые по черновому автографу (ОР РГБ, ф.386, карт.12, ед.хр.9, л.26).

8. Впервые: Брюсов В. Миг. Пб.-Берлин, 1922. С.27-28 (раздел «Из прежде в теперь» после стих. «Коммунарам»). Позднее не перепечатывалось. Печатается по тексту первой публикации.

9. Впервые: Брюсов В. Избранные стихотворения. М., 1945. С.432 (с цензурным пропуском строк 9-20). Полностью печатается впервые по беловому автографу (ОР РГБ, ф.386, карт.12, ед.хр.9, л.16).

Предисловие, публикация и примечания В.Э.Молодякова.

Борис Садовской

Кровавая звезда

Посмертная судьба Бориса Александровича Садовского (1881-1952) сложилась не слишком удачно. В лавине «возвращенных» публикаций, три-четыре года назад захлестывавшей издательства, как-то незаметно растворился стотысячный тираж сборника его прозы «Лебединые клики»¹, — первого за 60 лет и наиболее полного на сегодняшний день из всех существующих изданий этого автора. Тихо прошли «Записки» Садовского в 1-м томе «Российского архива»². Не много откликов было на публикацию фрагментов его «Дневника»³ (жаль, что этот интереснейший текст не сопровождается необходимым комментарием).

Биография писателя довольно необычна, напоминает лесковское «житие» и изобилует мистификациями, на которые Садовской был большой мастер. Нельзя отделаться от странного впечатления, что некоторые из них дают о себе знать вплоть до наших дней. Оставим в стороне такие мелочи, как упорное написание фамилии «Садовский» вместо правильного «Садовской» и путаницу с точными датами его рождения и смерти, связанную с неверным переводом стилей и восходящую к давней статье Л.Н.Черткова в КЛЭ⁴. Но вот Вл.Б.Муравьев в предисловии к сборнику «Юлия, или Встречи под Новодевичьим» именует Садовского «Борисом Ивановичем» и сыном «председателя Нижегородской губернской комиссии», пропуская ключевое слово «архивной»⁵. А.В.Блум, в свою очередь, в послесловии к повести С.Р.Минцлова «За мертвыми душами»⁶ упоминает «Б.Ф.Садовского». Но эти lapsus calami меркнут перед фактом помещения фотографии Садовского en face с подписью «Николай Гумилев» на авантитуле гумилевского «Неизданного и несобранного»⁷.

Конечно, искать в этих оплошностях мистического смысла не стоит. Но несомненно, что у парализованного Садовского, жившего в церковном подвале на кладбище Новодевичьего монастыря, были свои отношения с потусторонним миром. Этот мистический опыт отразился в его дневнике, в прозе и стихах, написанных во вторую половину жизни, в том числе — и в публикуемой повести.

Инвалидность Садовского — следствие сифилиса, который не был радикально излечен еще в 1904 году. Паралич разбил жизнь 35-летнего писателя надвое: не поднимаясь с кресла, но сохраняя ясный ум и творческую работоспособность, он прожил еще 35 лет. Несчастье произошло накануне Февральской революции, и Садовской мог наблюдать, как одновременно с постигшим его телесным крахом с поразительной легкостью обрушилась так называемая «тысячелетняя российская твердыня». Знаки судьбы были слишком явными, чтобы ими пренебречь.

По неотесанным громадам
Брожу с тяжелым топором
И меряю последним взглядом
Их нискождеенье и подъем.

Стою на каменистом кряже.
Отсюда начинал я путь.
Уж я не тот, но мука та же
Томит и надрывает грудь.

А сзади занавес железный
С прощальным хохотом упал.
Топор мой покатился в бездны.
Похорони меня, провал!

1917⁸

В письме Андрею Белому от 15 декабря 1918 г. Садовской признавался, что его дважды вынимали из петли⁹. Позднее он даже благословлял свое физическое несчастье, вспоминая слова Нового Завета о зерне, которое должно умереть, дабы прорасти... Но к России, как он считал, это не относилось. Она погибла для Садовского навсегда, безвозвратно.

Генезис идей Садовского непросто для анализа, хотя они и не вполне оригинальны. Разбирать сложный конгломерат из Константина Леонтьева, Николая Федорова, Экклезиаста, творений Святых Отцев и еще многих составляющих в рамках короткого предисловия мы не имеем возможности, поэтому ограничимся самым беглым пунктиром. Вначале Садовской склонялся к расхожему, даже затрепанному мнению о некоем заговоре мирового зла против России, об экспорте революции из-за границы (отголоски этих воззрений явны в «Кровавой звезде»). В 1917 году было написано следующее стихотворение:

ВАРЯГИ

Старший поднялся на лодке:
Сходни народом кипят,
Лица радушны и кротки,
Зол и нерадостен взгляд.

Средний, угрюмый как филин,
Руки сложил на груди.
Берег велик и обилен,
Только порядка не жди.

Младший, на острое падок,
Молвил, прищурясь на свет:
«Вот и дадим им порядок
Сразу на тысячу лет»¹⁰.

Спустя 14 лет, проведенных в размышлениях «наедине с собой», Садовской пришел к мысли о том, что мировое зло — величина постыдная, от века присутствующая в истории:

«Количество зла в мире всегда одинаково и складывается так или иначе. Не стало крепостного права — явилось 1 марта. Еще вопрос, какое из двух зол ужаснее. Наши либералы видели зло в

самодержавии, теперь они видят его в большевизме. А в сущности определение «зла» тут неуместно. При всяком политическом строе, независимо от него, количество мирового зла, вечно одно и то же, должно высказаться, и оно высказывается в той или иной форме. Слава Богу, что кончилось большевизмом, а не Керенским. Подлее и гаже этого типа, гнуснее его эпохи (февр<аль>-окт<ябрь> 17) не было в русской истории¹¹.

Влияние одиозных фальшивок типа «Протоколов сионских мудрецов» легко угадывается в «Кровавой звезде». Антисемитизм Садовского, по крайней мере в первые послереволюционные годы, укладывался в рамки распространенной схемы, по которой необходимо существование универсального символа «мирового зла». Для такого символа, как показывает печальный опыт европейской истории, не было и нет лучшего и удобнейшего объекта, чем евреи. На наш взгляд, Садовского-прозаика на этой скользкой тропе выручает то, что «антисемитизм» у него так же стилизован, как и вся его легкая, начисто лишенная психологизма, какая-то мультипликационная проза. Безупречный вкус и чувство меры не дают Садовскому фальшивить (хотя, справедливости ради, надо отметить, что среди его произведений есть художественные провалы именно из-за идеологической тенденциозности).

Тема «мирового еврейского заговора» понятным образом актуализировалась после 1917-го года, когда и была написана «Кровавая звезда». Николай II, который вел список прочитанных им во время своего заключения книг, упомянув какую-то «Книгу Нилуса об антихристе, куда прибавлены протоколы евреев и массонов», сделал примечание: «Весьма современное чтение». Еврейское начало в русской революции — неопровержимый и бесспорный факт. Над этим размышляли и те, кого никак нельзя было причислить к антисемитам. Молодой литературовед Юрий Никольский, из обостренного чувства чести и боли за Россию пошедший на германский фронт добровольцем в октябре 1917-го (!), писал Л.Я.Гуревич на второй день Пасхи 1918 года:

«Я все больше уверяюсь (самостоятельно), что еврейское начало сыграло трагическую роль в судьбах дорогой мне по февралю — русской революции. Еврейское начало в лучшем случае это Гершензон, это «человек без пейзажа» (т.е. Интернационал). Под пейзажем я понимаю всю совокупность того, что не человек, сюда — родина, природа, война, то, без понимания чего сейчас жизнь окончательно непонятна, ибо человек мерзок и есть отрицание самого себя. Для меня ясно: кто духовно положительно не пережил несказанное величие лиха войны, тот уже мертв в веках; он и для революции оказался мертв, и вот она из орлиной стала вороньей, без взмаха, без пафоса, хотя бы дикого, с мелким низменным торгашеством. Национальный быт еврейского народа — Интернационал. Откуда было взяться «пейзажу» у народа без отечества? Но от этого произошло омертвление духа, талмудизм, что-то застрявшее, мертвое, сложное, что когда-то горело и жило. И мы, с нашей безмерной восприимчивостью, подпали этому богу и ставим памятники Карлу Марксу. Это

не одно, но и это. Не одно, потому что сейчас, как всегда перед лицом Смерти, все связано со всем и одно что-нибудь не решает всего»¹².

Зло, выплеснувшееся наружу в результате всех политических катаклизмов, было настолько inferнально-бездонно, что многим в то время невозможно было представить его себе в виде субстанции, латентно дремавшей в толще русской жизни. Хорошо известно, как ужаснулся (но потом оправился — убедил или обманул себя) Максим Горький. Для Садовского такие «темы», как надругательство над мертвыми, осквернение праха, были безразличны — и именно они повторялись раз за разом, как бредовый кошмар. Сейчас трудно утверждать, произошел ли в действительности тот или другой дикий случай, или же это ложный слух. Но само бытование подобных слухов показательно. Вот лишь некоторые из них, разбросанные на протяжении почти двадцатилетия и безусловно известные Садовскому:

— в Кремль доставлена для демонстрации большевистским вождям отрезанная и заспиртованная в стеклянной банке голова Николая II;

— зверям петроградского Зоологического сада скормлен труп расстрелянного ВЧК профессора Никольского, исследователя творчества Катулла, Пушкина и Фета (кстати говоря, близкого знакомого Садовского);

— беспризорники трудовой колонии в бывшем имении Мартыновых Знаменском, после рассказа учителя о судьбе Лермонтова, вскрыли фамильный склеп, вытащили из могилы кости Н.С.Мартынова и вздернули мешок с ними на березе (об этом рассказывал писатель К.Большаков);

— при перезахоронении летом 1931 года могил Даниловского монастыря на Новодевичьем кладбище кто-то из советских писателей (они присутствовали при эксгумации целой делегацией) ухитрился в виде «сувенира» стащить из гроба Гоголя то ли ребро, то ли оторвать лоскут от его сюртука (и вставил потом в переплет прижизненного издания «Мертвых душ» в своей богатой библиотеке).

Отражением глубокого исторического пессимизма и духовного перелома стала запись в дневнике Садовского, сделанная в 1932 году, на второй день ноябрьских праздников:

«Стою на рубеже совсем новой жизни.

Прежде всего я сознаю, что прошлое навеки кончилось, что Русь погребена безвозвратно, причем на ее могиле не крест даже вбит, а осиновый кол»¹³.

После переезда около 1929 года в Москву и вселения в церковный подвал (получение «жилплощади» отняло массу сил и было по тому времени почти невероятной удачей) Садовскому особенно отчетливо стала видна некая «закольцованность» своей жизни. Зримым символом тезиса «все проходит, но ничто не исчезает» стало Новодевичье кладбище¹⁴. Перед вросшими в землю полуподвальными окошками Садовского — могила Дениса Давыдова, о котором Садовской писал когда-то в своей книге «Русская Камена». Та старая «муссагетовская» книжка 1910 года издания шрифтом, бумагой, гравюрами и виньетками принадлежала ко времени, далекому, как эпоха гусара-поэта. А по сторонам кладбищенских

аллеек, куда вывозили в инвалидном кресле на прогулку Садовского, — могилы бывших приятелей: вначале Брюсова, затем Белого, Эрн, Чулкова, Пяста...

Существует легенда, идущая от Анастасии Цветаевой, о том, что вселился Садовской в склеп, откуда вынесли 22 гроба. Это не так. На самом деле в монастыре, превращенном в музей, обитала целая колония писателей, художников и рабочих Гознака. Получили там жилье сотрудники Государственного Исторического музея, чьим филиалом стал монастырь. В одной из башен жил граф П.С.Шереметев, в маленьком домике каких-то монастырских служб — известный архитектор П.Д.Барановский. Во флигеле царицы Софьи разместились детские ясли. Летом житье было просто завидное, почти идиллическое: везде клумбы, цветы, благоухание, чистота и порядок, который, правда, несколько портили шатающиеся пьяные хулиганы из двух пивных заведений, открытых в 1928 году прямо у монастырских стен.

«Никита Петрович Гиляров-Платонов
Тогда-то родился, скончался тогда-то».

Ни кроткой лампадки, ни благостных звонов.
Одно неизменно сиянье заката.
Пчела прозвенела над тихой могилой.
В траве одуванчик: живая лампадка.
Глажу и тоскую о родине милой,
О бедной России, упавшей так гадко.

Вдруг слышу мольбы и глухие проклятья:
Пропившийся, хилый мальчишка-рабочий
К угасшей заре простирает объятия,
Грозит кулаком наступающей ночи.
И бабьим, родным, вековечным приемом
Вцепившись в него, бормоча ему в ухо,
Пытается мать соблазнить его домом.
О чем ты хлопочешь и плачешь, старуха?
Давно у нас нет ни домов, ни законов,
Запрыгали звезды и мир закачался.

«Никита Петрович Гиляров-Платонов
Родился тогда-то, тогда-то скончался».

1929¹⁵

Размышляя в своем уединении о Боге, истории, времени, вечности, жизни и смерти, даже о четвертом измерении, Садовской приходил порой к удивительным догадкам и выводам. Независимо от Эйнштейна он создал собственную теорию пространства-времени, где время физическое (которое, по его мнению, было мнимой величиной, существующей лишь в сознании) и время историческое представляли разные категории. Можно рискнуть сравнить опыт Садовского с опытом провидцев-визионеров, каким был Даниил Андреев, — при полной противоположности исходных посылок и различных испытаниях, выпавших на долю каждого (у обоих по-своему жестоких и страшных). Но, в отличие от Андреева, целостного изложения своих взглядов и видений, каким для того стала «Роза Мира», Садовской не оставил. Возможно, таким трудом должна была стать не написанная им эпопея «Истоки дней», несколько раз упоминаемая в дневнике.

Верни меня к истокам дней моих.
Я проклял путь соблазна и порока.
Многообразный мир вдали затих,
Лишь колокол взывает одиноко.

И в сердце разгорается заря
Сияньем не вечернего светила.
О, вечная святыня алтаря,
О, сладкий дым церковного кадила!

Заря горит все ярче и сильнее.
Ночь умерла и пройдены мытарства.
Верни меня к истокам первых дней,
Введи меня в немеркнувшее царство.

1935¹⁶

Судя по сохранившимся отрывкам и отдельным записям, Садовской переосмыслил не только собственную жизнь, но и всю российскую историю. Консерватизм, подчас подчеркнутый, всегда был в основе его мировоззрения, но во вторую половину жизни он из мировоззренческой доктрины стал едва ли не единственной основой бытия. «Былые мои интересы, — писал Садовской К.И.Чуковскому в декабре 1940 года, — <...> перед нынешними то же, что горошина перед солнцем: форма одна, но в содержании и размере есть разница»¹⁷.

Прежде всего произошел расчет с тем предревлюционным 15-летием, которое под идущим от С.К.Маковского и от частого употребления уже поистершимся наименованием «серебряного века» обзавелось собственной мифологией. С современной точки зрения «серебряный век» представляется аккумуляцией высших достижений русской культуры конца XIX — начала XX столетий. Садовским же нравственная основа «серебряного века», естественно, воспринималась как глубоко антихристианская, даже демоническая, — при том, что он когда-то находился в непосредственной близости к центру отечественного символизма. «И все-таки благо, что Вы освободились от «слюны бешеной собаки» — писал Садовскому в июле 1919 г. Юрий Никольский¹⁸, подразумеваемая полный разрыв с той эпохой, одним из символов которой стало кафе «Бродячая Собака». Но осмысление судеб России через ее литературу не ограничивалось у Садовского отрицанием декаданса. В 1929 году, при начале официального советского культа Пушкина, Садовской написал стихотворение, обращенное к кумиру своей молодости и общему кумиру «серебряного века»:

ПУШКИН

Ты рассыпаешься на тысячи мгновений
Созвучий, слов и дум.
Душе младенческой твой африканский гений
Опасен, как самум.
Понятно, чьим огнем твой освящен треножник
Когда в его дыму
Козлиным голосом хвалы поет безбожник
Кумиру твоему¹⁹.

Это не было ни эпатажным ниспровержением, подобным давним декларациям футуристов, ни ребяческой попыткой «поколевать треножник». Садовской (кстати говоря, проникательный пушкинист, высоко

ценимый В.В.Вересаевым, М.А.Цявловским, Н.С.Ашукиным, несмотря на малое число оставленных им печатных работ) пришел к восприятию творчества Пушкина, как мощного «соблазна», исподволь разлагающего «святоотческое» христианство. Показательны слова, вложенные Садовским в уста Нестора Кукольника, персонажа романа «Пшеница и плевель», посвященного судьбе Лермонтова:

«В Пушкине, как в золоченом орехе, кроется яд невероятной разрушительной силы; у церковных людей этот яд называется соблазном. Только действие его не скоро скажется. Ох, не скоро!»²⁰.

Опубликование значительной части творческого наследия Бориса Садовского, хранящегося в архивах, откроет писателя оригинальной и весьма своеобразной мысли, тонкого стилиста-прозаика, незаурядного поэта. Его яркое дарование выделяется даже на фоне блестящей плеяды литераторов «серебряного века». Числить Садовского в категории полузабытых, второстепенных писателей, как продолжалось на протяжении нескольких десятилетий — позорное расточительство и пренебрежение талантом, которым в другой стране закономерно бы гордились. Садовской уверял, что он не честолюбив. Казалось, писатель смирился с тем, что память о нем канула в Лету; более того: многие были убеждены, что он давным-давно умер.

Ты вязнешь в трясине и страшно сознаться,
Что скоро тебя засосет глубина.

На что опереться и как приподняться,
Когда под ногой ни опоры, ни дна?

Мелькают вдали чьи-то белые крылья:
Быть может, твой друг тебе руку подаст?
Напрасны мечты, безнадежны усилья:
Друг первый изменит и первый предаст.

Крепись! Тебя враг благородный спасает.
С далекого берега сильной рукой
Он верную петлю в болото бросает
И криками будит предсмертный покой.

1941 21

Но, в то же время, Садовской берег свой архив, продолжал до последних дней разбирать и перерабатывать рукописи, распределял материал для гипотетического шеститомного собрания сочинений. Он не сомневался в том, что труд его жизни не пропадет.

«Кровавая звезда» публикуется по машинописи с авторской правкой (РГАЛИ, ф.464, оп.4, ед.хр.21).

1. Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990.

2. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. М.: ТРИТЭ, 1991. Т.1. С.106-183.

3. Садовской Б. Заметки. Дневник (1931-1934) // Знамя. 1992. №7. С.172-194.

4. Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Г.6. Стб.597. Указаны даты: 22.II(6.III) 1881 — 3.IV.1952, тогда как верные: 10(22).II 1881 — 5.III.1952. Ср. в стихотворении Садовского из книги «Самовар» (1914):

Родился я в четырнадцатый день,
Как вещий Достоевский был скоронен...

5. Муравьев Вл.Б. «Вечная сторона натуры и духа человеческого» // Юлия, или Встречи под Новодевичьим: Московская романтическая повесть конца XIX — начала XX века. М.: Московский рабочий, 1990. С.22.

6. Минцлов С.Р. За мертвым душами / Подгот. текста и послесловие А.В.Блюма. М.: Книга, 1991.

7. Гумилев Н.С. Неизданное и несобранное / Сост., ред. и коммент. М.Баскера и Ш.Греем. Париж: YMCA-Press, 1986.

8. РГАЛИ, ф.464, оп.2, ед.хр.35, л.66.

9. См.: Шумихин С.В. Писатель из Новодевичьего монастыря // Садовской Б.А. Лебединые клики. М., 1990. Письмо Садовского Белому перепечатано: Знамя. 1992. №7. С.175.

10. РГАЛИ, ф.464, оп.2, ед.хр.35, л.58.

11. Знамя. 1992. №7. С.180.

12. РГАЛИ, ф.131, оп.1, ед.хр.163, л.56.

13. Знамя. 1992. №7. С.183.

14. О посещении Садовского в монастыре см. в воспоминаниях Е.В.Юнгер «Все это было...» (М., 1990. С.61-65).

15. РГАЛИ, ф.464, оп.2, ед.хр.39, л.9-10.

16. Там же, л.14.

17. Знамя. 1992. №7. С.192.

18. РГАЛИ, ф.464, оп.2, ед.хр.147, л.18.

19. Там же, ед.хр.39, л.12.

20. Там же, оп.4, ед.хр.23, л.44 об.

21. Там же, оп.2, ед.хр.39, л.42.

Кровавая звезда

Он человекоубийца без искови и во истине не стоит: яко ложь есть и отецъ лжи.

От Иоанна VIII

Пролог

Он был живой, но жизни чужд казался.

Жуковский

Третьего дня Бонапарт возвратился с Эльбы.

И Тюльерийский дворец оживает вновь. Гремя подлетают к подъезду парадные кареты, оставляя на мраморных ступенях то пышного царедворца с жезлом, то шумящую шлейфом даму, то генерала в страусовых перьях и малиновом плаще. Тощий маршал ждал у лестницы тучного камергера; пыхтя застегивал камергер золотую пряжку на белом башмаке. Шумно и весело проходят по залам наполеоновские сановники. Подле приемной гренадерский взвод в медвежьих киверах. Команда; стукнули в пол приклады и грозно замер, сверкнув глазами и шпагой, седоусый офицер.

Время неслось. Вот уж восемь кругов с полудня успели обойти часовые стрелки; томится великолепная толпа. Изредка вспыхивают восклицанья как будто сами собою; никто уже не смеется и не острит. Порою из рассеянной табакерки сыпался табак; нетерпеливо щелкали ногти; усы упорно крутились.

Вдруг издали принесли невнятный гул. Всё встрепенулось и точно помолодело. Дамы расцвели улыбками; переглянулись придворные; блеснули глаза военных. Гул ближе и ближе. Все кинулись к окнам. Мимо Цветочного павильона мчится карета; ее окружают всадники. Потрясая саблями, режут они: император!

Ответный восторженный клич загремел в Тюльерийских залах.

.

Взяв ванну, император выслал слуг и очутился один. Полное тело его колыхала усталость; присев к столу, он кивнул.

— Здравствуй, — ответил беззвучным голосом черный человек. — Ну вот ты и дома. Ого! гербы Бонапарта снова на всех стенах. Где же увядшие лилии христианнейшего Людовика?

Черный прыгнул на стол.

— Кончается монархия Карла Великого. Последний Бурбон убежал от нас. Смотри: он забыл здесь очки и табакерку. Впрочем, и твоим орлам недолго жить. Всё осенит наш неизбежный пятиугольный герб.

Черный коснулся руки императора.

— Ты не забыл еврейку из Латинского квартала?

— Она умерла.

— Но оставила дочь. И тебе предстоит согласиться на брак ее со мной.

Черный поднес к глазам императора зеленоватое зеркальце.

— Кого ты видишь?

— Юношу в короне.

— Это наш последний соперник. Победить его может дочь дочери твоей. Итак, решайся.

— Я согласен.

Черный со смехом подпрыгнул и сразу сделался меньше. Он таял, худел, исчезал; превратившись в блестящую точку, с жужжаньем взлетел и ударился в потолок.

Часть первая Флейта

Я принял его за жид.

Пушкин

Коллежский советник Карл Оттович Риттер служит в департаменте Третьего отделения. Дед его выехал из Голштинии в свите Великого князя Петра; отец состоял при Павле. По службе Риттер подвигается легко. Граф Бенкендорф поручает ему перлюстрацию всей заграничной переписки; не в очередь два раза представлен Риттер к награде и удостоился Высочайшей благодарности. Моложавый, прямой, в голубом вицмундире с крестом на шее, Карл Оттович сияет безмятежной улыбкой и ясным взором.

У Риттера на Петербургской стороне светло-синий домик с мезонином; здесь в палисаднике весной голубеют фиалки, петух кричит и распускается сирень; зимой две вороны со снежной клумбы заглядывают в окно. Тихие комнаты в чистоте содержит седая чухонка; хозяин не любит гостей и чуждается дам.

Придя со службы, Карл Оттович после обеда долго играет на скрипке. Его слушают книжные полки, стенные часы, гравюры, большой портрет Шиллера. Но вот уже стемнело. Служанка зажигает свечи в канделябрах, готовит кофе, подает выборгский крендель.

По воскресеньям классические квартеты. Разыгрывать Бетховена и Баха являются статский советник Зигфрид и полковник Львов. Последним приезжает воспитатель Наследника, генерал-адъютант Карл Карлович Мердер. Завидя его все почтительно поднимались. С коротким поклоном статный генерал принимал из рук Львова скрипку и, отстегнув на левом плече тяжелый эполет, выходил в голубую гостиную к нотам.

Музыка ровно лилась с четырех итальянских скрипок. Под их пение перед Риттером возникала девственная Россия, царство счастливой тишины и спокойной славы.

Над необъятными лесными, степными и хлебными просторами стоит на страже боговенчанный Монарх. Как благодатно сияет лазурь величавых очей его!

Все устремляется к нему и от него исходит. У алтарей днем и ночью церковным клиром возглашается священное его имя. Сановники слагают перед тронем свои труды, исполненные по его державным предначертаньям. Вожди готовят грозные рати к его орлиным победам. В тиши дворянских поместий свершается благословенный Богом крестьянский труд. О православное царство!

Так часа три заливались и пели скрипки в просторной голубоватой комнате. Мердер кончал игру, передавал скрипку Львову и, пристегнув эполет, выходил с поклоном. Высокие труды призывали его: он спешил во дворец.

.

В мезонине у Риттера проживал старичок чиновник; этой зимой он умер. Карл Оттович озаботился приискать жильца. Воротясь в Екатеринин день из департамента, увидел он, что билеты с окон сняты, стекла протерты и дым клубится из мезонинной трубы. Все три комнаты занял приезжий барон-дипломат из голландского посольства. Вечером новый жилец представился хозяину. Смуглый, худощавый, с хищным носом, он очень хвалил квартиру; при виде скрипки сделал приятную мину; о Шиллере отозвался, что видывал в детстве его не раз.

В начале декабря у Риттера должна была состояться репетиция народного гимна, сочиненного Львовым. Кроме него и Зигфрида прибыли два гостя: курчавый барин и батюшка в серой рясе.

— Карл Оттович, — воскликнул барин, — мы к вам слушать гимн. Отец Владимир от Святейшего Синода, я сам от себя.

— Милости просим, Александр Сергееч.

В дверях показался барон, завитой, напомаженный, во фраке со звездой.

— Тысячу извинений. Я из посольства. Заехал взять флейту и, кстати, предупредить, что возвращусь я не рано.

— Не беспокойтесь, господин барон. Угодно вам кофею?

— Не откажусь. Я вижу, у вас гости. Святой отец, примите почтительный мой поклон. Проповеди ваши восхищают даже иноверных. Полковник, дочь моя в восторге

от ваших композиций. В лице господина Пушкина приветствую Вольтера наших дней. О вас мне говорил барон Геккерен.

Пушкин поморщился.

— А, старый приятель, господин Зигфрид!

— Как? Вы знакомы?

— Давно, еще в прежний приезд. Я был тогда секретарем у графа Палена.

— Но с вами флейта; сыграйте что-нибудь.

Барон поклонился.

Повинуясь острым губам и костлявым пальцам, флейта запела. Какой тревожный, ни с чем не сравнимый голос! Какая скорбь! Стоны превращаются в рыдания. Непоправимое горе тоскует в них, горе такое, что, кажется, сам Вседержитель готов отступить перед миром своим, как перед ошибкой. И на душе у Риттера заколебались лазурные круги. Сердце вдруг запросило беспорядка. Для чего, в самом деле, ходишь в департамент, играть на скрипке, перечитывать Шиллера, прозябать на Петербургской стороне? К чему вицмундир и орден? Зачем присяга, совесть, долг, зачем...

Карл Оттович с усилием встрепенулся. Флейта продолжала петь. Львов слушал, зажмурясь. Зигфрид не сводил с барона упорных глаз. Раздался звонкий смех Пушкина.

— Батюшка, да вы заснули! Очнитесь: царствие небесное prospite!

Барон оборвал игру.

.

В Зимнем дворце маскарад.

Ровно в десять зазвучала труба герольда; в торжественном полонезе шествуют в зал маркиз с боярышней, черкешенка с герцогом, гранд с царевной.

Опять воззвала труба: отпрянув к колоннам, гости сняли маски. Все смолкло. Точно крылатая лилия входит Императрица, женственно-нежная, стройная, в серебристом одеянии Лалла-Рук; за ней фрейлины в лазурных и белых тканях. Из встречных дверей величаво вышел Император Николай Павлович, могучий красавец в серебряных латах под бирюзовою мантией. Двенадцать рыцарей сопровождают Государя.

Перед кадрилию Император обходил гостей.

— Здравствуйте, донна Соль, — улыбнулся он Смирновой. — Добрый вечер, господа пажи: не потеряйте дам. Ба, Пушкин! Вот не думал я видеть Фауста у себя. При каком, бишь, императоре жил Фауст?

— При Карле Пятом, Ваше Величество.

— Кто же из нас опоздал родиться: я или ты? И Мефистофель здесь; ты знаешь его?

— Ваше Величество, это какой-то голландский барон.

Император проследовал в гостиную.

— Привет мой премудрому Фаусту, — оскалился вкрадчиво Мефистофель. — Как очаровательна супруга ваша!

Барон указывал на чернокудрую султаншу и молодого пирата в алом колпаке. Они кушали мороженое и смеялись.

— А вы не знаете, барон, кто дама Наследника?

— Вам нравится она?

— О да: этот красный хитон Юдифи очень идет к ее жидовскому профилю. Единственный библейский костюм на всем балу.

— Это моя дочь, баронесса Гета.

.

Не только Пушкин, все гости украдкой следили за девственной четой. Розовый, томный, в белом атласе, Наследник не отходил от Юдифи. Она, в пунцовой повязке, с мечом и корзиной, отвечала сверкающими улыбками. Из придворных иные высматривали, здесь ли Государь; другие искали глазами Государыню.

Царевичу не удалось позвать свою даму на мазурку. К нему приблизился воспитатель его, Карл Карлович Мердер и вымолвил с бесстрастным лицом два слова. Щеки Александра зарделись. Он встал и прошел в гостиную.

Пушкин видел, как заискрились глаза голландца; предложив дочери руку, он вместе с ней направился туда же. Это вышло так дерзко, что все оцепенели. «Он сумасшедший».

— «Какая наглость». — «Вы видели?»

Изумление сменилось всеобщим испугом. Барон от дверей повернул обратно, и Гета одна вошла в пустынную, слабо освещенную комнату.

Перед ней стоял Государь.

— А, вот вы наконец. Да, вы точно одеты с большим вкусом.

Огромные голубые глаза Императора излучали ослепительную лазурь.

— Что у вас в корзине?

— Ничего, Ваше Величество.

— Неправда.

Николай Павлович приподнял крышку и вздрогнул. Перед ним голова, курносая, с пробитым виском; синие губы раскрылись; страшно торчит окровавленный язык.

Захлопнув крышку, Император на мгновение закрыл глаза и медленно удалился. Мантя шелестела за ним, золотые шпоры звенели.

Тотчас Гету обступили рыцари.

— О чем вы говорили с Императором? — допрашивал Блок. — Почему Его Величество оставил гостиную? — настаивал Гринвальд. — Откройте корзинку, — требовал граф Бенкендорф.

Баронесса не была смущена ничуть.

— Не знаю, куда изволил удалиться Его Величество, — отвечала она с достоинством.

— Императору понравился мой костюм. Корзина пуста.

Действительно, в корзине не нашлось ничего, кроме зеленого зеркала.

— Извините, баронесса, — сказал Адлерберг, — наш долг...

За ужином гости говорили вполголоса, сдерживая веселость. Недоставало между ними троих. Исчезновение голландца с дочерью было для всех понятным. Но почему за рыцарским столом пустует один прибор, отчего заплаканы глаза Наследника, чем Государь озабочен?

— С Мердером удар.

.

Утром Государь навестил больного. Мердер лежал слабый, бледный, обложенный подушками.

— Ну, как ты чувствуешь себя, любезный Карл Карлыч?

Император пощупал больному пульс. — К новому году надюсь увидеть тебя здоровым.

— Не скрою от вас, Государь: мои дни сочтены. Не боюсь отойти к Небесному Царю: перед Ним моя совесть чиста, как и перед Вами. Одно страшит меня: я не докончил мой труд.

Государь задумался.

— Да, Жуковскому вряд ли удастся заменить тебя.

— Жуковский прекрасный человек.

— Но этого для воспитателя мало. В наш век нужны неуклонные правила, железная сила воли. Долг прежде всего. А кто у нас предан долгу?

Государь прошелся и сел опять.

— Я не нахожу людей. Карамзин скончался. Мордвинов, Шишков, Дмитриев стары. Крылов ленив. Сперанскому и Ермолову я не верю: это масоны.

— Ваше Величество, я знаю человека, достойного быть при Цесаревиче.

— Любопытно, в кого ты метишь.

— Вам он известен с лучшей стороны: я разумею Риттера.

— Представь, я сам о нем думал. Но прежде изволь поправиться. Прощай.

.

В середине коридора Государю послышалось пение. Нежные голоса выводили:

Боже, Царя храни.
Сильный, державный
Царствуй на славу нам.

Николай Павлович, улыбаясь, дослушал гимн и разом растворил двери. Великие княжны, все три, гладко причесанные, в утренних белых платицах, стояли у пюпитра. Дежурная фрейлина считала такт. Завидя Императора, она смутилась, низко присела и выронила звякнувший камертон.

Николай Павлович поднял его и положил на пюпитр.

— Дети, вы хорошо поете. Но помните: гимн это народная молитва и петь его можно не каждый день.

В кабинете дожидался граф Бенкендорф.

Хмурясь, перелистывал Государь бумаги. Перо скрипело, сыпался песок.

— Скажи, Александр Христофорыч, по какому случаю начали бывать у меня в гостях черти и жида? Мне это не нравится. Навел ты справки?

— Навел, Ваше Величество. Все документы проверены. Только...

— Что?

— В городе весьма неблагополучно. Начинают ходить анонимные пасквили, ругательные дипломы. И все из голландского посольства.

— Вот видишь, Александр Христофорыч. А нас обвиняют в строгости. Необходимо выслать как можно скорее этого шута.

.

Над Петербургом туманился зимний полдень. Риттер сидел у Пушкина. Тишину прервало хлопанье отдаленной двери. Вот детский смех, звон посуды; опять дверь хлопнула, и все стихло.

Хозяин, крутя бакенбарды, беседовал с гостем.

— Нет, нет, Карл Оттович, напрасно вы беспокоитесь. Ни о каких поединках и речи не было. Скажите лучше, что ваши квартеты?

— Увы: без Мердера все прахом пошло. Заменить его вызвался мой жилец и начал являться с флейтой. Сначала все было прекрасно; вдруг Львов стал глохнуть на оба уха. Через неделю ослеп Зигфрид.

— И вы похудели, Карл Оттович.

— Головные боли.

Взглянув на часы, Риттер встал. — Прощайте.

Пушкин подошел к окну. Он видел Риттера в бобровой бекеше, взвод Преображенцев, карету с ливрейным лакеем на запятках, собаку, двух мастеровых. Вдруг чьи-то руки закрыли ему лицо. Он снял одну и, нежно целуя, молвил:

— Женка, не шали.

.

В этот четверг Государь по обычаю вышел на утреннюю прогулку.

Бодро выступал Николай Павлович вдоль Дворцовой площади. Морозный ветерок щипался, заигрывал, развевал шинель. Столица пробуждалась. Издали катился отрывистый грохот барабанов; пели рожки; раздавалась военная команда.

С Невского Государь своротил на Мойку. Швейцар у подъезда низко кланялся.

— Что Пушкин, лучше ему? — Так точно, Ваше Величество.

Короткий день догорел незаметно. Друзья навещали Пушкина. Приходили двое приятелей, князь Вяземский и Тургенев, заехал с лекций Плетнев, остался обедать Василий Андреич Жуковский. В передней сменяют один другого лицеисты, студенты, светские знакомые; понаведался с черного хода и гробовщик.

К вечеру Пушкин задремал и очнулся ночью. Красноватые отблески свечи тускло бродили по книжным полкам, и Александру Сергеичу пришло на память, как в Сарове он проездом долго искал старца. И не мог отыскать. Так и уехал Александр Сергеич. Ямской колокольчик дребезжит назойливо; белый песок, вековые сосны, гуденье слепней; в уме стихи Филарета:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не вотще судьбою тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, Забвенный мною,
Просияй сквозь сумрак дум
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Не вспоминался Забвенный. Теснились в памяти лицейские проказы, Дельвиг в очках, локоны Анны Петровны, шампанское, устрицы, толстая сводня, тройка, семерка, туз.

Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

На столике бронзовая чернильница со статуеткой Ганнибала. Пушкину почудилось, будто арап шевельнулся. Да, да! Вот покраснелось на нем одеяние Мефистофеля; курчавятся жесткие волосы; зубы сверкают.

— Покаялся ли ты?

Александр Сергеич кивнул.

— Напрасно. Сын Марии не простит «Гавририады».

Пушкин со стоном очнулся. Над ним наклонился Даль.

— Бредишь опять?

Император Николай Павлович был не в духе. Его тревожили события этой зимы, всеобщий упадок, распущенность, вольнодумство. И, полон суровой грусти, присев у камина, он сумрачно слушал журчащий доклад Жуковского.

— Итак, во исполнение воли Вашего Величества, генерал Дубельт и я отделили сомнительные бумаги в архиве Пушкина. Мы взяли...

— Что было в этих бумагах?

— Шалости пера... остроты, касательно форм правления... шутки о духовных и светских лицах.

— Они у тебя?

— Со мною, Ваше Величество.

Склонясь под строгими взорами Государя, Василий Андреич торопливо выложил связку исписанных листков. Император скомкал их и швырнул в камин. Пламя вспыхнуло.

— Передай Дубельту, что я прочел эти бумаги. А тепеь о заграницном путешествии. С Наследником поедешь ты и Карл Риттер.

— Он болен, Ваше Величество.

— Как болен? Это что еще за новости? О ком ни спроси: тот умер, тот ранен, тот ослеп. Отчего Риттер болен?

— Не знаю, Государь. Мне говорил его жилец, барон...

— Какой барон? Тот Мефистофель с Юдифью? Он разве не выслан?

— Ваше Величество, мне ничего не известно. Если прикажете, я съезжу и постараюсь узнать.

— Ступай.

Василий Андреич проворно вышел. За ним, поджимая хвост, выбежала царская собака.

Государь, тяжело дыша, сдвигая брови, выбивал пальцами марш.

— Вот как ты исполняешь мою волю! — крикнул он в лицо Бенкендорфу, вошедшему с портфелем. — Кому ты служишь: голландцу или мне?

— Я верноподанный Вашего Величества.

— Лжешь! Почему же жидовский барон и его девка все еще в столице? Я тебя самого сошлю в Сибирь!

Молнии сыпались из глаз Государя.

— Ваше Величество, у меня не имеется полномочий высылать иностранных подданных без предлога.

— Предлога! Мало тебе было предлогов? Пушкина убили, вот и предлог. Тут замешан голландский посланник, и нечего стесняться.

Государь прошелся взад-вперед; гнев его стихал.

— Все делаю я один. На плечах моих вся Россия, а помощи нет. Для чего же тружусь я? Прости, Александр Христофорыч: я погорячился. Садись и займемся делом.

.

Через полчаса Жуковский был у Риттера. От чухонки Василий Андреич успел узнать, что барин три дня уже не ходит в должность. И какая в нем страшная перемена! С проседью на висках, небритый, шлафрок измят.

— Хотел бы я быть голубицей завета, почтенный Карл Оттович, но пока не смю. Одно скажу: великое поприще вас ждет.

Не отвечая, Риттер поднял голову и прислушался. Жуковский боязливо водил глазами.

На мезонине запела флейта Риттер стиснул зубы.

— Это играет барон? Недурно. Однако флейта волнует вас, Карл Оттович. Что с вами?

Жуковский вздрогнул: так испугались черты хозяина.

— А с вами? Неужели ничего?

Внезапно флейта стихла. Раздались шаги. Смеющийся барон предстал на пороге: за ним жандарм с пакетом.

— Увы! По воле Августейшего Монарха я покидаю Россию. Увидимся за границей. Его Высочество, конечно, посетит и нашу страну.

Риттер, дочитав, сложил бумагу и отпустил жандарма. Губы его дергались, голова тряслась.

— Откуда вам известно, господин барон, что меня назначили к Его Высочеству? И кто мог вам сообщить, что Наследник едет?

— Бог мой! — воскликнул барон с видом веселого простодушия. — Это и без того понятно. Его Высочество в таком возрасте. А о вашем почетном назначении наверное знает и господин Жуковский.

— Да, мне это известно.

Василий Андреич осторожно откланялся. За ним поднялся барон.

— Итак, до свидания. Примите на память вот эту безделку.

Он положил на стол перстень, пожал хозяину руку и, твердо ступая, вышел.

И опять на мезонине запела флейта.

Карл Оттович испуганно вскочил. Шиллер со стены кривлялся, подмигивал, строил гримасы. Дрожа, раскрыл Риттер книгу: буквы слились, бумага закоробилась. В отчаянии он бросился к скрипке, схватил смычок: со стоном лопнули одна за другой все струны. Задыхаясь, взглянул он на перстень и замер: в черной оправе алела звезда о пяти концах.

Ночью из ворот голубого домика выехала карета, за нею сани. В карете барон с дочерью понеслись к заставе; сани свернули на Фонтанку. В них попечитель Наследника статский советник Карл Риттер с воплем бился на руках у больничных сторожей.

Вьюга голосила над сумрачной Невой. Сыпала снег, торжествуя свистела, распевала протяжно, заливалась похоронным воем. Сколько безумия, сколько предсмертной тоски в тебе, о петербургская вьюга!

.

— Что Риттер? — спросил Государь лейб-медика; придворному доктору было поручено смотреть за больным.

— Ваше Величество, Риттер безнадежен.

Часть вторая Волшебный фонарь

Он сильно означил свое жидовское присутствие.

Гоголь

В нескольких часах езды от Вечного города странник с безводного пыльного пути вдруг попадал в благоуханную долину. Берега излучистого Арно пестреют и зыблются: на небосклоне голубая цепь Апеннин. Дорога ведет к аббатству Сан-Дonato. Под сенью исполинских кипарисов суровый храм со сквозной колокольней; замок тонет в саду.

Легкая коляска на венских рессорах летела вдоль платановой аллеи. Дыханье цветов приветственно освежило запыленные лица путников. Их четверо: русский Цесаревич Александр, наставник его Жуковский и два юных сверстника: Жозеф Виельгорский и Алексис Толстой.

— Вот оно, это пхославленное аббатство. По пхавде сказать, ничего особенного нет, — сказал Цесаревич высокий и светлоглазый, с пышной, будто припухшей, верхней губой.

— Не забудьте, Ваше Высочество, — возразил Жуковский, — здесь вся обстановка Наполеона с Эльбы.

Наследник вяло улыбнулся. — Посмотрим.

Граф Виельгорский молчал, Толстой восхищался вслух. Подобно Наследнику, Алексис высокого роста и сильного сложения, но уступает в красоте: античный профиль графа портил крупный славянский нос.

Навстречу путникам вышел хранитель музея и низко поклонился.

— Как, это вы, барон? — воскликнул Жуковский.

— К услугам Его Императорского Высочества. Вспомните прекрасный русский афоризм, господин тайный советник: горы не сходятся, люди сойдутся.

Сан-Дonato может называться цветочным царством. Как зрочки полусонных тудовиш золотые орхидеи подозрительно мигали; лукаво смеялись розы; пылал безумной яростью мак. Цветы разбегаются, путаясь; кидаются на клумбы; выются по карнизам и столбам.

Вслед за бароном русские гости прошли мимо зверинца. В клетках царавались леопарды и пантеры, тигры стонали; над головой Александра парил орел.

— Самодержавная эмблема русской славы, — сказал Василий Андреич. Барон смеясь, бросил кусок мяса; птица, подхватив его, тотчас скрылась.

Тайному советнику и обоим графам сделалось не по себе; на лицо Наследника легли тени. Голландец, между тем, как ни в чем не бывало, отомкнул бронзовую дверь.

— Имею честь представить Вашему Высочеству дворец Наполсона в том виде, как существовал он на Эльбе. Вот статуя императора.

Все подошли к колоссальному изваянию.

— Изумительно, — прищурясь молвил Жуковский. — Какая красота! Воистину муж рока.

Наследник зевнул.

— Ах, Василий Андреич, ну пхаво же, я не вижу тут ничего великого. Главная обязанность монахха — заботиться о счастье подданных. Наполеон же только и делал, что пхоливал их кховь.

— Да будет мне позволено согласиться с мудрейшими словами Его Высочества, — заметил барон. — Будущее оправдает их истину.

Василий Андреич опять смутился. В речах и поведении голландца сквозило нечто неуловимо нахальное, похожее на дерзость. Правда, барон изысканно вежлив; при этом, как иностранец, и не обязан знать тонкостей петербургского этикета, но так ли держатся с коронованными особами?

Молчание. Легко скользнув по паркету между тонконогими стульями в золотых вензелях, барон подскочил к витрине.

— Прошу внимания Вашего Высочества: вот зуб Наполеона.

Оскалившись, трогал он желтую косточку на алой подушке.

— Я не желаю смотхеть подобные хеткости, — ответил сухо Наследник. — Василий Андхеич, вехнемся в замок.

Цесаревич шагнул за порог и вдруг остановился.

Он увидел себя среди восточных тканей и ковров. Благоухают в коралловых вазах багряные плоды; на столе пламенеют рубиновые бокалы. У дивана девушка в серьгах и запястьях. Из-под кроваво-красной повязки змеится тяжелая черная коса. Вспыхнувший взор отразился в холодных глазах наследника и оживил его безогненную северную красу.

Барон торжественно выступил вперед.

— Позвольте, Ваше Императорское Высочество, представить дочь мою.

.

Неожиданная встреча с баронессой Гетой мгновенно изменила капризный нрав Александра.

Не только юноша Толстой, даже Василий Андреич, тайный советник и прославленный поэт, пленился красавицей. Вечером, после ужина, он прочитал ей элегию в духе Шиллера. Стихи однако успеха не имели. Баронесса дала понять, что любимый поэт ее Генрих Гейне. — «Шиллер язычник, тогда как в поэзии Гейне свободное новое христианство». С мнением дочери согласился барон. — «Добродетель и порок во многом схожи; потомству предстоит решить, не близнецы ли они», — любезно пояснил дипломат озадаченному поэту.

Один Виельгорский безмолствовал. Избегая разговоров, он от Наследника не отходил ни на шаг.

Наутро после завтрака Александр с баронессой вышли в парк; сопровождал их Виельгорский. Внезапно Цесаревич обернулся.

— Жозеф, сходи, пожалуйста, за моим платком.

Молча граф подал Наследнику свой платок. Александр вспыхнул.

— Сейчас же поди.

Виельгорский кивнул подбежавшему лакею и приказал принести платок для Его Высочества.

— Духак, — сказал Александр, злыми глазами глядя в глаза Жозефу. Они прошли еще несколько шагов. Вдруг Цесаревич со слезами обнял Виельгорского.

— Жозеф, не сехдись и оставь меня.

.

На террасе Жуковский набрасывал вид парка в дорожный альбом. Толстой за бокалами говорил барону:

— Разумеется, аристократия отжила. Смысл ее утрачен. Теперь надо только быть честным и помнить, что все мы братья. Не правда ли, Василий Андреич?

— Совершенная правда, граф. Опять карандаш сломался. Апостолы не имели гербов. Попробую тушью.

Барон приподнял бокал.

— Отраднo слышать здравые суждения от цвета русского дворянства. Конечно, в идеальной трудовой семье сословия сольются. Равенство есть высшая справедливость.

Алексис захлопал в ладоши и чокнулся с бароном.

— А я с этим не согласен, — возразил Жозеф, подымаясь на террасу. — Аристократия — соль земли. Без нее наступит темное владычество незаконных детей культуры.

Внезапно Виельгорский, смутясь, замолчал. Смутились и оба его спутника. Василий Андреич закрыл свой альбом и удалился. Толстой, сбежав по ступеням, исчез в цветнике.

— Что с ними случилось, граф?

— Так... Вышла неловкость...

— Однако?

— Тут нет секрета. Дело в том, что Жуковский незаконный сын, а матерью Толстого была побочная дочь одного вельможи.

Барон хохотал.

— Какой пустяк! Просвещенным людям смешно считаться с такими предрассудками, как законное рождение и церковный брак. Сам антихрист должен быть незаконным сыном. И даже, с вашего позволения, милейший граф...

— Милейший барон, я прошу вас не продолжать.

— Вы меня поняли, хе-хе. Не будем спорить. Чокнемся за русского царя.

— Вы слишком любезны. Я тост принимаю, но чокаться не буду.

— Почему?

— Потому что это священный тост.

Барон моргал, скаля зубы. Вдруг он вскочил.

— Бог мой, я не отдал вам письма. Вот оно. Привез его какой-то музыкант или учитель, похожий на журавля.

Виельгорский сорвал печать.

— Письмо от отца. Меня вызывают в Рим. Где этот приезжий?

— Я предложил ему отдохнуть. Он знает Жуковского.

— Еще бы. Ведь это наш общий знакомый. Его фамилия Гоголь.

.

Жозеф и Гоголь уехали в тот же день. Василий Андреич долго колебался, отпустить ли Виельгорского. Сомнения разрешил барон. Положим, оставлять Наследника неудобно, но ведь и прямого запрета к тому нет; между тем, старый граф вряд ли вызовет сына по пустякам. Итак, Виельгорского обязали вернуться под утро; еще через день русским гостям предстоит покинуть Сан-Дonato.

Не успела коляска умчать черноглазого изящного Жозефа со сгорбленным подле длинноволосым усталым Гоголем, как наставник уже почувствовал легкое беспокойство. За ужином он мало кушал и был рассеян.

Напрасно Гета декламировала Барбье и Гейне, напрасно распевала куплеты Жака Оффенбаха: тревога Василия Андреича росла. Всю ночь ему снился Государь, разгневанный, грозный, неумолимый; стекла звенели от мощных раскатов сурового голоса.

Ночью на самом деле была гроза. Парк и лужайки блистали в живых алмазах; на разные голоса завывали в зверинце хищники; орел, ожидая подачи, кружился над цветником. Один Василий Андреич был хмур и бледен.

Завтрак прошел в безмолвии. Еще через час, когда убитый наставник готов был разразиться потоками слез, барон пожал ему руку.

— Любезный поэт, не волнуйтесь. Берите мою коляску, скачите в Рим. Вы встретите графа и с ним вернетесь.

Василий Андреич горько усмехнулся.

— Бахон пхав! — воскликнул Цесаревич. — Я знаю, вы боитесь оставить меня, но ведь это стханно. Со мной Алексис; наконец, и я не иголка.

Жуковскому чудилось: неодолимая сила толкает его полететь за Виельгорским. Да и как же иначе? По расписанию русский посол обязан встретить Его Высочество в Риме в понедельник и донести об этом в Петербург, но вот уже воскресенье, а Жозефа все нет, и выехать без него нельзя.

Осунувшийся, пожелтый, мчался Жуковский на четверне вороных. Храпели, озираясь, огромные кони, роняли пену; горбатый кучер свистал по-птичьи и щелкал на лошадей.

.

С отбытием Василия Андреича замок ожил. Красные флаги затрепетали на древних башнях; звенел за обедом веселый смех; шампанское шипело. С гостями барон повел себя как добрый товарищ: острил, подливал вина, рассказывал анекдоты. Наследник громко смеялся, шутил, приглашал голландца в Россию и даже позволил себе осудить Августейшего родителя, узнав, что барон был выслан в двадцать четыре часа. Гета, раскрасневшись, хохотала. За десертом она вдруг вскочила на стол и, гремя запястьями, прошлась по скатерти среди бутылок и блюд.

Обед окончился и баронесса исчезла. У Наследника в голове изрядно шумело, и Толстой слегка покачивался на ходу. Оба однако приняли предложение полюбоваться волшебным фонарем.

Пройдя оранжереями к зверинцу, все трое очутились в просторной зеленоватой комнате. У стены против двери натянута квадратное полотно; под ним моргает в клетке большая обезьяна.

Голландец предложил гостям присесть.

— Ваше Высочество, я попрошу вас и графа взять на минуту терпения. То, что я намерен вам показать, относится к области вещей, науке неизвестных. Всякое явление существует в пределах вечности и может всегда повториться. На этом экране вы увидите любое событие из жизни прошлой и будущей. Благоволите назвать, Ваше Высочество, что вам угодно видеть.

— Я стахаюсь прошлое забывать, а о будущем не думать. Покажите, если можно, моих ходных.

Барон поклонился. Чу! легкое жужжанье; полотно осветилось, сделалось лунно-прозрачным, на нем зазмеились тени. Гостиная Петергофского дворца; люстра, стулья, картины, стол. На диване Государыня с дочерьми; Государь в сюртуке без эполет читает вслух. Но вот он, положив книгу, встал; великие княжны подходят проститься; он нежно благословляет их. Сердце Наследника сжалось; готовый заплакать, следил он, как сестры прощались с матерью. Жужжанье стихло. У стены белело мертвое полотно.

— Но это удивительно. Бахон, вы волшебник.

— Нисколько, Ваше Высочество. Мир основан на самых простых законах. Все доступно разуму. Я мог бы поговорить с вами на расстоянии, прокатить вас в экипаже без лошадей, даже промчать по воздуху. Загадок нет, все понятно. Открытия мои завершают величайшее дело, начатое Адамом.

— Но ведь за это он и Ева были изгнаны из рая.

— Нет, любезный граф, не за это. Бог их наказал за ослушанье. Возможно, что Он опасался соперничества людей. Что же показать вам?

Алексис не сразу ответил.

— Я бы хотел... увидеть свою смерть.

— Что ты выдумал? — сердито сказал Наследник.

— Нет, мне очень хочется. Барон, можно?

— Хорошо. Только прошу вас хранить спокойствие.

Полотно, зашипев, опять осветилось. Пред большим столом в креслах дремлет, опустив волосатую голову, изможденный старик. Задыхаясь, приподнял он желтое лицо; глаза закрылись, голова упала на стол. Все исчезло.

— Когда это может случиться?

— Не знаю.

.

Василий Андреич успел примчаться в Рим засветло. Коляска, прогремев по мощным улицам, остановилась у старинного палаццо.

— Дома граф? — спросил Жуковский, спеша по лестнице.

— Тише, Василий Андреич, тише, — отвечал ему сверху голос Гоголя. — Жозеф в постели.

— Как?

— Еще дорогой захворал. Жар, схватки в груди.

У Жуковского руки опустились. — Отец при нем?

— Сдается, тут не обошлось без чертовщины. Старый граф хотел быть в Риме вчера. Почему он задержался, не придумаю.

— Что сказал доктор?

— Что все они говорят. Опасно, но есть надежда. Однако Жозеф просил привести священника; бегу в посольство.

Василий Андреич не сразу узнал Виельгорского: так изменился он за ночь. Шопотом приветствовал Жозеф огорченного наставника.

— Но Цесаревич... как могли вы его покинуть? Ради Бога, Василий Андреич, вернитесь... ох, больно...

Жозеф закрыл глаза. Жуковский тихо вышел и опустился на кресло у самой двери.

— Здесь больной? — спросил осторожный и твердый голос. — Сведите меня к нему.

Пред Жуковским стоял аббат.

Василий Андреич привстал, готовый исполнить просьбу, походившую на строгое приказание. Но тотчас замаялся.

— Видите ли, святой отец... Садитесь, прошу вас. Граф Виельгорский хочет причаститься по православному обряду.

— Это неправда. Граф Виельгорский католик и верный сын римской церкви. Пустите меня.

— Но, святой отец, извините... Это насилие.

— Насилие? Тогда я отсюда иду прямо в Ватикан.

— Святой отец, простите, пожалуйста сюда. Вы настоятель здешнего прихода, не так ли?

— Я из аббатства Сан-Дonato, — сухо ответил, скрываясь за дверью, гость.

Снова шаги: это Гоголь привел священника.

— Отец Владимир? Откуда?

— А из Флоренции. Вчера приехал. Где же болящий?

— Батюшка, я перед вами виноват. — Василий Андреич рассказал о суровом госте.

— Что делать?

— Делать теперь уж, конечно, нечего. Мы, православные, все так. Стоит крикнуть, сейчас и уступим. Аббат вас папой страшал, а вы бы пригрозили Государем.

Жуковский потупился.

— Вы говорите, он из Сан-Дonato? — спросил Гоголь. — Странно. Ведь Сан-Дonato давно упразднено. Там только замок, а монастырь пустой. Постойте: кто-то подъехал.

— Слава Богу: граф. Теперь мне можно вернуться. Но что это?

Из спальни принесли резкий крик. Все кинулись туда. Жозеф лежал мертвый.

— Где же исповедник?

Василий Андреич водил помутившимся взором. Гоголь крестился.

— Наконец-то мы одни и совсем свободны.

Наследник взял сигару и затянулся. Над Сан-Дonato тает лунная мгла. В громадные окна глядит колокольня, пронизанная бледным сияньем.

— Сказать по правде, свобода славная вещь. Покойный Мехдех твехдил, что Наследник для всех должен служить пхимехом. Но ведь это скучно. Надо жить не для пхимеха, а для себя. Как ты об этом думаешь, Алексис?

Толстому льстила откровенность Цесаревича. В другое время он бы принял ее иначе. Но теперь, опьяненный парами токайского и воздухом южной ночи, Алексис развязно повел плечом.

— Ваше Высочество, примеры прекрасны, но стеснительны. Изволили вы заметить за обедом, как мило прошлась баронесса по столу? Можем ли мы осудить ее? Нисколько. А что, если бы это увидел Государь?

— Ох, не говохи! Даже подумать стхашно. Жозеф, и тот пожалуй бы обиделся. Ты спать не хочешь?

— Нет, Ваше Высочество, а вы?

— А я совсем не хочу. Вот что, Алексис: мы получили свободу: воспользуемся ей.

— Не угодно ли Вашему Высочеству еще вина?

— Вино хохошо, но одного вина мало. Мне хочется... я хочу видеть бахонессу.

Луна поднялась еще выше. В голубоватом тумане у стен и бойниц трепетали нетопыри.

— Ваше Высочество, удобно ли это? Быть может, она в постели?

— Тем лучше.

По нежилым заброшенным покоем в прозрачном лунном сиянии долго бродили наследник и Алексис. Со стен смотрели черные в тяжелых рамах картины, оружие, кубки, ряды обветшалых книг. За дверью блеснул огонь.

— Могу я войти? — спросил Цесаревич неверным голосом.

— Ваше Высочество? — спокойно отвечала баронесса. — Я вас жду.

Ободренные гости вступили в восточную комнату. Гета поднялась навстречу. На ней розоватая туника; две черных косы, точно ожившие змеи, вздрагивают на груди и плечах красавицы.

Наследник осмотрелся.

Сказочной яркостью красок на каждой стене пламенеет по картине: надменный сатана, хохочущий Хам, окровавленный Каин и обнаженная Иезавель. Под ними три крупные даты; четвертую скрыл темно-красный пятиугольник.

— Какие стханные числа! Пехвое: 12 махта 1801 года я знаю: это день смехти моего деда Павла. Но что могут значить две дхухих: 1 махта 1881 и 2 махта 1917 и почему четвехтая надпись скхыта?

— Любопытно также, Ваше Высочество, сочетание чисел. Ведь мартовский знак зодиака Агнец. Двенадцатое марта распадается на первое и второе; у неизвестных же годов сумма цифр равняется восемнадцати. Но это число состоит из трех шестерок: шестьсот шестьдесят шесть. Объясните, баронесса, ваш апокалипсис.

Баронесса улыбнулась.

— Будущее нельзя объяснить. Четвертую дату скрывает древнееврейский мизрах или молитва Израиля.

— И все же странно: Библия, евреи, и вдруг Император Павел.

— Вы, граф, любопытны, как дама. В России говорят: кто много знает, скорее состарится. Желая вам дожить до 917 года; тогда узнаете сами.

— Увы, в тот год мне стукнет ровно сто лет!

— Довольно, Алексис, — смеясь сказал Цесаревич. — Стоит ли думать о будущем, когда настоящее так пхеххасно?

Неуловимо полетели часы. В стенной нише между Каином и Хамом нашлись оплетенные тростником бутылки; разговор закипел живее. В пылу его острая ножка Геты не раз повстречалась с упругим коленом Цесаревича.

— Мне кажется, граф Алексис недоволен чем-то. Что с вами, граф?

— Его огохчил волшебный фонахь.

— Да?

— Его Высочество прав. Родитель ваш, баронесса, как в зеркале показал мне мою смерть.

— Не тревожьтесь. Я попробую вам помочь. Выпейте мое вино, и вы все забудете.

— Но, баронесса, вы смеетесь надо мной?

— Нимало. Пейте же, не бойтесь: вас не отравят.

Алексис гневно вспыхнул и выпил бокал до дна.

— Bravo, bravo.

Толстой хотел было, но не успел ответить. Он спал.

Гета прыгнула на колени к Наследнику; их губы сомкнулись.

— Я твоя, — шептала красавица, уступая в сладкой борьбе, — обещаю тебе только...

— Все, что угодно. Хочешь, бежим и я буду тебе слугой; хочешь, задушю Алексиса; хочешь, я...

— Нет, этого не надо. Ты сдержишь слово, когда будешь царем. Согласен?

— На все.

— Клянешься?

— Клянусь.

— Освободи свой народ от рабства.

Александр очнулся на постели. Заря пылала.

Распуская по белым плечам смоляные косы, склоняется нагая красавица над золотой чашей. Блеснуло жало иглы и кровь баронессы Геты смешалась с кровью Наследника русского престола. На лбу и правой руке у него заалела пятиугольник-звезда.

Эпилог

Кровавая звезда меня зовет.

Граф А.Толстой

В десять часов утра Наследник Цесаревич благополучно изволил отбыть из Сан-Дonato в Рим. При особе Его Императорского Высочества находились: тайный советник Жуковский и губернский секретарь граф Толстой.

1919

Предисловие, публикация и подготовка текста С.В.Шумихина.

Леонид Андреев

Письма Н.К.Рериху

Отношения Леонида Андреева с Николаем Константиновичем Рерихом (1874-1947) современными исследователями недостаточно изучены. Свидетельств об их дружбе сохранилось крайне мало. В своих воспоминаниях «Нутро» Н.К.Рерих рассказывает о своих встречах с Андреевым следующее: «Случалось так, что Горький, Андреев, Блок, Врубель и другие приходили вечером поодиночке, и эти беседы бывали особенно содержательны. Никто не знал об этих беседах при опущенном зеленом абажуре»¹. Если учесть, что М.Врубель умер в 1910 г., то начало знакомства Рериха и Андреева следует относить ранее этого времени. И еще один факт. Н.К.Рерих упоминает, что «никто не знал» о беседах в тесном кругу художников и литераторов. Отсюда не следует, что они намеренно содержали в тайне свое знакомство, просто это получалось, видимо, само собою. Но что это было именно так, подтверждает Н.К.Рерих в своих воспоминаниях «Леонид Андреев». «Леонид Андреев тоже был моим особым другом, — писал Николай Константинович. — Как-то сложилось так, что наши беседы обычно бывали наедине»².

В 1919 г. Л.Андреев написал очерк «Держава Рериха», метко охарактеризовав творческий мир русского художника «державой». Эти слова по праву можно отнести и к творчеству самого Андреева. Эти «державы» не были чужды друг другу, лучшее свидетельство тому публикуемые ниже письма. Напомним, что Н.К.Рерих внимательно следил не только за творчеством Леонида Андреева писателя, но и за его увлечением живописью.

В воспоминаниях о Леониде Андрееве Н.К.Рериха, которые почему-то остались за пределами внимания современных исследователей, Николай Константинович рассказывает о своих встречах с писателем: «Во время наших бесед с Леонидом он говорил о своей живописи, а я о своих писаниях. Действительно, такие эпизоды бывали, и мы сами иногда от души смеялись, наконец, заметив такую необычную обратность суждений»³.

Особенно близкими отношения Л.Андреева и Н.К.Рериха стали в первые годы после Октябрьской революции, когда они жили в Финляндии. Кем был Н.К.Рерих для Андреева в этот короткий период эмиграции говорит сам писатель: «Я живу за границей не только в смысле территориально-политическом, но и в отношении душевном, а Вы для меня — свой» (30 сентября 1918 г.), а в письме от 17 июня 1919 г. он пишет художнику: «Мои мысли о Вас, Вы должны чувствовать, они должны дойти».

Жизнь в эмиграции наложила свой отпечаток на творчество Андреева. «Никакая работа не идет, — пишет он Н.К.Рериху 23 апреля 1919 г. —

Хватаюсь за бумагу, бросаю, ночью вместо сна думаю, а днем эти мысли ненавижу». «Духом я ослабел», — замечает писатель в своем письме от 23 апреля 1919 г.

Письма Леонида Андреева свидетельствуют о том, что происходило с писателем, когда он оказался оторванным от родины. «Нет России. Нет и творчества» (от 4 сентября 1919 г.). «Читателя мне нужно русского, другого не хочу» (от 28 ноября 1918 г.). «Трудно писать, когда так болит душа, и когда лишь минутами чувствуешь себя живым, а целыми днями мертвецом, холодно и ненужно бродящим среди живых» (от 23 августа 1919 г.).

Расстройство здоровья усугубляло положение дел.

Письма Леонида Андреева адресованы Н.К.Рериху в Финляндию, Швецию и Англию, где в ту пору жил художник.

Письма публикуются по машинописным копиям (текст по старой орфографии), из архива американского переводчика произведений Л.Андреева Германа Бернштейна (1876-1935), хранящегося в Yivo Institute for Jewish Research (Нью-Йорк). Письма от 25 ноября 1918 г. и от 1 марта 1919 г. — приводятся по копиям, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации, ф.5802 (Бурцев), оп.1, ед.хр.2183. В некоторых случаях сохранены авторская орфография; все даты в письмах принадлежат Андрееву и даются по старому стилю.

Из пятнадцати впервые публикуемых нами писем отрывки из семи были напечатаны Георгием Гребенщиковым и самим Н.К.Рерихом в 1921 и 1924 гг.⁴

Пользуюсь случаем выразить благодарность профессору Калифорнийского университета (Беркли, США) Хью Маклейну за предоставление копий писем Л.Андреева, а также В.Н.Чувакову, старшему научному сотруднику ИМЛИ (Москва), за ценные консультации во время работы над настоящей публикацией.

Письма публикуются с разрешения архива Yivo Institute for Jewish Research.

1. Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С.204.

2. Там же. С.106.

3. Там же. С.106-107.

4. Родная земля. Нью-Йорк: Народоправство, 1921; Новое русское слово (Нью-Йорк), 1924. 23 и 30 ноября, 14 декабря. Четыре письма перепечатаны Ел.Сойни в журнале «Север» (1981. №4. С.113-114), пять писем — Л.А.Еськиной в журнале «Москва» (1991. №3. С.201-203).

1.

30 сентября 1918

Дорогой Николай Константинович!

Когда я узнал от Гуревичей¹, что Вы в Финляндии, я был чрезвычайно обрадован. Я еще не знал, как и когда удастся нам повидаться, я не знал даже Вашего адреса, чтобы написать, но один факт, что Вы *здесь* в том же *кругу ада*, — сделал самый ад не таким угрюмым и черным. Ведь я живу за границей не только в смысле территориально-политическом, но и в отношении душевном, а Вы для меня — свой.

Со всею радостью и со всем душевным приветом я буду ждать Вас, у меня посветлело на душе, когда нынче я прочел Ваше письмо. Приезжайте, дорогой Николай Константинович! Дорога простая: станция Тюрсево, оттуда две версты прямой шоссированной дороги именно до имения Орловского, где находится и наш временный приют, именно, на даче *Левстрем*. Можно на извознике, легко и пешком. Если бы я знал, с каким поездом приедете, то встретил бы Вас на станции.

Дружески обнимаю и крепко целую. Будьте здоровы, приезжайте — жду²!

Любящий Вас Леонид Андреев.

Просите, что пишу на машине, совсем отвык рукою, царапаю так, что трудно разобрать.

2.

25 ноября 1918

Дорогой мой Николай Константинович!

Живу чудно. С одной стороны, суета сует, колониальная тюрсевская политика, даже некоторая «студия», где художественно-мейерхольдовская молодежь досужит свои досуги и где я вроде развесистого древа, под жидкой сенью которого располагаются путники и просто гуляющие; дома почти не бываю. С другой — почтительнозираю на события в мире.

Они так велики и значительны, эти события, что я впервые смирил гордыню своего ума и сле дерзаю мыслить о том, что, в сущности, немислимо. Чувствовать можно, и я чувствую огромнейшую и пресветлейшую радость, но мыслить как? «Мерзавец, нельзя объять необъятное!» — сказал еще Прутков. Недавно, глубокой и черной ночью, я возвращался домой по длинной и пустынной тюрсевской дороге, не было ни огонька, ни человека. Только раз прошлепали по грязи чьи-то ноги и испуганно обошли меня: сам он так и остался невидим, как невидим и навсегда неизвестен остался для него и я. И слева от дороги тихо и мутно, по-ночному шумело море, еле плескалось, а справа, через каждый десяток саженей, меня встречали и провожали свирепогудящие телеграфные столбы. Еще никогда я не слышал, чтобы эти столбы гудели так громко и напряженно: в их голосе была страсть, торжество и ширь, почти свирепость. Я остановился и слушал: это было так странно среди молчания, пустыни и непроглядной тьмы! Не знаю, кто говорил там и о чем, вероятно глупости и мелочь — спекулянты сговаривались, как поднять цену на керосин или поздравляли с ангелом. Но мне, одиноко шагавшему среди этой ночи и мглы, казалось, что это весь *мир* шумит, гудит, кричит и возглашает, передает свои небывалые вести, почти библейские сказания. Разрушение германской империи... победа, победа!.. сообщите всем: пушки замолкли на Западе!.. поражение!.. победа!.. отречение Вильгельма... отречение, отречение... миллиарды сил, золота, людей... революция... революция... победа! Потом, придя домой и улегшись спать, я всю ночь в полусне все еще слышал этот напряженный и страстный говор мира, где великая победа и великое поражение слились в один вопль, в одно высокое и жгучее пламя.

Куда тут лезть с своими мыслишками? Взираю почтительно, для суда и суждения объявил самоотвод. Когда настоящее так стремительно переходит в будущее, а из-за спины высовывает свой прогнивший нос полудохлое прошлое, когда сцепились в драке не только все люди, цари, законы, но и самые времена, — как тут судить, каким аршином мерить, какими *весами* взвешивать? С болью сознаю ограниченность моей человеческой мысли, воистину чувствую себя лавочником, которому бросили на прилавок Юпитер: взвесь!

Но наряду с болью есть и восторг перед этой самой ограниченностью моей мысли. Да, как ни странно: восторг! Мне трудно это объяснить, но как будто в этом движении и сдвигах, в фатальных взрывах и разрушениях я смутно различаю те *величавые*

истинные пути, по которым идет человеческий мир. Не те правильные дороги, обсаженные тополями или виселицами, которые устанавливает моя человеческая, ограниченная, но самодовольная мысль, а великие и грозные, широкие, но тайные пути, которые пролагает человечество борьбою *всех* сознаний, всех волей, страстей и мечтаний. Там живет правда, которой я еще не знаю, а кто скажет? — быть может там синайствует и сам Бог, которого мы все так мучительно ищем и разыскиваем. Нет, нет — мелькнет среди человеческих рук тень какой-то слишком большой руки, чтобы она принадлежала человеку; нет, нет — и среди наших речей и криков прозвучит глухо и тяжело какое-то совсем иное слово. На каком языке? Не ведаю. Знаю только, что это не английский, и не немецкий, и не русский, и никакой другой человеческий язык. Так было со мною в самом начале этой войны, когда я будто прозрел что-то помимо человека, а потом забыл; то же испытываю я и теперь. И оттого не слишком тяготит меня ограниченность моей мысли, и только одного опасаясь: как бы опять не забыть, когда застрекочут громко все английские и русские языки. Уже и сейчас нет вблизи меня ни одного лавочника, который вместо капусты не клал бы на весы Сатурна... а ведь и весы-то большей частью фальшивые! А когда придут мудрые социалисты с своими платформами! А французы с своей непогрешимой метрической системой!

Так вот я и живу, дорогой мой друг: суета с одной, видения и призраки с другой стороны. Но призраки реальнее этой наиреальнейшей суеты, и я очень люблю порою, когда шумит вокруг болтовня, людишки танцуют, поют и мимодрамы, — спустить занавес у себя перед носом, погрузиться в тьму неосвещенной еще сцены, где уже огромные декорации на месте, и слушать *то*. Вообще, хотя сам болтаю достаточно и в этом смысле есть я истинная жертва общественного темперамента, но занавес держу опущенным; мое представление не для публики. Очень рад сказать, что Анна¹, жена, также в мире видений, и я не одинок в моем зрительном зале. И «людишки» я сказал не пренебрежительно: есть плохие, но есть и совсем хорошие люди. Но не грезят.

Ваши весточки я получал и каждый раз от души радовался, жалел только, что адреса не было. Чувствую, что заложен хороший камень для будущих отношений наших и, если поживем, то близко. Если я «духовидец» только по праздникам, то Вы такой всегда, и Ваша реальность, *быт* всюду просвечивает. Жалко, что я не видел и не знаю последних Ваших картин, тех, что на выставке², и не могу моими глазами проследить глаза публики: как они смотрят на вот это, это. Конечно, успех должен быть, но, как мне всегда казалось, не у толпы: она примет Вас только на веру, в очаровании красок, а к миру Ваших видений смогут подойти только немногие. Но мне хотелось бы видеть, как они видят? как они смотрят? лица и глаза? Вместе с Вами походить бы по выставке и подсмотреть смотрящих. А Вашими глазами я вижу Стокгольм, который люблю, и мне приятно за Ваши глаза.

Что ко мне относятся хорошо, это, конечно, приятно и радует меня. Но недоверчив я! И, когда в толпе хорошо на меня смотрящих я зрю Арабажина³, и я смущаюсь и невольно ошупываю себя: все ли в порядке. Сказать по правде, недоверчивость эта за последнее время ослабла: встречаю действительно хорошее отношение (одно Вы знаете) и тут моя радость действительно велика — ее вдыхаешь, как солнце, помните, на берегу?

Крепко жму руку и целую Вас. Сколько Вы еще пробудете там? Могу написать туда еще раз, или на Выборг? Приветствую сердечно.

Ваш Леонид А.

3.

28 ноября 1918

Получил Ваше дополнительное письмо, дорогой Николай Константинович, и тороплюсь ответить. «Дневник Сатаны»¹ остался в том виде, в каком он и был, — неоконченным. С Вашего приезда я не написал ни строки — и не думаю писать. Все мои мысли о большой газете и о многих больших статьях, где я выплачу и свое горе, и радость. И читателя мне нужно русского, другого не хочу. Отсюда и неизбежный вывод: ничего дать в Сток<гольм>ское издательство не могу, ибо ничего не имею и иметь не скоро буду. Пусть они не обижаются, не принимают это за не приветливость, а войдут в мое состояние. Вас же — еще раз крепко целую за настоящую дружбу. Когда-нибудь (скоро) будем *вместе* работать — правда?

Не рассказал Вам еще, что здесь в конце октября были пережиты дни жестокой и бессмысленной паники: ожидали немедленного появления красных из Петрограда. Кой-кто сразу сбежал в Выборг, многие укладывались, многодетные (в том числе и мы) были в недоумении, как быть, — и все плакали над сделанными запасами, коим суждено погибнуть в большевистской пасти. Напрасно я клялся, что ничего не будет, — и клятвам не верили. Потом также беспричинно успокоились, и беглецы вернулись, будто по делам ездили, но полного спокойствия нет. Волнуют слухи и всякие возможные невозможности и невозможные возможности, непонятные обстрелы побережья, таинственная стрельба. Третьего дня встал на горизонте неизвестный броненосец и долго сверкал огнями выстрелов и грохотал, а в кого — неизвестно. И сию минуту, когда я стучу эти строки, со стороны Кронштадта идет тяжелая стрельба.

А проезжающие из Питера довольно согласно свидетельствуют, что большевики дышат на ладан и будто даже понемногу перевозятся в Москву, и голод в городе ужасный, вымирают целые семьи. Последнее достоверно, а ладаном уже столько раз дымили, что треба подождать, как говорят в государстве Украинском. Но несомненно, что дни большевиков сочтены: англичане так же мало умеют прощать, как сам Фатум, и меч висит над гусиной шеей Троцкого².

Как Вам показалась картина сдачи германского флота³? Во всей истории человечества, его войн, его преступлений, наказаний я не знаю ничего равного по силе, простоте и трагичности. Не физическая сила Германии упала, а таинственно сломлен самый дух ее: будто не сам флот, поступившись, шел в английские гавани, а вели его утопленники своими зелеными руками. Сколько было жуткого молчания в этом шествии «Кайзеров», «Гинденбургов», «Вестфалий» и «Кельнов»!

Будьте здоровы, дорогой мой друг, и пишите.

Ваш Л.А.

4.

<3 января 1919 г.>

Дорогой Николай Константинович!

Простите, друг, за совсем невольное молчание. 15-го сего со мной приключился довольно серьезный сердечный припадок, и с тех пор я не могу оправиться. По-видимому, астма. Очень ослабел, задыхаюсь при движении и при всяком малейшем волнении, а то и так — вдруг остановка сердца и удушье. Плохо. Завтра буду серьезно беседовать с врачом. Писать трудно, и только Ваше второе письмо, <котор>е я получил нынче, взбодрило меня на сей подвиг. Не хотелось бы потерять ни крупички из Вашего дружеского отношения ко мне.

Справки в гимназии сын достанет¹. Что касается статьи², то все будет *исключительно* от здоровья зависеть. Месяц (до конца января) срок большой, и не останусь же я таким. Если же здоровье не поправится, то — для крайнего случая — нельзя ли будет воспользоваться моим письмом, которое однажды я написал Вам по поводу Ваших картин³? По счастью, я нашел в бумагах его копию.

Настроение не из важных. Впереди целая гора работы, сил, здоровья и энергии нужно, как Геркулесу перед очисткой Авгиевых конюшен, — и быть в это время больным, слабым, инвалидным — нестерпимо. А навозу действительно горы! В нынешнем листке прочел статью Арабажина⁴ и почувствовал трепет перед грядущим архихамством. И быть в одном лагере с этими господами — какое несчастье, какая трагически-печальная необходимость! Я невысокого мнения о Керенском⁵, большевики лишают меня жизни, я измучен мучениями России, но когда их, и его, и всю революцию начинает поносить торжествующе и злобно — поганый язык осмелевшего труса — мне хочется встать на их защиту. А Струве⁶ — Лермонтов?

Насколько видел «Северную жизнь», это приличная газета⁷. И Ляцкий⁸ приличный человек, насколько мне известно, и работать с ними, кажется, возможно. Жаль, что не удалось поговорить с Вами. За время Вашего отсутствия я несколько раз был в Выборге, лечил зубы, и сколько было времени для беседы! А теперь не знаю, когда пустит здоровье. И на нынешний съезд⁹ не поехал главным образом по этой причине, хотя были и другие соображения.

Дружески обнимаю и целую Вас. На днях, вероятно, напишу. Живу я теперь на новой даче (на прежней было померли все от сырости и холода) в ста шагах от старого

помещения, и принадлежит она моему тезке, Андрееву, и даже Леониду! Тут тепло и приятно и даже можно бы работать, если бы... да что там!

Ваш Леонид Андреев.

3-го января 1919 года. Новый год! Что-то в начертании его напоминает звериное число.

5.

14 февраля 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович!

Пишу Вам наскоро, — и между нами. При всей моей симпатии к Гуревичу, я не доверяю его дипломатическим способностям и боюсь, как бы из его сношений с фран<цузским> консулом не вышло какого-нибудь недоразумения. Но если Вы думаете, что выйдет хорошо, то предоставляю рукопись в Ваше распоряжение¹. Кстати: статья уже пошла тремя путями, о которых Вам расскажет Евг<ений> Густавович².

Крепко жму Вашу руку и жду — ждем! — во вторник.

Ваш Л.А.

6.

25 февраля 1919 года

Дорогой мой и милый Николай Константинович!

Опять здоровье немного ухудшилось от (маленькой) простуды, почему в Выборге завтра не буду. Известил об этом Карташева¹ и просил перенести свидание на другое время. Замотался я еще здесь! Как-то выходит, что каждый день на людях и в разговоре, не досыпаю и утомляюсь.

О делах. Книгу разрешите задержать еще на немного дней. Сегодня сажусь за статью о Вашем творчестве и постараюсь быстрее написать.

Фонд «имени А<ндрее>ва»² оказался созданным исключительно для напечатания и распространения *моих статей*, так что если мы пожелаем сохранить наш кружок — надо будет изыскать другие средства. На деньги фонда послана телеграммой Бурцеву³ моя статья⁴. (Стоило 12.000 м<арок>!) И будет издаваться через посредство издательства Тиандера⁵ и в его переводе по-фински и шведски. Будет издана и по-русски, также выйдет в обеих газетах. Сегодня был у меня И.А.Меликов⁶, и обо всем мы условились.

Конечно, это не мешает и Вашим добрым «людям», принесшим деньги, печатать статью в каком угодно количестве — с удовольствием разрешаю. Меликову об этом заявлено мною. Ваш рисунок это богатство. Выбирать не решаюсь, пусть то, что ближе Вашей душе. Все хорошо — и «Всадник помощи» (С.О.С!) и «Меч мужества», «Спящим то» [так! — В.А.], и не знаю, что лучше; менее подходит «Град обреченный», поскольку основной звук в призыве и есть элемент пассивности и страдания, а надо именно мужество и быстрого коня. Так что действуйте, и можно уже теперь приступить к печатанию⁷ — но не выпускать, пока не выйдет в газетах здешних.

И еще дело. Приехал И.В.Гессен⁸ («Речь»), и я уже был у него в карантине, посду и завтра. Вероятно, он увидит Вас и расскажет чудесные вещи о наших художниках и писателях; особенно хорошо 75-летний юбилей Кони⁹, каковой он справлял с большевиками! И стыдно, и смешно, и страшно. Но дело в самом Гессене. Его *необходимо* приспособить к делу и ввести в гельсингфорский комитет¹⁰. Во-первых: это он — тот, кто поставит газету и поставит под ноги свои обоих дерущихся... Ах, до чего в газетном отношении слаб Ляцкий! Во-вторых, вообще в лице Гессена мы получаем настоящего, опытного и настойчивого общ<ественного> деятеля необходимой сейчас окраски. Напишите об этом Карташеву и просите, ибо *многие* будут наверно подставлять Гессену ножку и оттирать. Сам Гессен — которому я высказал мои пожелания, с охотой готов идти на всякую работу, стосковался о ней.

Крепко жму Вашу руку, милый друг, и — все же до скорого свидания. Будет же день, когда мы поговорим по-человечески, а не по-комитетски. Кстати: не особенно доверяйте раздраженному отзыву о Троцком-Сенютовиче¹¹ — этот человек *еще* мало опытный в общественном деле, но энергичный, деятельный и *честный*, что сейчас так необходимо. Когда он немного приобькнет, он станет одним из лучших работников. И он здорово всех их удоражит!

Привет сердечный.

Ваш душою Леонид А.

7.

1 марта 1919 г.

Дорогой мой друг!

Целился написать статью как раз к первому (русская привычка — в последний срок!) и промахнулся: оказалось, что в феврале, несмотря на декреты, всего 28 дней, и я на день опаздываю. Именно: кончаю статью сегодня вечером и завтра, оставив себе копию на всякий случай, почтой посылаю Вам вместе с этим письмом. Только не судите строго. Говоря по чистой совести, очень трудно (а минутами казалось невозможно) сосредоточить мысль на чем-либо ином, кроме треклятого большевика. С какою радостью в иное время я не только лизнул бы от Вашего творчества, как сейчас, — а окунулся бы с головой, постарался бы нырнуть на самое дно. А то говорю: красота, и даже как будто чувствую, а в душе: будь ты трижды анафема, проклятый Лентроброевич!

А здоровье все скандально, повторяются припадки удушья, и в Выборг пока не еду. Нынче депеша от Карташева, что 5-го он придет ко мне, чему очень рад. Завтра вижу с Гессеном, он заедет по пути в Гельсинки, получил разрешение. Меня всякие люди убеждают съездить в Гельсингфорс, чтобы основательно поговорить с тамошними и вообще «повлиять» — я согласился и прошу теперь о разрешении. Но поеду ли — Бог весть.

«Фонд имени Андреева» оказался созданным специально для моих статей, о чем я уже писал Вам, и каждому кружку либо надо изыскивать новые средства, либо — прекратиться. Между нами: я склоняюсь к последнему. Последнее заседание наше внушило мне большие сомнения в приспособленности всех этих добрых и умных людей к делу пропаганды — а для нас с Вами двоих кружка не надо, мы и так сговоримся. Тут нужны огромные средства, много людей пишущих и пребывание в центре. Именно об этом я хочу поговорить в комитете с генералом, убедить его, что теперешняя война идет не столько пушками, сколько прокламациями. Их нужно много, по всей России, по всем фронтам. Вот сегодня прочел, что большевики ассигновали на пропаганду в Финляндии 8 милл. Возможно, что в центре организацию литературной части возьмет Гессен, а я могу взять на себя редакцию, кроме собственных статей. Завтра поговорю об [этом]¹ с Гессеном и Вальтером².

О делах. Вальтер передал мне о предложении (из Стокгольма) Руманова³ и др. издать и распространить С.О.С. и о предложении мне лично 10.000 марок за право издания. Подумав, я решил эти деньги взять, ибо уже давно живу в кредит и никаких издержек не имею; между прочим, я начинаю хлопотать о закладе дачи. В сущности говоря, это дело — моего кормления — надо было бы поставить иначе, но как — не хочется говорить. Уладится. Пустяки, к слову пришлось.

Значит, Вы, дорогой, пошлете им разрешение и благодарность, конечно. Беспокоит меня участь С.О.С. за границей, боюсь, что побоятся напечатать... Но меня это не остановит, раз взялся.

Обнимаю и крепко жму Вашу руку. Как хорошо, что мы оба — тут!

Ваш Леонид А.

8.

12 марта 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович!

Анна Ильинишна словесно передает мои приветы, а письменно два слова о «С.О.С.». Возмутительно, что Комитет до сих пор не может узнать (срочной телеграммой) о ее судьбе и тем задерживает напечатание в газетах, а также выпуск брошюр на том же английском и французском языках. Если редакции французских и английских газет отказались напечатать статью по своим соображениям, то брошюры могут в известной степени заменить газеты¹.

Лично я думаю, что статья задержана не иностранными, а нашими собственными доморощенными политиками и дипломатами. Бурцев усумнился и посоветовался с Х., и Х. решил, что «при введущихся переговорах» напечатание «С.О.С.» может быть несвоевременно, преждевременно и опасно, У. думает, что можно, Зет — что нельзя и т.д. Я уверен, что при коалиционной редакции Маклаковых², Чайковских³, Сазоновых⁴ и прочее вообще ни одна моя статья не увидела бы света, хотя, после напечатания, каждый из них приветствует ее. Разве с.р. вместе с кадетами напечатали бы «Гибель»⁵.

Этих «слишком дипломатов» надо ставить перед совершившимся фактом. Боюсь, что статья пропала в этом болоте — или ином.

Надо во что бы то ни стало ускорить выпуск ее в брошюрах. Иначе совсем глупо. И как трудно писать при этих условиях — все равно, что родив ребенка, отдать его на воспитание к Бабе-Яге.

Дружески обнимаю Вас. Жалко, что говорить с Вами будет моя жена, а не я!

Ваш Леонид А.

9.

19 марта 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович!

Вчера Анат<олий> Ефимович¹ сообщил мне печальную весть, что Вы очень скоро, всего, б<ыть> м<ожет>, через несколько дней, можете уехать в Европу. Это производит такое впечатление, как будто я должен ослепнуть на один глаз: ведь Вы единственная моя живая связь со всем миром, который лежит к западу от прекрасного Тюрсева. И значит — и видеться не будем? и говорить не будем? Дорогой мой, если это действительно случится, приезжайте хоть на один вечерок, переночуете у меня, будем говорить!

Передал мне Анат<олий> Е<фимович> несколько утешительных слов о «С.О.С.» (Руманов и письмо Милюкова²), но все же положение остается для меня не вполне ясным — вернее, совсем неясным. Что Париж? Бурцев? Кстати, хочу Вас попросить, чтобы Вы поставили меня в контакт с Румановым: кажется у них есть там какое-то издательство, а я скоро думаю кончить свой роман «Дневник Сатаны» (опять работаю над ним) и, если общие условия окажутся подходящими, отдать его им — слишком долго ждать, пока можно будет издаваться в России, да и деньги нужны.

Передал мне Анат<олий> Е<фимович> и предупреждение относительно Д.³ Неприятно все это. И я и Анна всегда были далеки от этого Д., человека доброго, но бестолкового, легкомысленного несмотря на свой почтенный возраст и безответственно болтливом. По существу совершенно безвредный, своей неосмысленной болтливостью он производит на людей странное и, к своему несчастью и удивлению, даже подозрительное впечатление. До его приезда сюда мы не видели его целый год, и, надо сказать правду, он стал еще несноснее. С первых дней он начал хлопотать о визе в Швейцарию, каковую, кажется, уже получил, и уже на этой неделе собирается уезжать, чему мы не по-родственному рады. Нелепый человек!

Но нам надо поговорить! Точно писать коротенькое письмо, когда столько длинных мыслей. А здоровье все плохо, и последние дни было прямо-таки скверно, так что даже из дому не выхожу. И будущее смутно. Вот жизнь-то стала! Хорошо, что Вы, дорогой друг, и Ваша жена⁴ (о ней мне хорошо говорила Анна) такие бодрые люди.

Сейчас видел Вальтера. По вопросу о выпуске брошюры «С.О.С.» срок предоставляю Вам, ибо Вы гораздо лучше меня осведомлены о положении за границей, ведь я все сам узнаю только через Вас. Мне лично кажется, что брошюру выпускать можно, до каких же пор будем ждать? Газеты (франц<узские> и англ<ийские>) в настоящее время уже должны напечатать, а если не напечатали, то и не напечатают. Если же «С.О.С.» пойдет там также брошюрой, то мы повредить ей не можем, наоборот. Отсутствие вестей из Парижа поражает. При сем прилагаю любопытное письмецо из Роттердама, показывающее... впрочем, о нем пишет Вам Анна. Но неужели мы не увидимся до Вашего отъезда? Боюсь, чтобы теперешнее руссофобское здешнее настроение не отразилось на Вашей выставке. — Вчера был у меня Кузьмин-К<араваев>⁵, только что приехавший и, слушая его, я прослезился. Доколе, Господи!

Крепко жму Вашу руку, милый друг.

Ваш Л.А.

10.

29 марта 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович!

Так зарядился своим «Сатаной», что едва выцарапал время для письма; да что коротенькое письмо! За кусочек Вашей «державы»¹ сердечная благодарность, а что Вы уезжаете-таки, серьезно и окончательно — для меня невознаградиво. В то же время даже и на судьбу пожаловаться нельзя: в самом деле, Вам надо ехать, это хорошо и

для дела и для Вас. Конечно, я завидую мало-мальски: с каждым днем труднее здесь и невыносимее жизнь. С одной стороны — рук приложить не к чему, так они и болтаются в руках, с другой — видимо растет черная сила. Вдруг начались юдофобские выступления, и довольно решительного характера. И доносы, доносы...

Хотел написать письмо Маклакову, да не стоит, Вы ему лучше можете рассказать, что здесь, чего ждем, чего боимся и на что надеемся. Теперь, после провала «С.О.С.» за границей, я начинаю опасаться неистовости моих слов — и цензуры. Вот Венгрия обсоветилась²... Для меня это факт огромнейшего значения и — если Антанта сразу не возьмет-таки быка за рога — может вовлечь Европу в новую многолетнюю войну. Голод, полный развал культуры, победа варварства над Римом и новое темное Средневековье. А разве их, господ Согласие, об этом не предупреждали? Не заклинали и не умоляли? Все слова сказаны.

«Дневник Сатаны» думаю кончить недели через две. Об условиях издания ничего сказать не могу, теперь так все изменилось и я совсем отстал. В рукописи листов 12-13, на целую книгу, а почему брать, не знаю. Прежде за лист в альманахе я брал 1000-1500 р., а за книгу отдельно, а как теперь? при этом рубле? Если издательство вполне добросовестное, то можно брать процент с экземпляра, но сколько, опять не знаю. Между прочим: кто сулил мне это 10 т<ысяч> марок? Я внес уже их в бюджет, а теперь недоумеваю; если соврали, то Бог с ними, но нужно знать, на что я могу рассчитывать, а то я из этих денег чуть новых двухэтажных штанов не построил! Простите, милый друг, что я обременяю Вас этими пустяками, но так уж вышло. Скажите им (а кто это?!), чтобы они прямо сносились со мною.

Надо бы сделать Вам пожелания на дорогу, да что! Поезжайте, и пусть Вам будет там лучше, чем здесь нашему брату. Все-таки думаю почему-то, что расстанемся не надолго: должен же быть конец этому треклятому периоду! Но, пожалуйста, дорогой, пишите оттуда, это будет мне чрезвычайно дорого. Только ничего не пишите соблазнительного: о весне, вежливости, музеях и книгах.

Крепко обнимаю Вас и целую. Будьте здоровы, живите и работайте, у Вас еще такая дорога впереди. Бог в помощь!

Неизменно любящий Леонид А.

Голубчик, пришлите мне полсотню экземпляров брошюры «С.О.С.» и с Вашим рисунком — ведь я его еще не видел. Нужно для раздачи хорошим людям.

11.

<23-24 апреля 1919>

23 апреля 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович!

Был в некоторой нерешимости, куда Вам писать. Но не это главное: духом я ослабел. Выпадают такие дни, что еле встаешь с постели, и тоска постепенно становится преобладающим чувством. Решаюсь писать Вам об этом по дружбе, ибо не выношу в себе таких состояний и стыжусь их, как вообще стыжусь всякой болезни и слабости. И никакая работа не идет: хватаюсь за бумагу, бросаю, ночью вместо сна думаю, а днем эти мысли ненавижу.

Причина — безумие мира. То, что делается в Европе, отношение ее к большевизму и России и все, о чем только ни читаешь — ложится на мозги серой паутиной и отравляет душу злом и бессмыслием. А большевизм все продолжается, и не видно ни конца ни краю всей этой мучительной чепухе, а за окнами неподвижное Тюрсево, Шайкевич¹ идет в гости к Вальтеру, Вальтер идет к Шайкевичу — и холодная, формальная, бездарная весна. Вдруг начинается удушье, и целую ночь дышишь точно в трубочку.

Оттого главное и не пишу. Что за радость обременять своим нытьем! Хочется, как собаке, залезть под террасу и там отлежаться. А думаю о Вас с нежностью, милый друг. Мне еще жаль, что Вам выпало столько неприятной возни с этими деньгами, воистину в чужом пиру похмелье! Передайте мой низкий поклон и благодарность Вашей супруге за ее письмо; видно, что и ее коснулась эта неприятность. Все собираюсь в Выборг, и все откладываю по тем же душевным причинам. А где Вы? Когда едете? Черкните письмо. И о выставке. Крепко обнимаю и целую братски.

Ваш Леонид А.

Сейчас, перед отправкой на почту, получил Ваше письмо и деньги, милый друг. К написанному раньше могу прибавить от всей души: эх! Читали ихнюю резолюцию? Вообще — не хочется, не могу говорить.

Вас еще раз крепко целую. Конечно, мы вместе и твердо. Пишите мне и давайте адрес.

Л.А.

24 апреля

12.

17 июня 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович!

Вы такой милый, что балуете меня восточками, а я — пренесчастнейший субъект. Все получил, все — и открытки и большое, а ответить все не мог. История в том, что с конца апреля я сильно занедужил, мой Валлерштейн¹ нашел, что сердце у меня «ослабело», и пришлось мне все бросить: писанье, ходьбу, всякое сильное движение, всякое усилие мысли. Причина — в полном расстройстве нервов: малейшее волнение вызывает сердечные спазмы, приостановку дыхания и прочее. Было очень скверно.

Так тянулось до половины мая, когда я переехал к себе в дом на Ч<черную> Речку. Тут хорошая погода и физический труд (понемногу) несколько привели меня в чувство, я ожил, стал спать и уже могу тихонько проехаться на велосипеде. Но волнения действуют все так же губительно и сердце работает неровно и дышать порою трудно, как будто вся жизнь моя — гора. Это и есть причина, почему я не писал Вам: уже коротенькое письмецо, самый стук машинки и вид бумаги будоражит меня. За это время мне писали Карташев и Гессен, чтобы я приезжал в Гельсинки, наступила пора работы — и мне пришлось отказаться от этого. Глупо! Теперь решил, ни на что не смотря, копить здоровье и не приходить в мрачное настроение от своей инвалидности. Господи! впереди ведь еще целые годы и целые годы работы.

Народу окрест мало. Шайкевичи, старые и молодые, уехали в Лондон; Вальтеры также, Троцкие² еще не возвращались, Сергея Вс.³ не видел давным-давно. Но зато в бинокль — вижу много. Из газет Вы, вероятно, уже знаете о наших событиях, падение К<расной> Горки, взрывах, морских боях; и это все мы либо видели, либо слышали. Как не слышать, когда дом трясется и стекла дребезжат. Или среди ночной тишины вдруг загадочно затюкает неведомый пулемет. Особенно интересен был день 13-го⁴ сего, когда с корниша [так! — В.А.] мы смотрели на одновременную стрельбу кронштадских фортов, «Петропавловска» и Красной Горки, на вспышки огня, столбы дыма от взрывов, похожие на извержение и на пожары. Очень страшно и зловеще всю ночь горела К<расная> Горка.

Стрельбы все время так много, что тишина, наступившая со вчерашнего дня, кажется странной и непонятной. А тишина полная, хотя суда по-прежнему стоят у маяка. Слухов и вестей много, но насколько верить им — не знаю. Были сегодня Шереметевы⁵, и вести сообщили самые радостные — а верить боюсь. Источником хороших слухов и предположений является в этот раз Влад<имир> Дмитрич⁶, который только что прислал им радостное письмо о близком будущем. И все-таки — верить боюсь. Пусть лучше я еще немножко посомневаюсь, а то можно сесть в грома-а-днейшую лужу! Но тишина — факт!

Милый мой друг, очень рад за Вас, что Вы живете так бодро, работаете и везде оказываетесь нужным человеком. Можно думать теперь, что наша встреча не за горами, но буду ли я так же бодр и способен к работе? Помимо прочего надо деньги зарабатывать — печальная история. Ну да ладно, обойдется. И не забывайте меня, милый друг, пишите о Вашем ходе по Европам. Буду и я писать по мере сил.

Крепчайше Вас целую и жму руку. Мои Мысли о Вас, Вы должны чувствовать, они должны дойти.

Ваш Леонид Андреев.

13.

<23 и 25 августа 1919>
23 августа 1919 г.

Дорогой друг мой!

Все время собираюсь писать Вам — и каждый раз останавливаюсь перед сложностью мыслей, чувств, настроений и состояний, которые хотел бы поведать Вам, как другу. Трудно писать, когда так болит душа и когда лишь минутами чувствуешь себя живым, а целыми днями мертвецом, холодно и ненужно бродящим среди живых. Конечно и мертвец мог бы многое рассказать о своих загробных переживаниях, как выражаются в Художественном, если бы не то страшное равнодушие, которое идет вместе с смертью и все мертвые уста делает немymi. А о жизни...

Вот три пути, которые сейчас открываются передо мною — это жизнь. Один — «я беру на себя целиком» все дело антибольшевистской пропаганды, как я писал и предлагал Карташеву и другим, и вступаю в здешнее правительство¹ с портфелем министра пропаганды и печати. Понимаете: все целиком! Организацию во всей ее огромности, помимо собственного писания. Живу, значит, либо в Ревеле, либо где придется, езжу взад и вперед, целые дни разговариваю, ищу и настраиваю людей, а ночью пишу, борюсь с инерцией и слабодушием. Труд, который только под силу железному здоровью, а я болен, болен! При этом получаю я гроши, на которые не могу прожить с семьей, мучительно продолжаю искать кредита и гоняться за мелькающим Гуревичем, ухлопываю последние остатки сил — а впереди болезнь, небеспеченность, бессонные ночи, приют литераторов. Но долг обязывает работать для России, и вот завтра я еду в Гельсингфорс добиваться того, что есть мой несомненный конец, как художника и живой твари. Говорю: еду, а сердце опять так плохо, что вчера еле передвигался из комнаты в комнату. Говорю: добиваться, а язык от слабости еле поворачивается, чтобы попросить стакан чаю.

Второй путь. Не добившись толку в Гельсингфорсе (эти маленькие люди боятся меня), еду в Америку. Там читаю лекции (на каком языке?) против большевиков, разезжаю по штатам, ставлю свои пьесы, продаю издателям «Дневник Сатаны» и миллиардером возвращаюсь в Россию для беспечальной маститой старости. Это уже лучше. Поездка может быть неудачною (я болен и сваливаюсь после первой лекции или американцы просто не хотят слушать меня), но она может, при счастливо сложившихся обстоятельствах, превратиться и в «триумфальное шествие»: увижу людей, которые любят меня, получаю импульсы к новой художественной работе и, уврачевав душу, может быть подтяну и тело, которое у меня всегда плетется сзади. Уже давно доходят слухи, что в Штатах ко мне относятся очень хорошо; когда-то меня приглашали для турне и сулили огромный успех; и сейчас случается, что неведомый мистер из Кентукки вдруг присылает мою книжку для автографа. Отчего не поверить чуду? Случилось же вчера ночью, что к нам в [дом]² попал упавший с лошади и заблудившийся полупьяный финский офицер, напугал женщин, на коверканном языке стал говорить о своей любви к «Леониду Андрееву», и, узнав, что таковой перед ним, проделал целую сцену поклонения в духе Достоевского, я не знал, куда деваться от бурного юноши, А ведь — финн! И как он размахивал револьвером, грозя убить М.Горького, а мне говорил, что если я стану большевиком, то и он станет большевиком! Серьезно: ведь есть же, должно быть, люди, которые верят мне и моему слову — а я их не вижу, как ослепший, вечно служу над собой панихиду, унынием и тоской о личной судьбе убиваю здоровье. Америка!

Но как добратсья до нее? Где найти доброго и щедрого импрессарио, не мошенника? Как прожить это время, пока таковой найдется? Где добыть денег, что<бы> хоть обеспечить семью на время отъезда? (я хочу ехать с женой и маленьким сынишкой, остальные здесь). У меня украли штаны, сапоги — как соорудить новые и какого они должны быть фасона для Америки? Все эти вопросы, серьезные и ничтожные, во всяком случае пустые для разумного и практичного человека — для меня сплошь проклятые, сплошь неразрешимые вопросы — ах до чего я младенчески беспомощен в жизни, только теперь это вижу! А сегодня день моего рождения: ровно сорок восемь лет хожу я по земле и так мало приспособился к ее порядкам.

И третий, наиболее вероятный путь — это больница. Но это дорога так мрачна и вообще я тут подхожу к таким мыслям и решениям, что лучше остановиться.

Так вот, дорогой друг, чем я существую. С этими мыслями провел я три недели в Тервусе, куда меня звали «отдохнуть» — и не отдохнул. А люди там воистину

чудесные, и теперь, вернувшись домой, я с трудом представляю, что все это милое радушие, тонкая и мягкая тактичность, особый воздух скромной и некрикливой человечности — подлинная явь, а не сон. Но мысли, мысли и заботы!

Завтра, как говорил, еду в Гельсингфорс. Но заранее убежден в неудаче и оплакиваю зря затраченные деньги. Новый и еще мне не вполне известный и сомнительный состав правительства, робость и половинчатость условий, которые мне поставят и к<отор>ые сделают мой труд непродуктивным и бессмысленным, несомненные попытки, к<отор>ые будут сделаны для полного обкарнания моей независимости публициста и превращения меня в редактора правительственного вестника... Может быть, я и ошибаюсь, но мало хорошего сулят мне эти Маргулиесы³ и, в частности, вошедшие в состав социалисты. Пусть это даже совсем безалкогольные социалисты, вроде финского пива, но лучше даже алкоголь, чем переваренная вода и шатанья пьяницы при полной холодной трезвости ума...

...Сейчас подали телеграмму от Карташева: «Все глубоко изменяется, дело продолжается, Ваш приезд обязателен и необходим». Стало быть — в министры? Еду — но не только не сжигаю моста за собою, а еще старательнее строю новый.

Просьба к Вам, огромная: поспособите младенцу Леониду относительно Штатов. У Вас есть знакомство и связи в Америке. (А я растерял все адреса и написал только одно письмо по фантастическому адресу некоему Г.Бернштейну⁴, чуть ли не покойнику). Возле Вас, вероятно, и существуют американские журналисты и кроткие импрессарио (а в Тюрсеве их нет), и Вы, наконец, настоящий деятельный друг, чем я и решил нагло пользоваться. Только обязательно скажите кроткому импрессарио, что мне необходим большой аванс на штаны; я не П.Люис⁵, чтобы ехать с фиговым листком, а солидный русский писатель, почти что признанный Антантою. И что мне нужен секретарь-переводчик и кормилица, что я очень робок с носильщиками и на вокзал приезжаю за три часа со своим чайником, чай должен быть включен в договор, как и гроб для обратного путешествия по китайскому обычаю. Будьте другом, милый Николай Константинович!

А что такое с «Черными масками»⁶? Вместят ли их англичане? В Москве одна купчиха сошла от них с ума. Покойный Бравич⁷ рассказывал, что как-то в антракте «Ч<ерных> масок» спросил старого театрального буфетчика, как идет торговля; и тот мрачно ответил: «недоумевают-с — и не пьют»⁸. А один полиц<ейский> пристав в Киеве доносил начальству: «Эта пиеса мало того, что лишена всякого смысла, еще опасная в пожарном отношении». Ликиардопуло⁹ писал мне (это все Вы хлопчете обо мне) о «Мысли»¹⁰ и «Екатерине Ив<ановне>»¹¹, также сомневаюсь, чтобы подошли, хотя «Е[катерина] И[вановна]» в Мюнхене перед самой войной имела большой и многообещающий успех¹². Впрочем, кто их поймет — иностранцев. А что Вы думаете о «Савве»?¹³ Это очень странная вещь... и хорошо, если бы до конца она оказалась пророческою. В ней есть кое что о России, что могло бы немного открыть глаза иноземцам и, пожалуй, заинтересовать их. Но необходимо, чтобы ставил ее русский режиссер¹⁴.

Я был в Тервусе, когда пришло Ваше письмо Тумаркину¹⁵ и очень порадовался, что у Вас уже налаживается работа в Лондоне. И опять-таки — как это важно для русского искусства, для нашей справедливой оценки. Самая лучшая пропаганда! Европейскому самодовольству должен быть нанесен удар, и кто же это может сделать лучше, [н]ежели русский художник, представитель великого народа, а не каких-то презренных полуазиатских «племен».

Этот мотив в моем плане поездки имеет первенствующее значение. Думаю, что в этом смысле (да и вообще в смысле пропаганды) поездка может по результатам не уступить и министериабельности с непосредственным печатанием листов. Есть еще одно соображение, которое склоняет вся души моей на сторону Штатов: это полное сохранение моей публицистической независимости. Как-никак, а здесь я становлюсь «казенным» публицистом, и хотя я за совесть принимаю Колчака¹⁶ и буду воевать с большевиками, но все как-то... странно и будто тесно, и будто умалется в цене мое слово. Привык я к полной свободе, всегда считался только с своим судом и мне немного страшно; конечно, индивидуальными особенностями мыслей я готов жертвовать для общих целей... но, а где граница?

А что значит работать совсем против совести, показывает Горький. В последнем № «Либератора», большевистского американского журнальчика, почему-то мне присылаемого, есть его статья «Следуйте за нами»¹⁷, т<о> е<сть> за Советской Россией и ее

мудростью, — и что это за жалкая, убого-бездарная, ничтожная статья! Когда поэт и пророк начинает лгать, Бог карает его бессилием, — таков закон вечной справедливости. Но это между прочим.

Ночь и надо укладываться к завтрашнему вояжу. А за окнами над темным морем я вижу у самого моря — по бурному небу бродят прожектора, а вчера на рассвете в бледно-голубом небе в середи [так! — В.А.] меркнувших звезд я слышал гудение аэроплана и видел две яркие красные вспышки разрывов — как они были красивы, и красиво бледное небо в его предутренней свежести и покое, и как тому, кто летал, казалось удивительною земля и море, и как все это хорошо — хорошо жить, — летать, — видеть рассветные звезды. И есть еще у меня одно радостное чувство: об англичанах, которые геройски в самой гавани взрывали большев<истские> суда¹⁸, и сами гибли — это те люди, которых я звал.

Америка!

Будьте здоровы, дорогой. Крепко Вас целую.

Ваш Леонид Андреев.

25 августа.

Второй день в Гельсингфорсе. Говорил уже с многими¹⁹, в том числе с Карташевым целый вечер. Впечатления самые²⁰

14.

<4 сентября 1919 г.>

Дорогой мой Николай Константинович!

Только что прибыл из Гельсингфорса и нашел Ваше письмо относительно «Ч<ерных> масок», кн. Марии Павловны¹ и Ярошинского². Прислано оно по почте, так что посланца никакого не видал. И, вероятно, этому письму предшествовали другие, потому что из этого я ничего не понял: в чем собственно дело? Получили ли Вы мое письмо относительно Америки? И теперь я в некотором расстройстве ума — Америка или Англия?

Здесь, как я и предполагал, ничего из моей пропаганды выйти не может. Я видел много людей, видел и теперешних министров (одного), много слышал о положении, и вся невозможность поставить дело пропаганды так, как я хотел: в широком «государственном» масштабе, встала передо мною воочию. Само новое министерство³ едва родившись уже дышит на ладан и разваливается. Ушли Карташев, С.В.Иванов⁴, Бутлеров⁵, наконец Александров⁶, из общественных деятелей остается только Кедрин⁷ да Маргулис, если его считать за обществ<енного> деятеля. Дальше смутнос безличие. Не решаюсь в письме высказывать свое мнение о министрах, но оно самое отрицательное. Карташев (чудесный человек) вернулся к своему первобытному комитетскому существованию и стремится за границу. И.Гессену предлагали пропаганду, но он отказался и все мечтает о еженедельном журнальчике. Издают в Ревеле под руководством Кирдецова⁸ (!) и при содействии, кажется, вернувшегося Арабажина «Новую Россию»⁹, орган без денег, настоящего и будущего, но уже «с прошлым». Впечатление от людей и разговоров самое тошнотворное: уость, мелкота, личное; меня, конечно, боятся, хотя очень любезны. Странно сказать, но целыми днями я испытываю физически тошноту. Исключение, повторяю, Карташев, который действительно совсем не «деловит», но видит шире и яснее других и совсем лишен личного и корысти.

И какая тоска! даже милые шхеры не могли вытащить меня из этой черной ямы. Тоска, шаткое сердце и горькие мысли о бессилии и конченности, какое это проклятие: семья «зарабатывает»; уйти бы мне в тихую келью итальянского монастыря и там собраться с мыслями о мире, а вместо того — Америка! Янки дудль! Кинематограф! Ложь!

Ну да ладно. Было в Гельсинках одно радостное впечатление, до сих пор вызывающее улыбку: это красная солнцеподобная сияющая физиономия Гуревича, который встречал меня на вокзале и придерживал рукою Гессена и Иванова, притащенных им также для встречи. Им было кисло и хотелось спать, а он сиял и, залив меня светом, мгновенно умчался на стокгольмский пароход, который уже уходил. А у самого дела плохие и забот множество. На днях продам Тервус, Тумаркины ищут квартиру.

Вернувшись, застал дом в переполохе. Только что на рассвете налетали аэропланы и бросали бомбы по соседству; одна бряк<ну>лась около Шереметевых. Жертв, кажется,

нет, но грохот и паника были жестокие. Приходится для матери и детей уезжать, спешно укладываться и проделывать беженство. Поселяемся на даче Фальковского¹⁰ в Мустомьяках, и адрес мой теперь значит такой: Мустомьяки, дача Фальковского, Л.Н.Андрееву. Надоело это, мешает думать и сосредоточиться, дергает за нервы. Гудит, а кто? Нынче на рассвете видел стрельбу шрапнелью из Кронштадта, должно быть тоже по аэроплану. Красиво, когда далеко. Наши говорят, что особенно страшно было, когда они, после бомб, пролетали обратно и гудели над самой крышей: им никто не мешает и держатся они очень низко. В довершение зол, я простудился, бегая раздетым смотреть стрельбу и слушать разные звуки, и сейчас пишу с трудом.

Все мои несчастья сводятся к одному: *нет дома*. Был прежде маленький дом: дача и Финляндия, с которыми сжился: наступит бывало осень, потемнеют ночи — и с радостью думаешь о тепле, свете, кабинете, сохраняющем следы десятилетней работы и мысли. Или из города с радостью бежишь домой, в тишину и свое. Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом *мой*: искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома — холодная, промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества. Как кандалы всюду волочу за собою большевика и тоску. Статьи — не творчество. И так жутко, пусто и страшно мне без моего царства, и словно потерял я всякую защиту от мира. И некуда прятаться ни от осенних ночей, ни от печали, ни от болезни. Изгнанник трижды: из дома, из России и из творчества, я страшнее всего ощущаю для себя потерю последнего, испытываю тоску по «беллетристике», подобную тоске по родине. И не в том дело, что мне некогда писать или я нездоров — вздор! а просто вместе с гибнущей Россией ушло, куда-то девалось, пропало то, что было творчеством. Как зарница мигают безмолвные отражения далеких гроз, а самой грозы с ее жизнью — нет. Прочтешь что-нибудь свое старое и удивляешься: как это я мог? откуда приходило в голову? Какой Вы счастливый, что, потеряв многое, как и я, сохранили творчество во всей его свежести и силе!

Ну завтра буду о деле, а сейчас разболтался. О «Черных масках». Только в дни революции я понял, что это не только трагедия личности, а и трагедия целой революции, ее подлинный печальный лик. Вот она, Революция, зажегшая огни среди мрака и ждущая званных на свой пир. Вот она, окруженная званными... или незванными? Кто эти маски? Черновы¹¹? Ленины? Но они еще знают Сатану. А вот и они, частицы великой человеческой мглы, от которых гаснут светильники. Ползут отовсюду, свет им не светит, огонь их не согревает и даже Сатаны они не знают. Черные маски. И гибель благородного Лоренцо. Да! можно, пользуясь цитатами, провести полную аналогию. И как это случилось, что трагедия личности, какую была задумана эта пьеса, стала трагедией *истории*, революции? Тут много интересного.

4 сентября

Из Штатов еще нет ответа. Послал через Гессена телеграмму Бернштейну, скоро pošлю вторую с кратким изложением моего предложения. От Милюкова получил некое как бы пригласительное письмо в Лондон и даже 78 ф<унтов>¹². Во всяком разе до Америки мне необходимо побыть в Лондоне для координации действий — это даже без Вашего письма. А с тем, что Вы пишете о «Ч<ерных> масках», работе в Лондоне и Ярошинском, все мои планы могут круто измениться.

Что может дать мне Лондон? Это я должен знать точно и определенно. Ведь мое положение таково, что без аванса от воображаемого импрессарио я не могу пуститься и в Штаты. Дело с закладом дома затягивается, вдобавок уехал Гуревич, и хорошо, если к концу октября удастся получить 40 т<ысяч> марок — минус то, что я сейчас должнаю на жизнь. Останутся сущие пустяки, а, уезжая, я должен оставить семье, сыну, которого удалось устроить в гельсингфорскую гимназию, на пансион у Игельстрома¹³, очень хорошего человека — [нрзб] тысяч м<арок> в месяц. А одеть и проч<ее>?

Вы пишете: возьмите семью. Это меня взволновало. Всей семьи я не возьму, громоздко, но мать-старуху хотел бы взять чрезвычайно, необходимость оставлять ее на одиночество очень тяжела. Тогда нас, едущих, получится четверо: я, жена, сынишка Савва¹⁴ и мать¹⁵, да трое останутся в Финляндии.

...На том берегу жестоко режут пушки, дребезжат стекла, трясется машинка, вздрагивает дом; сейчас так стукнуло, что едва удержался на стуле, как на норовистой

лошади. И пулемет. В чем дело? День чудесный, солнечный, но даль в дымке и ничего не различить в тумане. Но все дома ждут к ночи аэропланов, так тут бывает: англичане налетают на Кронштадт, а дикий Кронштадт в отместку налетает на наш берег...

О Ярошинском я слышал, как о джентльмене. Это все хорошо, но я никак не уясняю себе своей роли в Лондоне: в чем будет моя работа? За что буду получать деньги, которые мне так анафемски нужны? И сколько? У меня кривит рот от этих вопросов, особенно последнего, но — Вы понимаете меня, мой друг! Конечно, если Лондон даст мне возможность туда приехать и жить, то я могу поехать сравнительно скоро, не выжидая окончательного ответа от Америки: из Лондона легче будет сговориться. Ибо я все же не оставляю мысли об этом Эльдorado, где мне представляется единственная возможность подняться на ноги, снова стать независимым — стать художником! В Англии ко мне холодно (не говорю про Вас, такого верного друга, и про хороших русских, разумею англичан), в Америке температура много выше.

Вот Вам все мои соображения, чувства и обстоятельства — начистоту. Буду теперь с естественным нетерпением, считая минуты и последние марки, ждать Вашего всеобъясняющего письма. О визе я уже писал Набокову К<онстантину> Д<митриеви>чу¹⁶, но если выйдет так, что можно взять и мать, то нужно добавить Анастасию Николаевну Андрееву, 67 лет. Наши паспортные отметки: я — 48 л<ет>, жена Анна Ильи<ни>шна — 35, сын Савва — 10. Хлопотать о визе здесь — почти безнадежно и берет уйму времени.

Как только осяду в Мустомьяках, сажусь кончать «Дневник Сатаны» и составлять лекции для почтенных янки. Между прочим (это пока в секрете) в Лондоне и Америке я хочу вести переговоры о некоей *новой* партии, которая (тише!) должна будет вместить в себе кадетов под несколько новой окраской; эта мысль идет со стороны лиц весьма влиятельных, и мне кажется не только приемлемой, но и спасительной.

Чтобы не опоздать на почту и не терять дня, решительно кончаю письмо. Горячо целую Вас, — и самый сердечный привет людям, волнующимся моей судьбой; меня только это держит. И до чего противно, что я все о себе!

Ваш Леонид Андреев

Душевный привет

А.А.¹⁷

15.

10 сентября 1919 г.¹

Дорогой друг!

Сейчас получил Ваше письмецо об «английском судне», которое отвезет меня в Англию. Боже, как я взволновался! Жена хотела тотчас же послать телеграмму: не получили! Да, того письма «с приглашением» я не получал — затерялось — пропало! Более аккуратно приходят только *заказные*.

Не могу писать, простужен, голова, сердце и проч<ее>. Пропадает ценное время: должен работать, кончать «Сатану», готовить материал для поездки. Просто беда!

За Ваше милое внимание и заботу — благодарность от сердца. Если я совсем не пал духом и начинаю бодриться, то это делаете Вы (и Гуревич).

Обнимаю.

Ваш Леонид А.

Примечания

1.

1. Гуревич Самуил Лазаревич (ок.1860-1939) — петербургский купец-лесопромышленник. Оказывал помощь русским эмигрантам в Финляндии.

Три письма Л.Андреева к С.Л.Гуревичу от 1918 г. (два в отрывках и одно полностью) без указания фамилии адресата опубликованы: Звено (Париж). 1926. №164 (21 марта). С.11-12. В письме от 25

октября 1918 г., в частности, речь идет о возможности оказания продовольственной помощи русским эмигрантам в Финляндии.

2. Н.К.Рерих посетил Л.Андреева в октябре 1918 г., см.: Русский листок (Гельсингфорс). 1918. 2 ноября.

2.

1. Андреева (урожд. Денисевич) Анна Ильинична (1885-1948) — жена писателя.

2. Речь идет о выставке картин Н.К.Рериха в Стокгольме. Выставка была затем перевезена в Гельсингфорс, где ее и посетил Андреев.

3. Арабажин Константин Иванович (1866-1929) — критик и историк литературы, автор книги «Леонид Андреев: Итоги творчества. Литературно-критический этюд» (СПб., 1910). Л.Андреев неоднократно выступал против Арабажина и высмеял его в неопубликованной пьесе «Арабажин в Греции. Полная невозможность в трех отдельных невозможностях» (см.: Андреев А. Из воспоминаний о Л.Андрееве // Красная новь. 1923. №9). В РГАЛИ хранятся два неполных варианта этой пьесы.

3.

1. Роман-памфлет Л.Андреева на империалистическую Европу и Америку накануне Первой мировой войны. Работа над ним завершена не была. Роман издан посмертно в Гельсингфорсе в издательстве «Библион» в 1921 г.

2. Троицкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940) в 1918-1924 гг. наркомвоенмор и председатель РВС Республики.

3. Согласно условиям перемирия 21 ноября 1918 г. германский флот под командой вице-адмирала фон Рейтера прибыл к Росайту (Оркнейские острова у северной оконечности Шотландии), где был интернирован. С заходом солнца по сигналу английского адмирала флота Дэвида Битти на интернированных кораблях были спущены германские флаги. Позже германский флот был переведен в залив Скапа-Флоу. Большая часть кораблей, во избежание окончательной сдачи, была затоплена их командами 21 июня 1919 г. Упоминаемый Андреевым немецкий легкий крейсер «Кельн» был потоплен артиллерийским огнем в бою у Гельголанда еще 28 августа 1914 г.

4.

1. Речь идет о старшем сыне Л.Андреева Вадиме Леонидовиче Андрееве (1902-1976), впоследствии советском писателе. Автор мемуарной повести об отце «Детство» (М., 1963).

2. Л.Андреев выполнил просьбу Н.К.Рериха, написав посвященный ему очерк «Держава Рериха», впервые опубликован: Русская жизнь (Гельсингфорс). 1919. 29 марта. Очерк был написан по поводу выставки картин Н.К.Рериха.

3. Упоминаемое письмо к Н.К.Рериху, которое Л.Андреев намеревался использовать для очерка, не разыскано. По-видимому, на это письмо, содержащее восторженную оценку Андреевым искусства Н.К.Рериха, художник ответил 3 декабря 1914 г.: «Дорогой Леонид Николаевич! Если слова трогают душу, то слово такого, так близкого мне художника, как Вы, не только тронуло меня глубоко, но и принесло радость... Судьба устроила так, что среди умершего "сегодняшнего" дня, среди пены и пыли жизни ко мне обращаются голоса таких людей, как Вы, которого я так люблю, ценю и чувствую. Ведь это же радость!» (Неделя. 1966. 27 ноября).

4. Арабажин К.И. «России черный год»: Из личных воспоминаний // Русский листок (Гельсингфорс). 1919. 1 января.

5. Керенский Александр Федорович (1881-1970) — в 1 и 2-м коалиционном Временных правительствах (май-сентябрь 1917 г.) занимал посты военного и морского министра, а с 8 (21) июля также министра-председателя и с 30 августа (12 сентября) одновременно главковерха. В сентябре 1917 г. возглавил «Директорию» и затем 3-е коалиционное Временное правительство. После разгрома возглавлявшегося им вместе с генералом П.Н.Красновым мятежа эмигрировал. Среди бумаг Андреева, хранящихся ныне в Русском архиве в Лидсе (Великобритания), находится машинопись статьи Л.Андреева о Керенском (без заглавия), написанной в октябре 1917 г., но тогда не опубликованной. В ней Л.Андреев, обвиняя А.Ф.Керенского в «растрате власти», писал: «Это он, свое личное, субъективное, всегда ставивший выше объективных велений момента, уйдя власть и закон, заразил их смертельным недугом своего антигосударственного идеализма» (Андреев Л. Перед задачами времени. Benson, Vermont, 1985. С.188).

6. Струве Петр Бернгардович (1870-1944) — экономист, философ, член ЦК партии кадетов. После Октябрьской революции активный участник антисоветских организаций, в 1919 г. представлял в Лондоне и Париже интересы генерала Н.Н.Юденича. Что имеет в виду Л.Андреев, без письма Н.К.Рериха, на которое он отвечает, непонятно.

7. Газета «Северная жизнь» выходила в Гельсингфорсе с ноября 1918 г. по февраль 1919 г.

8. Ляцкий Евгений Александрович (1868-1942) — литературовед и критик.

9. Речь идет о съезде «Русского комитета», состоявшемся 1 января 1919 г. (ст. ст.) в Выборге. О «Русском комитете» см. примеч. 10 к письму 6.

5.

1. Речь идет о статье Л.Андреева «С.О.С.» (см. примеч. 4 к письму 6). Еще до опубликования статьи актриса Л.Б.Яворская выступила в Гельсингфорсе с ее публичным чтением, приуроченным к открытию выставки Н.К.Рериха, см.: Северная жизнь. 1919. 21 февраля.

2. Кто имеется в виду, установить не удалось.

6.

1. Карташев Антон Владимирович (1875-1960) — религиозный мыслитель, историк церкви, министр вероисповеданий во Временном правительстве. С января 1919 г. жил в Финляндии, где возглавлял «Русский комитет», а в мае-августе 1919 г. был заместителем председателя и министром иностранных дел в «Политическом совещании» генерала Н.Н.Юденича.

2. «Фонд имени Л.Н.Андреева» был создан «Русским комитетом» для распространения информации в заграничной печати.

3. Бурцев Владимир Львович (1862-1942) — участник русского освободительного движения, одно время был близок к эсерам, издавал журнал «Былое». После Октябрьской революции эмигрировал, издавал в Париже газету «Общее дело» (1918-1922, 1928-1933). После смерти Л.Андреева в этой газете были опубликованы письма Л.Андреева к В.Л.Бурцеву. В.Л.Бурцев — автор предисловия к двум изданиям статьи Л.Андреева «S.O.S.», вышедшим в 1919 г. в Париже.

4. Андреев имеет в виду свою статью «S.O.S.» («С.О.С.»), напечатанную в «Общем деле», 1919, №40, 24 марта. Поводом для статьи было обращение президента США Т.В.Вильсона 22 января 1919 г. от имени Антанты к Советскому и белогвардейским правительствам на территории России вступить в мирные переговоры на Принцевых островах (в Мраморном море), 4 февраля 1919 г. правительство РСФСР заявило о своем согласии принять участие в переговорах, однако нота Советского правительства, направленная всем странам Антанты и США, осталась без ответа. Белогвардейские правительства участвовать в переговорах отказались. В статье «S.O.S.» Л.Андреев называет предложение о мирных переговорах на Принцевых островах «предательством» и «безумием» и призывает страны Антанты начать вооруженную интервенцию в России. Статья имеет авторскую дату: «Финляндия, 6 февраля 1919 г.».

5. По-видимому, Тиандер — финский публицист, профессор.

6. Меликов Иван Андреевич — русский нефтепромышленник и торговец.

7. Отдельное издание «S.O.S.» с воспроизведением на обложке рисунка Н.К.Рериха «Меч мужества» вышло в 1919 г. (Wupuri Karjalan Kirjapaino).

8. Гессен Иосиф Владимирович (1866-1943) — публицист, юрист. Один из лидеров партии кадетов и редактор ее центрального органа газеты «Речь». После Октябрьской революции эмигрировал. Приехавший 24 августа 1919 г. в Гельсингфорс Л.Андреев две недели жил у И.В.Гессена. См. письмо Л.Андреева И.В.Гессену от 9 июля 1919 г. в «Архиве русской революции, издаваемом И.В.Гессеном» (Т.1. Берлин, 1921. С.310-311); опубликовано также в редактировавшейся И.В.Гессеном берлинской газете «Руль» (1921. 12 апреля).

9. Кони Анатолий Федорович (1844-1927) — юрист и общественный деятель. Член Государственного совета и с 1900 г. почетный член Петербургской Академии наук. После Октябрьской революции в 1918-1922 гг. был профессором Петроградского университета.

10. Речь идет о «Русском комитете», организованном в ноябре 1918 г. в Гельсингфорсе (с отделением в Выборге). Это была монархическая организация, возглавлявшаяся А.Ф.Треповым. В январе 1919 г. к руководству «Русского комитета» пришли кадеты. На съезде «Русского комитета» (январь 1919 г., Выборг) был создан «Национальный русский комитет» в составе: А.В.Карташев — председатель, Э.Грувикос и кн. В.М.Волконский —

товарищи председателя, П.Б.Струве и др. Центральный орган — газета «Русская жизнь», главный редактор Д.Д.Гримм. «Национальный комитет» признал лидером «белого дела» генерала Н.Н.Юденича, а верховным правителем России — адмирала А.В.Колчака. Была установлена связь с А.И.Деникиным и с «Русским политическим совещанием» в Париже.

11. Троцкий-Сенютович Владимир Николаевич — промышленник. В эмиграции входил в Особый комитет по делам русских в Финляндии.

7.

1. В тексте машинописной копии пропуск, восстановлено по смыслу.

2. Вальтер Николай Григорьевич (ум.1935) — адвокат из Петербурга, юрисконсульт правления Русско-Азиатского банка; член Петроградского комитета Всероссийского союза городов. После Октябрьской революции — эмигрант, сосед Л.Андреева в Тюрсево.

3. Руманов Аркадий Вениаминович (1876-1960) — журналист, был редактором петроградского отделения газеты И.Д.Сытина «Русское слово». После Октябрьской революции эмигрировал. В его фонде в РГАЛИ хранятся два письма Л.Андреева к А.В.Руманову (1909 и 1912 гг.)

8.

1. Отрывки из «S.O.S.» появились в английской «Таймс» 1 марта 1919 г., а на французском языке в газете Густава Эрве «La Victoire» 22 марта 1919 г. В июне 1919 г. в переводе на английский язык Д.Поллока в «Nineteenth Century and After». В переводе Рафаэля Линдквиста на шведский язык статья помещена в гельсингфорском журнале «Nya Fugen» (1919. №13/15 и 16/17); в том же году вышло отдельное издание на голландском языке. Статья перепечатывалась русскими газетами, выпускавшими на территории, занятой белой армией (см., напр.: Сибирская речь (Омск). 1919. 11 июня; Одесский листок. 1919. 25 августа. См. также: Рижский курьер. 1921. 15, 16 и 17 марта). Отдельные издания вышли в виде бесплатного приложения к газете «Русская жизнь» (Гельсингфорс) от 29 марта 1919 г., в Париже два издания в 1919 г., в берлинском издательстве «Геликон» без указания года, и др. В качестве пропагандистского материала авиация интервентов сбрасывала брошюры со статьей Л.Андреева над позициями Красной Армии.

2. Маклаков Василий Алексеевич (1869-1957) — адвокат, правый кадет; депутат II, III, IV Государственной думы от Москвы. С июля 1917 г. был послом Временного правительства в Париже; в гражданскую войну — представитель А.И.Деникина и П.Н.Врангеля при Антанте.

3. Чайковский Николай Васильевич (1850-1926) — в Первую мировую войну был одним из руководителей Всероссийского союза городов (Земгор). После Февральской революции 1917 г. — член ЦК партии народных социалистов. С конца сентября

1918 г. — председатель и зав. отделом иностранных дел «Верховного управления Северной области». После отъезда в январе 1919 г. в Париж вошел в состав «Русского политического совещания».

4. Сазонов Сергей Дмитриевич (1860-1927) — дипломат. В 1910-1916 гг. министр иностранных дел. После Октябрьской революции министр иностранных дел у А.И.Деникина, А.В.Колчака.

5. Л.Андреев имеет в виду свою статью, впервые напечатанную в газете «Русская воля» (1917. 30 апреля) и распространенную дополнительно к тиражу газеты листовкой. Отдельным изданием вышла в 1917 г. в Петрограде («Библиотека «Солнце свободы»», №1) и в Москве (с подзаголовком «Что ждет Россию») в издательстве «Воля». Статья отпечатана также брошюрой в 1917 г. в Старобельске (тип. М.Г.Деду-сенко) и в 1919 г. в Ростове-на-Дону (изд. Н.Е.Парамонова «Донская речь»).

9.

1. Личность этого человека установить не удалось.

2. Милуков Павел Николаевич (1859-1943) — историк, публицист, лидер партии кадетов, министр иностранных дел Временного правительства (1917 г.). Эмигрант. П.Н.Милуков написал предисловие к английскому изданию «S.O.S.», см.: Andreiev L. Russia's Call to Humanity: «Save Our Souls»: An Appeal to the Allies / Introduction by prof. P.N.Milukov; Cover by Frank Brangwyn. London: The Russian Liberation Committee and the Union of the Russian Commonwealth, 1919.

«Многоуважаемый и дорогой Павел Николаевич, — писал Л.Андреев Милукову 26 июля 1919 г. — С живой радостью я увидел английскую брошюру «С.О.С.» с Вашим вступлением. Ваше доброе отношение всегда было дорого мне; в этой же форме оно приобретает для меня особую ценность. Связать мое имя с именем человека, которого я считаю теперь первым государственным деятелем России, всегда было бы для меня исключительной честью...» (Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. Кн.4. С.348; публикация и комментарий Ричарда Дэвиса).

3. Личность этого человека установить не удалось.

4. Рерих (урожд. Шапошникова) Елена Ивановна (1879-1955).

5. Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859-1927) — публицист, юрист, профессор, член I и II Государственной думы, в правительстве Н.Н.Юденича — министр юстиции.

10.

1. Вероятно, речь идет о какой-то работе Н.К.Рериха, подаренной им Л.Андрееву.

2. Речь идет об установлении советской власти в Венгрии 21 марта 1919 г. (просуществовала до 1 августа 1919 г.)

11.

1. Шайкевич Ефим Григорьевич (ок.1857-1928) — финансист, директор-распорядитель Петербургско-

го международного коммерческого банка, сосед Л.Андреева по Тюрсево.

12.

1. Согласно «Российскому медицинскому списку» (СПб., 1916) было два врача Валлерштейна — Александр Самуилович (1876-?) и Петр Самуилович (1873-?). О ком из них идет речь, установить не удалось.

2. Речь идет о семье В.Н.Троцкого-Сенютовича.

3. Личность этого человека установить не удалось.

4. Имеется в виду контрреволюционный мятеж на форте «Красная Горка» (бережье Финского залива), поддержанный затем на фортах «Серая Лошадь» и «Обручев». Вечером 13 июня дня линкоры «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» начали обстрел фортов. Обстрел продолжался 14 июня 1919 г., гидросамолеты Красной Армии сбрасывали на мятежников бомбы. 16 июня сопротивление на фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь» было подавлено. Гарнизон на форте «Обручев» сдался.

5. О ком идет речь, установить не удалось.

6. Набоков Владимир Дмитриевич (1869-1922) — юрист, член I Государственной думы, кадет. В 1917 г. управляющий делами Временного правительства. Осенью 1918 г. министр юстиции в крымском правительстве, с 1919 г. жил в Англии. По приглашению И.В.Гессена и А.И.Каминки переехал в Берлин и с ноября 1920 г. возглавил газету «Руль».

13.

1. Речь идет о сформированном по инициативе англичан 11 августа 1919 г. в Ревеле «Северо-Западном правительстве», которое возглавлял нефтепромышленник С.Г.Лианозов, он же министр иностранных дел и финансов; военный министр — генерал Н.Н.Юденич, морской министр контр-адмирал В.К.Пилкин. Правительство прекратило свое существование в декабре 1919 г.

2. Слово пропущено, восстанавливается по смыслу.

3. Маргулис Мануил Сергеевич (1868-1939) — адвокат и врач. Один из руководителей «Союза городов» и председатель Военно-промышленного комитета, член совета Союзного банка. В правительстве Н.Н.Юденича занимал пост министра торговли и промышленности.

4. Речь идет о письме Л.Андреева переводчику Г.Бернштейну от 23 июля 1919 г., в котором, в частности, говорится: «Дорогой Г.Бернштейн! Пишу — и не знаю, найдет ли Вас мое письмо. На всякий случай копии письма рассылаю в другие места, где могут знать о Вашем местонахождении».

Дело в том, что я решил-таки ехать в Соединенные Штаты: видно, от своей судьбы не уйдешь. Причины, которые заставляют меня предпринять это путешествие — весьма нелегкое при моем нездоровьи и укоренившихся привычках к домашнему, двойного рода.

Первое. Уже два года, с момента большевистского переворота проживая безвыездно в Финляндии, я утомился и хвораю от безделья. Неясность политического положения, постоянно обманывавшая, на скорое возвращение в СПб, держала меня в состоянии напряженного ожидания и не давала возможности уехать за границу, где я мог бы найти работу по моим силам. Писать же отсюда в заграничные издания было трудно: одна почта с ее медленностью и цензурой брала столько времени, что всякая злободневная статья являлась бы запоздалою. Например, отсылка моей статьи "С.О.С." по телеграфу стоила около 20 тысяч рублей, а появилась она в печати через месяц с лишним. С другой стороны, отсутствие в Финляндии больших газет и журналов европейского распространения лишало меня возможности работать и здесь. И я решил: до осени ждать взятия СПб, а иначе — уезжать за границу. Из всех стран Согласия, куда можно поехать, я остановился на мысли об Америке, которая дает большой простор и где, по Вашим словам и словам других моих американских друзей, ко мне относятся весьма дружелюбно. Для моих целей это имеет большую важность и вот почему я обращаюсь к Вам за содействием.

Второе. Как и все, кто не имел миллионов за границей, я почти разорен этими двумя годами непомерно дорогой жизни за границей, обесценением русских денег и отсутствием заработка. Театры, изданные газеты, наконец, деньги в банке — все это осталось в России, а здесь ничего. У меня есть новые рукописи, но что с ними делать? Правда, мне предлагали мой новый роман издать в Швеции, но все так неопределенно, так далеко, и я так мало знаю людей, которым приходилось поручать это важное дело, что я — отказался. Мне надо заработать денег — вот что заставляет меня, домоседа, тронуться в путь и, как многих других, искать счастья в Америке» (Yivo Institute for Jewish Research, New-York).

5. Льюис Уиндхем Перси (1884-1957) — английский писатель и художник.

6. «Черные маски» — символическая пьеса Л.Андреева, впервые опубликованная в альманахе «Шиповник» (СПб., 1908. Кн.7). В Петербурге премьера «Черных масок» состоялась 2 декабря 1908 г. в театре В.Ф.Комиссаржевской. Пьеса вызвала противоречивую реакцию зрителей; отзывы рецензентов были в основном критическими. В настоящем письме речь идет о постановке «Черных масок» в Англии.

7. Бравич (Баранович) Казимир Викентьевич (1861-1912) — актер театра В.Ф.Комиссаржевской. Исполнял центральную роль герцога Лоренцо ди Спандара в пьесе Л.Андреева «Черные маски».

8. Ср. в письме Л.Андреева К.Н.Незлобину от 24 октября 1909 г.: «Я не могу забыть буфетчика в театре Комиссаржевской, у которого спросили, как идет торговля; и, разведя руками, горько отвечал буфетчик: — "Недоумевают — и не пьют!"» (Утро России. 1909. 2 декабря).

9. Ликиардопуло Михаил Федорович (1883-1925) — литератор. После Октябрьской революции эмиг-

рировал, жил в Великобритании. В письме Герберту Уэллсу 14 сентября 1919 г. писал о полученном им письме Л.Андреева от 20 августа 1919 г., см.: Советские архивы. 1967. №1. С.80.

10. Мысль: Современная трагедия в трех действиях и шести картинах. СПб.: Прометей, 1914. Премьера этой пьесы в Московском Художественном театре 17 марта 1914 г. успеха не имела.

11. «Екатерина Ивановна: Пьеса в четырех действиях». Впервые напечатана в альманахе «Шиповник» (СПб., 1913. Кн.19). В Москве первое представление этой пьесы состоялось в Художественном театре 17 декабря 1912 г. По общему мнению рецензентов, пьеса провалилась. Здесь также идет речь о предполагаемой постановке пьес Л.Андреева в Англии.

12. Об успехе «Екатерины Ивановны» в Мюнхене см.: Одесское обозрение театров. 1914. №675. 30 июня.

13. Речь идет о богоборческой пьесе Л.Андреева «Савва». Впервые опубликована в сборнике товарищества «Знание» за 1906 г. (СПб., 1906. Кн.11) и одновременно выпущена издательством И.Дитца в Штутгарте. В России к постановке в театре пьеса была запрещена цензурой. Цензурный запрет не распространялся на Финляндию, и 12 апреля 1907 г. группа В.Р.Гардина показала «Савву» в Териоках.

14. В первые годы советской власти пьеса «Савва» была поставлена в Воронеже и Нижнем Новгороде в 1918 г., в Задонске в 1919 г.

15. Тумаркин Александр Моисеевич (1885-1941) — коммерсант, близкий знакомый Л.Андреева; после Октябрьской революции жил в Берлине.

16. Александр Васильевич Колчак (1873-1920) в ноябре 1918 — январе 1920 гг. — «Верховный правитель Российского государства», признанный эмигрантскими организациями в Финляндии.

17. Gorky M. Follow us // The Liberator (New York). 1919. Vol.2. №6. P.3.

18. В ночь на 18 августа 1919 г. английские торпедные катера в кронштадтскую гавань, потопили учебное судно «Память Азова» и повредили линкор «Андрей Первозванный». Несший дежурство по гавани эсминец «Гавриил» потопил три из семи катеров.

19. По сообщениям русских газет, Л.Андреев встречался в Гельсингфорсе с С.Д.Кузьминым-Караевым (см.: Русская жизнь. 1919. 20 сентября) и журналистом и художником С.В.Животовским (см.: Рассвет. 1919. 19 сентября). Интервью с Л.Андреевым 29 августа 1919 г. поместили финские газеты «Uusi Suomi» и «Helsingin Sanomat».

В интервью, напечатанном в последней из указанных газет, было, в частности, сказано: «Три года... я почти ничего не писал. Только последней зимой я написал роман "Дневник Сатаны". Это фантастический роман героем которого является дьявол. Действие романа происходит в довоенные годы. Он пока что остается в рукописи. Из-за границы я, правда, получил предложения опубликовать его, но согласие пока еще не дал. Напечатать,

может быть, в Америке». (Цит. по русскому переводу Бена Хеллмана «Последнее интервью Леонида Андреева» — Русская мысль (Париж). 1985. 27 декабря).

20. На этом текст обрывается.

14.

1. Вел. кн. Мария Павловна (1854-1918) — жена вел. князя Владимира Александровича.

2. Ярошинский Карл И. — банкир, сахарозаводчик.

3. См. примеч. 1 к письму 13.

4. Иванов Сергей Валентинович (ум. в 1925) — сенатор, председатель Петербургской городской думы, товарищ председателя Петроградского комитета Всероссийского союза городов.

5. Бутлеров Ю. — инженер, секретарь Союза горнопромышленников Урала.

6. Александров Константин Александрович (1875-1936) — товарищ председателя Всероссийского союза городов, столичный мировой судья в Петербурге, кадет.

7. Кедрин Евгений Иванович (1851-1921) — адвокат, член ЦК партии кадетов.

8. Кирдецов Григорий Львович — журналист, печатался в «Биржевых ведомостях» и «Русской воле», редактировал газету «Свободная Россия» (Ревель, 1919-1921), меняла название. В книге воспоминаний «У ворот Петрограда, 1919-1929» (Берлин, 1921) Г.Кирдецов рассказывал об Андрееве: «Л.Н.Андреев в Гельсингфорсе вовсе не показывался, а доживал свои последние месяцы в Тюрсево в скромном доме однофамильца Андреева, почти без средств к существованию, без книг, которые остались у него в Петрограде в его доме на Марсовом поле, больной, раздражительный, умиравший от бессонницы и головных болей» (с.33).

9. Газета «Новая Россия» издавалась в Ревеле в 1919-1920 гг.

10. Фальковский Федор Николаевич (1874-1942) — писатель, журналист. Работал с Л.Андреевым в газете «Русская воля». Л.Андреев умер на даче Ф.Н.Фальковского в Нейволе, неподалеку от Мустаяк, см.: Фальковский Ф.Н. Предсмертная трагедия Леонида Андреева: (Из воспоминаний) // Прожектор. Москва. 1923. №16. С.27-28, 30.

11. Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) — политический деятель, один из основателей и теоретик партии эсеров. После Октябрьской революции жил в эмиграции.

12. «Получил Ваше письмо и деньги и сердечно благодарю за дружеский и теплый отклик, — ответил Л.Андреев П.Н.Милюкову 6 сентября 1919 г. — Деньгами, вероятно, придется воспользоваться именно так, как Вы говорите: для поездки в Лондон. По совету Иосифа Владимировича <Гессена> я уже обратился с просьбой о визе к К.Д.Набокову <...> Н.К.Рерих пишет, что для меня есть какое-то дело и [работа. Еще не знаю в чем она заключается, но допускаю возможность остаться в Англии на более

продолжительное время; впрочем этот вопрос новый и сложный] работа в Лондоне» (Минувшее. Кн.4. С.354, 356).

13. Игельстром Андрей Викторович (1860-1927) — преподаватель русского языка, библиотекарь Гельсингфорского университета.

14. Савва Леонидович Андреев (1909-1970) — третий сын Л.Н.Андреева. Впоследствии артист балета театра «Колон» в Буэнос-Айресе (Аргентина).

15. Андреева (урожд. Пацковская) Анастасия Николаевна (1851-1920). Л.Андреев посвятил ей пьесе «К звездам» и под именем Александры Петровны Мацневой вывел в автобиографической пьесе «Младость» (1916).

16. Набоков Константин Дмитриевич (1872-1927) — младший брат В.Д.Набокова. Российский поверенный в делах в Лондоне. Представлял интересы русских эмигрантов в Англии.

17. Приписка рукой А.И.Андреевой.

15.

1. Письмо написано за два дня до смерти писателя. Л.Андреев скоропостижно скончался 12 сентября 1919 г. в шесть часов вечера. Газета «Варшавская речь» (1919. 19 сентября), сообщила со ссылкой на газету «Голос России»: «Леонид Андреев скончался вчера в Мустамяках во время налета летчиков большевиков на Териоки. Одна из сброшенных ими бомб взорвалась в непосредственной близости от комнаты, занимаемой Андреевым. От испуга с Андреевым сделался удар, от последствий которого он вскоре скончался».

В ночь на 13-е сентября 1919 г. художник Владимир Щепинский, при свете лампы, сделал два рисунка Л.Андреева. На следующий день умершего писателя рисовал финский художник Юхо Иконен, а скульптор Баумштейн снял гипсовую маску. Л.Андреев завещал похоронить его в Москве на кладбище Ново-Девичьего монастыря, рядом с могилой первой жены Александры Михайловны Андреевой-Велигорской. Выполнить волю писателя было невозможно, и гроб, запаянный в цинк, установили в часовне в Нейволе. Среди небольшой группы участвовавших в панихиде находились и писатель Ф.Н.Фальковский, М.К.Куприна-Иорданская, режиссер Г.А.Кроль, художник Н.Полешко, артистка балета Маринского театра Л.Н.Егорова, родные и близкие. Фотограф из Териок М.Г.Никитин сделал снимки, составившие серию из 36 фотографий «Жизнь и смерть Л.Н.Андреева». Через пять лет, 14 сентября 1924 г., гроб был перенесен из часовни в Нейволе в Тюрсево и предан земле на берегу Финского залива, у церковной ограды. В 1956 г. останки писателя перенесены на Литераторские мостки Волкова кладбища в Ленинграде и похоронены неподалеку от могил И.С.Тургенева и М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания В.А.Александрова.

М.П.Арцыбашев

Письма Борису Савинкову

К истории русской эмиграции в Варшаве

20 августа 1923 г. известный русский прозаик и драматург Михаил Петрович Арцыбашев, покинувший Россию с разрешения властей (воспользовавшись происхождением матери, он опиривался в польское гражданство), приехал в Варшаву с намерением там поселиться¹. Это событие не привлекло особого внимания, хотя русские писатели в тот год перемещались, как правило, уже в ином направлении (в том же августе вернулись в СССР «из дальних странствий» Алексей Толстой и Сергей Есенин, собирались на родину Андрей Белый и Виктор Шкловский).

Год спустя, в ночь на 16 августа 1924 г., другой русский прозаик Борис Викторович Савинков (известный читающей публике как «В.Ропшин»), проживавший до того в Париже, тайно перешел советско-польскую границу с намерением, проникнув в Москву, произвести там государственный переворот (или, по крайней мере, подготовить для него почву). Через две недели о «загадном» возвращении Савинкова в СССР, его аресте и суде над ним известили информационные агентства и газеты мира.

Этот временной интервал (август 1923 — август 1924) охватывает и публикуемую переписку Арцыбашева и Савинкова (к сожалению, одностороннюю)², и их мимолетное личное знакомство³.

Хотя оба писателя принадлежали к одному литературному поколению (Арцыбашев всего на три месяца старше) и к одному, условно говоря, антиправительственному общественному лагерю, до революции 1917 г. они знакомы не были и, судя по всему, к этому не стремились. Их разделяли и внешние обстоятельства (бежав в 1903 г. за границу из ссылки, Савинков с тех пор приезжал в Россию только конспиративно, по чужим документам) и внутренняя чуждость. Арцыбашева, с его антиутопическим сознанием и глубоким атеизмом, очевидно, отталкивали культ революционного долга и «организации», пропитывающий сочинения Савинкова-Ропшина, а также очевидная склонность к «религиозному модернизму», заимствованная им от своих литературных наставников — Мережковского и Гиппиус. Савинков же, один из вождей русской политической эмиграции, тоже не проявлял особого интереса к популярному беллетристу с сомнительной репутацией. Тем более не могли они познакомиться и в бурное пятилетие 1917-1922 гг. Савинков в эти годы — весь в борьбе и движении (Петроград — Новочеркасск — Москва — Рыбинск — Казань — Омск — Владивосток — Париж — Варшава — снова Париж), его имя не сходит с первых страниц газет. Арцыбашев

же безвыездно живет в Москве, а после закрытия летом 1918 г. неправительственной прессы его имя вообще не появляется в печати (мемуаристы сообщают о его неудачных попытках заняться коммерцией).

Непосредственным поводом для начала переписки стали первые публикации Арцыбашева в варшавской газете «За Свободу!»⁴, и прежде всего — две первых статьи из цикла «Записки писателя»: «Или — или»⁵ и «Суд»⁶ (на похвалы им Арцыбашев отвечает в письме 1). После их появления (отмеченного всей прессой русской диаспоры) стало очевидно, что в стане непримиримой антикоммунистической эмиграции появился публицист еще неслыханного «набатного» темперамента и блеска, к тому же — в отличие от большинства журналистов белого лагеря, покинувших Россию в годы гражданской войны — досконально знающий советскую жизнь. Обе темы, заявленные в этих статьях и ставшие доминантой публицистики Арцыбашева — разоблачение надежд части эмигрантов на эволюцию коммунистического режима и апология активной борьбы с этим режимом во всех ее формах (включая террор) — присутствуют и в публикуемых письмах. Конфликт в редакции газеты, вызванный, помимо борьбы самолюбий, неготовностью большинства ее членов идти на полный разрыв с «примиренческой» частью эмиграции, обсуждается в письмах 2-5. Одновременно Арцыбашев начинает тяготиться «словами», предлагает «приступить к делу» (т.е. к террору — см. письмо 4), сообщает о нетерпеливых юношах, готовых пожертвовать собой (см. письмо 5). Постепенно он входит и в курс этого самого «дела», которым оказывается начатая еще до его приезда в Варшаву операция ОГПУ по завлечению Савинкова в СССР — и знакомится с ее главным участником. С поразительной интуицией он разгадывает провокационную игру (см. письма 6 и 7), но изменить ход событий бессилён... Ему остается только описать, как все было (см. прилож. 2 и 3).

Арцыбашев прожил в Варшаве три с половиной года. Последняя его статья, опубликованная незадолго до смерти (он умер 3 марта 1927 г. от менингита, осложненного туберкулезом)⁷, также посвящена провокации ОГПУ — поездке Шульгина в СССР, описанной последним в книге «Три столицы»⁸. И опять он угадывает истину...

Благодарю за помощь в работе Э.Гаррэтто (Рим), А.И.Добкина (Москва), Н.В.Петрова (Москва), Г.Г.Суперфина (Мюнхен), а также сотрудников Научной библиотеки Государственного фонда Российской Федерации.

De Visu. 1993. №4(5).

© Д.И.Зубарев.

1. Приезд М.П.Арцыбашева // За Свободу! (Варшава). 1924. 21 августа; Писатель Арцыбашев ищет квартиру в центре города, желательно 2 комн<аты> с кухней: [Объявление] // Там же.

2. Местонахождение эмигрантского архива Арцыбашева нам не известно. Мы не сочли возможным пользоваться текстом недатированного «письма» Савинкова, опубликованного в сочинении В.Ардаматского «Возмездие» (М., 1968. С.548-549) ввиду крайней ненадежности этого источника (хотя допускаем, что в его основе лежит подлинный документ — возможно, перлюстрированная копия — см. примеч. 6 к письму 4).

3. См. прилож. 2 и примеч. 2 к нему.

4. Ш<евченко> Е. У М.П.Арцыбашева // За Свободу! 1923. 26 августа; М.П.Арцыбашев о большевистском терроре // Там же. 1923. 5 сентября; Протест против д-ра Нансена // Там же. 1923. 16 сентября.

5. За Свободу! 1923. 26 сентября.

6. Там же. 1923. 30 сентября. Всего в 1923-1927 гг. опубликовано 112 статей из этого цикла (их аннотированную библиографию мы собираемся предложить читателям «DV»).

7. Материалы о похоронах Арцыбашева и об откликах на его смерть см.: За Свободу! 1927. 5, 6, 8, 9, 10 и 11 марта.

8. Записки писателя. СХІІ: Обманутые ожидания // Там же. 1927. 11 февраля.

1.

14/X-23 г.

Глубокоуважаемый Борис Викторович,

Я очень рад, что Вы так сочувственно оценили мою работу. Тем более, что когда я приехал сюда, вырвавшись из мертвого круга, где мы жили оторванные от всего мира, эмигрантская пресса была для меня terra incognita и мое участие в «Свободе»¹ обуславливалось, главным образом, Вашим именем.

Я очень бедствовал в России, а мог бы жить там припеваючи, так как большевики, по некоторым соображениям, очень желали моего перехода в их стан и делали мне весьма заманчивые предложения². Поэтому нет ничего неожиданного в том, что я не поставил вопрос о работе в «Свободе» в зависимость от материальных условий.

Что же касается «плохого поведения», то, как я вижу теперь, «поведение» наше совпадает. Я ненавижу большевиков (кои и выучили меня ненавидеть!), но так же, как и Вы, не возлагаю никаких надежд на существующие зарубежные политические партии³.

Как видите, ничто не мешает нашему сотрудничеству, и я желал бы одного: чтобы это сотрудничество было возможно теснее и привело к реальным результатам.

Жму Вашу руку

М.Арцыбашев

P.S. Возможно, что в скором времени финансовые затруднения заставят меня на несколько дней поехать в Париж. Я буду очень рад повидать там Вас.

2.

22
19—24 г.
II

Глубокоуважаемый Борис Викторович,

Вы правы — по многим причинам я отношусь к газете с особым вниманием и мне чрезвычайно тяжело смотреть на все эти дрязги¹. Если они не прекратятся, газета погибнет. Много раз я сам хотел писать Вам по этому поводу, но боялся, что это будет сочтено здесь каким-то доносом. Ваше письмо дает мне право откровенно высказать свое мнение. Надеюсь, что буду беспристрастен.

Конечно, Д<митрий> В<ладимирович>, добывая средства, оказывает газете огромную услугу. Возможно, и наверное даже, что если бы его не было, газета давно бы лопнула². Но все-таки это не дает ему права считать себя единственным. Он совершенно не учитывает того обстоятельства, что средства, им добываемые, очень малы, и если бы не самоотвержение сотрудников, работающих буквально за гроши и ведущих поэтому нищенское существование, этих средств все равно не хватило бы. Если бы сотрудники предъявили Д<митрию> В<ладимировичу> хотя бы только требование прожиточного минимума, он оказался бы банкротом. Он должен был бы это понимать и относиться

к своим сотрудникам так, как они этого заслуживают. А между тем, он держится не только полновластным хозяином, но и хозяином с большой дозой прямого самодурства. Уход Португалова³, несомненно, вынужден его бестактным отношением, и даже милейший и безобиднейший Евгений Сергеевич⁴ уже не раз и не два готов был дезертировать по той же причине. Недавно он позволили себе бестактность даже по отношению ко мне, но об этом я расскажу в заключение. Д<митрий> Вл<адимирович> человек любопытный, но какого-то бабьего нрава. Он и тщеславен, и болезненно обидчив, и капризен, и мелочен, и мстителен, как избалованная женщина. Правда, он очень любит каяться, но эти вечные и не лишённые кокетства ссылки на свой «невозможный характер» и свою «подлость» только раздражают. В общем, он создает тяжелую атмосферу в редакции, и это не искупается, ибо как газетный редактор он никуда не годится. Он совершенно не отдает себе отчета в действительных потребностях нашего читателя и не умеет разобраться в ценности материала. Отсюда загромождение газеты «высокой политикой», до которой нашему читателю нет ровно никакого дела, и невозможной скучищей церковной трухи. Последнее, впрочем, естественно, ибо он — плоть от плоти «святой троицы» Мережковских⁵. Чем больше он забирал в свои руки бразды правления, тем скучнее и бесцветнее становилась газета. С момента же ухода Португалова газету невозможно читать и тираж непрерывно падает. Между тем, разговаривать с ним совершенно бесполезно. Других он вовсе не слушает, а меня хоть и выслушивает, но только из вежливости. В общем — общее недовольство, а в перспективе полный отход Португаловых. Тогда делу конец, ибо без Португаловых Д<митрий> В<ладимирович> не выпустит и трех номеров.

Я думаю, что единственное средство поправить дело — это ограничить самодержавие Д<митрия> В<ладимировича>, но при его болезненном самолюбии дело это весьма деликатное. Наилучшим путем было бы образование редакционного комитета. Вы, конечно, не подумаете, что мне очень хочется быть членом этого комитета. Отнюдь нет! Я человек не газетный и притом, по прирожденной лени, совершенно не способный к регулярному труду. Активного участия в повседневной работе я даже и вообще принять не могу. Но обстоятельства сложились так, что без моего участия образование комитета решительно невозможно. Необходим человек, к голосу которого Д<митрий> В<ладимирович> волей или неволей должен был бы прислушиваться и советы которого не почел бы для себя обидными. Таким человеком здесь являюсь только я.

Но для осуществления комитета прежде всего необходимо Ваше личное вмешательство. Отношения между Д<митрием> В<ладимировичем> и В<иктором> В<ениаминовичем> не таковы, чтобы они могли сговориться, а мне выступить с предложением неудобно.

Здесь я должен заговорить о Вас. Во-первых, Вы вообще слишком мало внимания уделяете газете⁶, а во-вторых, Вы совершенно неверно понимаете свое отношение к ней. Вик<тор> Вен<яминович> передавал мне, что, не имея возможности помогать газете материально, Вы не считаете себя вправе вмешиваться в ее дела. Это никуда не годится. Весь *raison d'être* газеты в том, что она «Савинковская». Так ее понимают, так ее принимают, и Вы должны оставаться шефом газеты во что бы то ни стало. Португалов, Журавская⁷, Шевченко и я, наконец, считаемся с газетой, как с газетой Вашей. Относительно себя я писал Вам об этом с самого начала. Я вошел в газету именно потому, что считал ее Савинковской. Зная свою непримиримость и оголтелую литературную смелость, я еще в России наметил «Свободу» как единственный орган, в котором я могу выступить. Каюсь, если бы я думал, что это газета Философова или Португалова, я бы проехал мимо. Одним словом, Вы должны держать свое шефство твердо и определенно. Уверен, что сотрудники (действительные сотрудники) газеты того же мнения.

Как шеф же, Вы можете и должны прямо вмешаться в эту историю. Как ход дипломатический, могу быть использован я: Философов остается редактором (Португалов за этим не гонится), но Вы считаете необходимым привлечь меня к теснейшему союзу с газетой, а сделать это возможно только путем образования редакционного Комитета. В деталях Вы сами, конечно, сумеете найти «и краски, и слова», но в общем это единственное, что я Вам могу посоветовать.

Когда же Комитет будет образован, чтобы не остался он пустым звуком, Вы должны возможно чаще, как власть имущий, указывать Комитету все замеченные Вами промахи. Именно Комитету, а не кому-либо персонально, ибо только это и может заставить Д<митрия> В<ладимировича> считаться с ним.

В заключение расскажу мое личное столкновение с Д<митрием> В<ладимировичем>. Как Вам известно, он счел необходимым сопроводить одну из моих статей примечанием, не без полемического оттенка⁸. Это было уже бестактно, ибо это впоследствии дало оружие противникам против меня, не имея решительно никаких иных практических последствий. Но я с этим примирился, считая, что редакция не обязана отвечать за меня и полагая, что таким образом раз и навсегда для меня установлен «свой угол». Но вот на днях Д<митрий> В<ладимирович>, получив мою статью, счел необходимым пройти ее цензорским карандашом⁹. Быть может, по существу он был прав, но тогда совершенно теряет всякий смысл его прежнее заявление. Откровенно говоря, я недостаточно высоко ставлю авторитет Д<митрия> В<ладимировича>, чтобы позволить ему распоряжаться в моих статьях без моего ведома. Вик. Вен. в «опасных случаях» обращался ко мне, и я всегда уступал, ибо человек я стоворчивый и никогда не священнодействую. Д<митрий> В<ладимирович> счел это излишним. Между нами произошло объяснение, в результате которого Д<митрий> В<ладимирович> снизошел до того, что заявил: «В будущем ничего подобного не будет, а если статья покажется мне неподходящей, то я просто верну ее Вам!» Вы понимаете, что первый такой случай — и второго уже быть не может! Работать так, как я работаю, и зависеть от личного взгляда Философова я не имею ни малейшего желания.

Я рассказываю Вам об этом только для того, чтобы характеризовать тот тон, который все больше и больше усваивает себе Д<митрий> В<ладимирович> и которому надо положить предел.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне Вас уважающий

М.Арцыбашев.

3.

14
19 — 24 г.
III

Многоуважаемый Борис Викторович,

Я получил последнее Ваше письмо как раз в тот момент, когда Вик<тор> Вен<яминович> подал Философому официальное заявление (письменно!) о выходе из числа сотрудников¹. Это ли повлияло на Д<митрия> В<ладимировича> или неизвестное мне Ваше письмо, в тот же день полученное, но он немедленно пригласил меня на совещание. В совещании участвовал и Е<вгений> Сер<геевич>. Общее решение: ухода В<иктора> В<ениаминовича> не допускать, образовать редакционную коллегию с моим участием и возложить на меня переговоры с В<иктором> В<ениаминовичем>. Поручение я принял. В результате В<иктор> В<ениаминович> взял свое заявление обратно и согласился быть членом коллегии. Сегодня было новое совещание — В<иктор> В<ениаминович>, Д<митрий> В<ладимирович>, Е<вгений> С<ергеевич> и я. Коллегия признана совершившимся фактом. Главным редактором остается Д<митрий> В<ладимирович>, но председателем «редакционного совещания» (не «коллегии») все избрали меня, как человека, стоящего в стороне от повседневных дразг редакционной работы, а следовательно могущего сохранять спокойствие и быть посредником между Д<митрием> В<ладимировичем> и В<иктором> В<ениаминовичем>. Шевченко входит в это «совещание» членом.

Со вхождением нового человека нам, естественно, пришлось рассмотреть ряд вопросов принципиального характера. Все сошлись на том, что выработать определенную программу в настоящий момент невозможно, и остается только уяснить самим себе общее направление газеты. Должен Вам сказать, что это оказалось нелегким делом! Быстро поняли друг друга только я и Шевченко. Двое остальных путались в дипломатических «постольку-поскольку» до полной невразумительности. Сошлись в конце концов на общей, полной и окончательной «непримиримости», характеризуя ее так: «революционная борьба с большевизмом, хотя бы до террора включительно». По полному отсутствию у нас бомб, револьверов и смертоносных ядов, «сие надо понимать духовно», по крайней мере в настоящий момент. Но, кроме шуток, лицо газеты так расплылось, что мы находим необходимым что-то фиксировать. С этой целью мы хотим объявить «ближайшее участие» Савинкова, Арцыбашева, Философова и Португалова, и просим Вашего позволения на включение Вашего имени и благословения вообще на сей «аншлаг». Каюсь, это исходит главным образом от меня. Я считаю, что это избавит

нас от необходимости писать протоколы и декларации. Две первые фамилии достаточно ярко определяют дух газеты. Д<митрий> В<ладимирович> в этом отношении все же неопределеннее, и В<иктор> В<ениаминович>, пожалуй, и совсем «не в своей компании», но Вы понимаете, что, во-первых, оба они действительно «ближайшие», а во-вторых, это их свяжет между собою. Последнее же необходимо, чтобы прекратить их войну. Мы предвидим возможность Вашего желания включить в этот «аншлаг» еще и других лиц, быть может, имеющих на то полное моральное право. Но я думаю, что при большом количестве имен это обратится в простой «список сотрудников» и утратит то значение, которое мы хотим придать.

Без Вашего благословения мы не хотим считать дело законченным, а потому просим Вас ответить немедленно.

Я прошу писать на мое имя.

В общем, пожалуй [?], гроза прошла и идет теплый дождик, обещающий пышные всходы!

Крепко жму Вашу руку

Ваш М.Арцыбашев.

P.S. Не знаю, что из всего этого получится, но я все же несказанно рад, что мне удалось предотвратить разрыв, который был бы губелен для газеты.

Простите, что пишу так неразборчиво. Очень болит правая рука, когда-то вывихнутая, и в такую мокреть, какая стоит сейчас в Варшаве, отказывается служить.

4.

7-IV-24 г.

Многоуважаемый Борис Викторович,

Ваше письмо получил, Ваши указания переданы редакции и Ваше желание относительно высылки газеты Ремизову¹ и Пасманику² сообщено в контору. Маленькое несчастье, уложившее меня на неделю в постель, затормозило дело «реформ». Вы радуетесь несколько преждевременно: правда, мне, опираясь на Вашу поддержку, удалось предотвратить полный разрыв, но о настоящем примирении говорить нельзя — болезнь только загнана внутрь. Д<митрий> В<ладимирович> и В<иктор> В<ениаминович> ведут себя маркизами, но «тяют злобу и месть». Да иначе и быть не может, ибо В<иктор> В<ениаминович>, что бы он там ни рассказывал, не может примириться с потерей редакторского кресла, а Д<митрий> В<ладимирович> не такой человек, чтобы простить и забыть свое поражение. Конечно, он уверяет, что ничего лучшего не мог желать и редакционное совещание — мечта всей его жизни, но... сами понимаете. Впрочем, я надеюсь, что Ваше и мое влияние удержат их от открытых столкновений, а большего и не нужно.

Участие Е<вгения> С<ергеевича> в редак. совещании было совершенно необходимо, ибо одному мне трудно. Это[го] участия желал и Д<митрий> В<ладимирович>, по каким-то своим соображениям.

Деренталь³ в список «ближайших» мы, конечно, включим. Боюсь только, чтобы не обиделся Амфитеатров⁴. Я, Вы, Фил<ософов> и Пор<тугалов> — это понятно. Но Деренталь? Почему же и не Амфитеатров? Я говорю это, конечно, не по существу, а лишь принимая во внимание проявленную за последнее время повышенную обидчивость Алек<сандра> Валентиновича. Однако включить его имя считаю, по многим соображениям, невозможным.

9-го (не Термидора!) будет у нас Учредительное Собрание, для выработки конституции! Она ни на кой ляд не нужна, но на ней упорно настаивает В<иктор> В<ениаминович> Мне кажется, что им руководит страх за будущее. Появившись столь громко, рядом с Вашим и моим именами, он становится окончательно «отпетым» и тогда — прощай все возможности, на случай, ежели «Свобода» лопнет. Конечно, никакая конституция его не спасет, но он действует бессознательно: ему кажется, что с конституцией как-то легче...

О последующем сообщу после собрания.

Борис Викторович, писание статей — дело хорошее, но, как гоголевские кожаные кундуки, «при большом количестве — вещь нестерпимая»⁵. В конце концов, это все слова и слова. Я не отрицаю, что слова тоже сила, но пора бы попытаться перейти к делу. По этому поводу я хотел бы написать Вам, но пакеты, украшенные Вашим симпатичным именем, возбуждают весьма понятное любопытство весьма посторонних

людей. Было бы лучше, если бы Вас звали как-нибудь иначе и жили бы Вы в другом месте, о чем я и был бы осведомлен⁶. Конечно, осведомлен тоже как-нибудь стороной, ибо и мое имя пользуется известными симпатиями, в чем я мог убедиться и без особой наблюдательности, получая письма от разных добрых знакомых.

Жму Вашу руку

Ваш М.Арцыбашев.

5.

11
19—24 г.
IV

Многоуважаемый Борис Викторович,

Сегодня, по случаю моего выздоровления, наконец состоялось первое официальное редакционное совещание. Все идет хорошо. Общее настроение таково, что все недоразумения надолго прикончены. Хотя полной искренности добиться мне все-таки не удалось. Уж очень эти люди отравлены «дипломатией» и все словно боятся смотреть друг другу прямо в глаза. Аншлаг о «ближайших» решено выставить после праздничного перерыва¹. Пока заняты урегулированием домашних дел и взаимоотношений.

Нечего и говорить о том, что Деренталь внесен в список. Но лично я, признаться, немного трушу: как бы не обиделись Амфитеатров (которого мне как раз удалось немного раскачать) и Ваш брат². Внесение в список Деренталья дает им на это некоторое право. Остальные имена — люди, фактически принимающие участие в редакционной работе и живущие тут. Вы — шеф газеты. Но Деренталь, к сожалению, ничего не пишет³ и живет далеко, а потому, фактически, менее имеет прав считаться ближайшим, чем Вик<тор> Вик<торович> и Амфитеатров. Я понимаю Ваши соображения, но поймут ли те? А они оба, как на грех, чрезвычайно обидчивы. Можно было бы, конечно, поместить и их, но это уничтожит весь смысл аншлага. По совести говоря, мы и В<иктора> В<ениаминовича> включили только потому, что при его теперешнем настроении обиженного потерей редакторского кресла не включить его было невозможно. Я же и Д<митрий> В<ладимирович> предполагали только три имени «Савинков, Арцыбашев и Философов». Это было бы и «красивее» и осмысленнее. В конце концов, Португалов, пишущий в «Сегодня» и еще недавно писавший в «Народной мысли»⁴, народный социалист и мирный человек, — слабоват для такой компании. И что всего печально-смешнее — он сам не рад! Это сквозит в каждом его слове, и он всячески старается смягчить факт. Как, например, предложил аншлаг в такой форме: «продолжается подписка на газету “За Свободу”, издаваемую при ближайшем участии» таких-то! И когда я объяснил ему, что сие придаст аншлагоу чисто «торгово-промышленное» значение, совершенно не согласующееся с его заданием, В<иктор> В<ениаминович> был очень обескуражен. Но, увы, самолюбие не дает ему отступить самому, а считаясь с его самолюбием с другого бока, мы не можем предложить отступления. Курьез!

Ну да что ж делать. Пусть будет так.

Борис Викторович, моя личная просьба: будьте со мной, относительно моих статей, совершенно прямы и откровенны. Я человек, в котором нет ни лукавства, ни мелкого самолюбия, который может все выслушать и на все ответить.

О газетных делах пока довольноно.

А теперь вот что: мне дважды писал некий юноша Кастальский, который месяца 4 тому назад писал Вам, предлагая себя для дела⁵. Лицо, которому Вы поручили его прозондировать, обещало ему, что его известят. Не дождавшись извещения, он обратился с тем же ко мне, сообщал, что дольше ждать не может и, если и я ему не помогу, то он поедет в Варшаву и убьет Оболенского⁶. Письма его странны: тон не соответствует возрасту, писано по советской орфографии. Провокатор или истерик — не знаю, но у него в руках Ваше письмо... Мне кажется, необходимо серьезнее расследовать это дело, чем сделал Т.⁷

Вообще много людей обращаются ко мне по тому же поводу. Об этом я напишу Вам на днях отдельно. Не можете ли Вы дать мне адрес, в котором не было бы Вашей, столь многим симпатичной, фамилии⁸?

Искренне уважающий Вас и Вам преданный

М.Арцыбашев.

6.

25
19—24 г.
IV

Глубокоуважаемый Борис Викторович,

С Амфитеатровым дело улажено, так что Вы можете не беспокоиться. Кстати, я просил его дать нам статью или даже несколько о фашизме. Два его сына — фашисты и один даже близок к Муссолини¹, поэтому он осведомлен, конечно, лучше нас. Он обещал. Но как обстоит этот вопрос теперь, после Вашей поездки²? Дайте директивы.

Отвечаю на все Ваши вопросы:

Д<митрий> В<ладимирович> говорит, что он первый подал мысль хлопотать о Вашем возвращении. Шаги в этом направлении он сделал³, но ему посоветовали ждать ухода Замойского⁴, который против нас. Во всяком случае, дело это сложное и затяжное.

Кто такой Михайлов (автор «Людей»⁵), в редакции неизвестно. Рукопись была прислана.

Молодых мы, и я первый, усиленно поощряем, но пока ничего интересного не наклеивается.

Мельгунов⁶ газету получает.

Неудачи с моей рукописью нет, так как Ваш визит подействовал: рукопись найдена и послана в Италию⁷.

Что касается «желающих», то дряни, конечно, сколько угодно, но что-то делать надо. В конце концов, даже самая боевая газета превращается в жеваную бумагу. Набат — вещь хорошая, но если длится бесконечно и безрезультатно, то превращается в пустозвонство. Что касается меня лично, то я человек совестливый и не могу равнодушно читать сотни писем, в которых нашим же набатом пробужденные люди спрашивают:

— Так что же делать?

И если мне придется долго звонить без толку, то я предпочту вернуться к беллетристическому шепоту.

Знаете ли Вы, между прочим, что и здесь, и в России постоянно слышится вопрос: «где же Савинков?» Это единственное и последнее из имен прошлого, которое произносится с интересом и неким упованием.

К Вам поехал А<ндрей> П<авлович>⁸. Как Вы увидите, эти господа уже успели разделиться на фракции — активистов и «накопистов»⁹. Сторонники накопления сил, по-видимому, берут верх. Результат, по-моему, заранее известен: когда накопится достаточно, всех накроют мокрым рядом. И чем больше накопится, тем приятнее. Я не уверен, что уже и сейчас они не являются садком для разводки. Не даром же так усиленно приглашают приехать именитых гостей из Парижа¹⁰! А на вопрос, для чего, собственно, это нужно? — ответа, определенного и разумного, добиться не удалось. Знаю, что предупреждать Вас — без надобности, но все же будьте осторожны. Нам тут все это не очень понравилось.

Жму Вашу руку

Искренне Ваш М.Арцыбашев.

7.

25/V-24 г.

Глубокоуважаемый Борис Викторович,

Получил Ваше письмо, с вложением письма к Д<митрию> В<ладимировичу>. Оно я немедленно передал, честно не прочитав, и хотя тут же дал Д<митрию> В<ладимировичу> свое письмо, но ответной любезности не встретил, хотя думаю, что Вы не зря вложили свое письмо к нему в мой конверт.

Что касается Ваших планов, то что же я могу сказать? Вашему приезду был бы чрезвычайно рад и думаю, что он был бы очень важен для всех нас. У нас тут единодушия нет; атмосфера подозрительности и взаимного увлечения иногда становится столь сгущенной, что хочется бежать. Мое положение не из приятных: в то время, как мои коллеги по газете пишут, без всякого контроля, все, что им взбредет в голову (и часто, по-моему, весьма нетактичную ерунду!), каждая моя статья является предметом особого совещания редакционной коллегии. Это раздражает и, как видите, я стал писать реже¹. Охота пропадает.

То, что Вы стали, так сказать, на сторону А<ндрея> П<авловича>, вопрос сложный. Об этом много можно сказать, но я надеюсь, что это будет при личном свидании². Думаю только, что процесс «савинковцев» в Петербурге является ярким доказательством неизбежного конца всякого накопления³. Будет еще один процесс в Москве, только и всего! Ведь накопление сил — накопление людей, а каждый новый член организации увеличивает, в геометрической прогрессии, возможность появления провокатора. Вы пишете, что для иной борьбы нужно многое, чего у нас нет? Но ведь по Гегелю еще известно, что наша задача «вовсе не в том, чтобы стать блаженными, а в том, чтобы стремиться к этому»⁴. Важно то, куда мы устремим свои силы и намерения. Осуществим или нет тот или иной курс — это иное дело, но если руль, с самого начала, поворачивается в определенную сторону, то путь намечен, а это все решает.

Я лично остаюсь при своей точке зрения. Повернув руль в сторону А<ндрея> П<авловича>, мы или, вернее, Вы, пустились в долгое плавание. «Офицеры» на известный случай необходимы, но случая этого мы можем прождать десятки лет, если и все станут на позицию А<ндрея> П<авловича>.

А в общем, опять-таки, самое лучшее, что мы могли бы сделать, это хоть на время перетащить Вас сюда⁵.

Крепко жму Вашу руку

Ваш М.Арцыбашев.

P.S. Прием Пасманика не встретил никаких возражений⁶. Я хотел написать ему сам, но Д<митрий> В<ладимирович> сразу заявил, что напишет он. Увы, Д<митрий> В<ладимирович> явно ревнует меня к газете!!

8.

3/VII-24 г.

Глубокоуважаемый Борис Викторович,

Дм<итрий> Вл<адимирович> окончательно законспирировался, и я решительно ничего не знаю о Ваших планах и предположениях. Приедете ли Вы, наконец, и когда?

У нас все благополучно, то есть тихо. Но наблюдается внутренняя усталость и отсутствие необходимого сознания цели своего бытия. Газета ведется без плана и цели, поглощаемая главным образом вопросом о национальных меньшинствах в Польше, единственно потому, что этот вопрос почему-то мил и дорог Д<митрию> В<ладимировичу>. Остальные движутся, как сонные мухи.

Вам пора побывать здесь, чтобы хоть немного встряхнуть, освежить атмосферу и дать какой-нибудь курс.

Я лично нахожусь в столь затруднительных финансовых обстоятельствах, что необходимость писать что-нибудь на продажу в Америку и Англию и скверное настроение лишают меня всякого боевого темперамента, и я не могу быть настолько полезным делу, как хотел и мог бы¹.

Жму Вашу руку

Ваш М.Арцыбашев.

9.

14/VII-24 г.

Глубокоуважаемый Борис Викторович,

Вы правы: газета и ст России оторвана и в вопросах иностранной политики не выдержана. Но, мне кажется, в этом нет вины ни Вашей, ни русских друзей. Русские друзья, если я правильно понял, о ком Вы говорите, и не способны связать нас с Россией. Все и надежды такие на них возлагать. Самая красивая женщина не может дать и т. д.!.. Это люди, быть может, очень мужественные и, в известном смысле, благородные, но, увы, они просто малокультурны¹. Что касается иностр<анной> политики, то она целиком в руках Д<митрия> В<ладимировича>, который столь ревниво оберегает ее от нашего вторжения, что недавно даже сделал какой-то выговор Пасманику². Что он ему писал, не знаю, но кроткие извинения Пасманика читал. Он именно и оправдывался тем, что «общей политики» не касался! Я же думаю, что хотя Д<митрий> В<ладимирович> и великий «дипломат», но его личные взгляды на мировые пространства весьма шатки. Его, например, весьма пугает малейшая тень соприкосновения со всяким черносотенством и ввергло в панику дело Маттеотти³. Одним словом, своего, точно определенного взгляда на вещи у него пожалуй что и нет.

Относительно содержательности и интересности [?] газеты, я — не очень-то! Нас буквально заели эти проклятые «крессы» с «национальными меньшинствами»⁴. Мы отдаем им 3/4 газеты. Это, во-первых, просто скучно, а во-вторых — еще больше отрывает нас от России. В конце концов, мы перестаем быть не только русской, но даже и эмигрантской газетой, а становимся органом польских национальных меньшинств, т<о> е<сть>, в сущности говоря — польской газетой.

Откровенно, — тщеславие Д<митрия> В<ладимировича>! Его тешит, что поляки с ним считаются, что играет роль «в кругах». Без «крессов» и «нац<иональных> меньш<инств>» этого не может быть.

Но отчасти, конечно, им двигают и соображения чисто финансовые: этим он добивается распространения газеты на крессах.

Ввиду нашего тяжелого финансового положения, сие заслуживает оправдания, конечно, но делает газету местной.

Перед напором финансовой «политики» мы, члены редакционного совещания, бессильны. Дать же тон в иностран<ной> политике не можем. В<иктор> В<ениаминович> вообще неспособен к задаванию какого-либо тона, а я, признаться, слишком в ней некомпетентен, всеми помыслами души устремившись в сторону России. Мой личный идеал и есть то, что Вы определяете, говоря «издавал бы в Москве, если б можно было!»⁵. Я, конечно, прекрасно понимаю связь русского вопроса с течением европейской политики, но мысли непосредственно о происходящем в России слишком меня поглощают.

Впрочем, должен Вам сказать, что и сама наша редакционная «коллегия» весьма проблематична. Ведь создал я ее вовсе не для руководства газетой, а как единственное средство, в тот момент возможное, для спасения газеты. Этим я, во-первых, заставил Д<митрия> В<ладимировича> вспомнить, что Вы шеф газеты, а тем самым положил предел его самовластию, а во-вторых — положил тюфяк между ним и В<иктором> В<ениаминовичем>. Результаты налицо: в редакции тишь, гладь и Божья благодать. Но действительно войти в самое нутро редакции я не мог и не хотел. Я не газетный человек — это одно, а второе — мое тяжелое финансовое положение не позволяет мне отдать этому достаточно времени. Я должен работать над другим.

А с финансами настолько стало тяжело, что я, проработав 11 месяцев совершенно бескорыстно, недавно был вынужден просить Д<митрия> В<ладимировича> обратить немного внимания и на меня. Конечно, «Свобода» не может меня содержать, но уж очень они меня и эксплуатировали. В конце концов, как бы там ни было, но немного странно выходит, что все сотрудники как-никак живут газетой, а я не только ею не жил (на что и не претендую!), но и вообще получал гонорар ниже Португалова и Шевченко.

Впрочем, это ерунда. Потому только и вспомнил, что заговорил о тяжести моего бытия. Мои заграничные представители обокрали меня, в конце концов, кругом. Вот уже месяца два, как я не получаю ниоткуда ни копейки и живу займами, не видя даже особо определенной возможности их уплатить!

«Водосточная труба» еще впереди, но до «мокриц» я уже благополучно доехал⁶.

Простите, что занял Вас этими мелочами. Так, настроение такое подошло.

Чрезвычайно хотелось бы Вас видеть! Боюсь, как бы Ваши ожидания не того... есть ли кого уж и ждать-то⁷? Личных известий оттуда нет, а общие весьма мрачны.

С искренним уважением М.Арцыбашев.

Приложение

М.П.Арцыбашев о Б.В.Савинкове

Записки писателя. XXXIV. Савинков

Савинков завлечен в Россию и предан с помощью беспримерно подлой, сложной и давно подготовлявшейся интриги¹.

За Свободу! 1924. 5 сентября. С.4

Записки писателя. XLVIII. Воспоминания

Вспомнился мне тот день², когда мне неожиданно сообщили, что Савинков в Варшаве и хочет меня видеть. Я еще никогда с ним не встречался, а между тем связывал с ним много надежд. Поэтому понятно то волнение, с которым я шел на это свидание.

И вот, вхожу я в маленькую прокуренную комнатку, где меня встречает взволнованный и как бы подавленный хозяин квартиры. Савинкова в комнате нет. Я сажусь прямо против двери и жду, перекидываясь незначительными фразами с хозяином. Проходит минуты три. Дверь тихо, тихо приоткрывается, и в образовавшуюся темную щель смотрит на меня какая-то бледная маска, со странным разрезом глаз и лысым черепом. Она смотрит несколько мгновений, как бы наблюдая и изучая меня, затем дверь медленно открывается и тихой походкой входит невысокий, худощавый человек, с бритым лицом не то актера, не то иезуита. Это Савинков... Я встаю ему навстречу и ощущаю длительное пожатие небольшой, но твердой руки. Савинков улыбается, и эта улыбка оживляет его лицо: оно становится нежным, тонким и привлекательным.

Разговор наш был краток. Савинков в ту же ночь хотел выехать в Советскую Россию.

Я успел высказать Савинкову свои подозрения против некоего «Андрея Павловича» — того члена савинковской московской организации, который уже несколько раз приезжал к Савинкову в Париж, а ныне сопровождал его в Россию.

Этот человек с первого же взгляда произвел на меня гнуснейшее впечатление, и я определенно подозревал в нем провокатора.

— Я старая революционная крыса, — не то с гордостью, не то с горечью возразил мне Савинков. — Я прощупал Андрея Павловича со всех сторон. Это

просто новый тип, народившийся при большевиках, и вам еще не знакомый.

Относительно цели своей поездки Савинков, тонко улыбаясь, напомнил мне нашу с ним переписку, в которой я его побуждал к прямому действию, и намекнул, что именно некоторые мои доводы оказали на него решающее влияние.

— Еду, отчасти, и по тем делам, которые Вам так нравятся! — закончил он многозначительно.

Тут вошел один из членов нашей редакции, и разговор перешел на газету, причем Савинков развил очень широкие планы.

Наступали сумерки. До отхода поезда оставалось три часа, и мы разошлись, чтобы позже собраться в отдельном кабинете ресторана, где был назначен прощальный ужин и ждали Савинкова его спутники.

Тут я впервые увидел ближайших друзей Савинкова — супругов Деренталь.

Теперь, конечно, многое представляется в совершенно ином свете. Кое-что стало ясно, кое-что запуталось окончательно. Но тогда мы смотрели на всю эту компанию, как на людей, идущих на смерть, а потому ужин наш сильно смахивал на какую-то новую «тайную вечерю» перед почти неизбежной Голгофой.

Тут же оказался и предполагаемый Иуда. Тот самый Андрей Павлович, от которого я предостерегал Савинкова. Это был маленький, коренастый человечек, с бритым и безобразным лицом, с оттопыренными ушами и крошечными, но зоркими и беспокойными глазками. Он был единственным, кто сделал честь ужину и жрал, как истый хам, раздирая цыпленка и зубами и руками. Пил, впрочем, мало.

Мы, варшавяне, сидели, как придавленные. Было такое чувство, как будто провожали в могилу.

Впрочем, так оно и было... только «могила» оказалась не такую, какую мы предполагали.

Сами «приговоренные» вели себя, как истые герои. Они не проявляли ни малейшего волнения. Разве только были чуточку возбуждены... Савинков живо и образно описывал свою последнюю встречу с Муссолини, а тоненький белокурый Деренталь — тип офранцузившегося русского бульвардье — рассказывал анекдоты.

Только высокая, черная и худая, хоть и небогато, но с парижским шиком одетая мадам Деренталь³ сидела молча, поставив на стол острые локти тонких рук, увешанных слишком большими и слишком многочисленными браслетами. Она, казалось, внимательно и осторожно следила своими мрачными, черными еврейскими глазами за всеми нами, но преимущественно — за самим Савинковым. Можно было подумать, что она боится какой-нибудь неосторожности с его стороны.

В общий разговор она почти не вмешивалась, а на мой вопрос — не боится ли она ехать в Россию, коротко и положительно враждебно ответила:

— Я привыкла ко всему!

Сквозь напускную веселость Савинкова ясно звучала скрытая смертельная обида и ненависть к Муссолини⁴. Деренталь хлестал водку с видом человека, которому некуда торопиться. Андрей Павлович жрал, изредка оглядывая всех маленькими, непонятными глазками. В комнате было темно.

Ужин прошел тяжело. В конце концов всем было не по себе.

Никому из нас тогда и в голову не приходила мысль об измене, но все-таки многое нас удивляло.

Непонятно было, как мог старый конспиратор решиться на поездку с целой группой, да еще с участием женщины. Непонятно было, как он, которого пол-Варшавы знало в лицо⁵, решился целый день болтаться по городу, заходя в кофейни, парикмахерские и рестораны. Непонятно было, что он спокойно выходил на балкон, висевший над самой людной улицей города, на которой было еще пол-летнему светло. Наконец, непонятна была и самая поездка, столь неожиданно предпринятая и противоречившая всем планам.

Но я был человек новый, а старые друзья Савинкова слишком верили в его безумную отвагу и неизменную удачу.

И вот наступил момент прощанья.

Савинков и Деренталь перецеловались со всеми. Предполагаемый Иуда неожиданно тоже дал свое последнее целование. Мадам Деренталь, с видом светской женщины, уходящей с неприятного свидания, закуталась в свое блестящее шелковое манто.

Еще несколько напутственных слов. Савинков галантно приподнял свой парижский котелок, зашелестело шелковое манто, как-то незаметно скользнул белокурый Деренталь, мелькнули оттопыренные уши и положительно злорадные глазки, а затем все исчезло.

Исчезло, чтобы со всемирным треском вынырнуть на сцене московского революционного трибунала.

За свободу! 1925. 15 марта. С.2-3.

По поводу статьи г.Мягкова

Я не думал, что снова и так скоро мне придется писать о Савинкове⁶, но статья г.Мягкова на это вынуждает⁷.

Прежде всего, я должен сказать, что г.Мягков совершенно напрасно включает меня в число «ближайших сотрудников и друзей» Савинкова.

Это тем более странно, что г.Мягкову, действительно бывшему одним из друзей и сотрудников покойного, должны быть известны и мои отношения к Савинкову, и степень моего сотрудничества с ним.

Г. Мягков не мог не знать, что я говорил правду, когда описывал свою единственную встречу с Савинковым. Встреча же эта произошла за несколько часов до отъезда Савинкова в сов. Россию и была очень кратковременна.

При таких условиях очевидно, что ни о какой дружбе между нами не могло быть речи.

Не могу я также считаться и ближайшим сотрудником Савинкова, ибо, когда я приехал в Варшаву, Савинкова там уже не было, а его политическая деятельность была перенесена далеко за пределы Польши.

Да, конечно, веря в организаторский дар Савинкова, в его неустрашимость и в его непримиримость по отношению к большевикам, я хотел стать его сотрудником в борьбе, но по указанной причине стал лишь сотрудником газеты «За Свободу!».

Причем надо сказать, что участие Савинкова в этой газете в то время ограничивалось редкими и случайными

статьями, а общее руководство газетой было уже в других руках.

Что это было так, г.Мягков мог бы увидеть по моим же письмам, буде они сохранились во вверенном ему архиве Савинкова⁸.

Ибо именно такое положение заставило меня предложить Савинкову вновь принять более близкое участие в газете, и именно я настаивал, чтобы его имя было включено в аншлаг о «ближайших сотрудниках».

На это он согласился, со своей стороны предложил имя г. Деренталя, против чего я протестовал.

Здесь не место объяснять, какими мотивами я руководствовался, но факт тот, что только с этого момента я сам стал ближайшим сотрудником газеты.

Это было в самом конце 23 года, а членом редакционной коллегии я сделался уже после перехода Савинкова к большевикам⁹ <...>.

Я утверждаю, я могу доказать это письмами самого Савинкова, что до самого последнего времени не был посвящен в переговоры его с «друзьями» из Москвы. В этом отношении г.Мягков совершенно прав, когда высказывает предположение, что я «был не в курсе дела».

Да иначе и быть не могло. Само собой разумеется, что будучи новым лицом для «савинковцев», я не мог быть посвящен во все тайны этой организации.

Однако, в конце концов, я все же «знал кое-что», как говорит г.Мягков.

Работая в «савинковской» газете, бок о бок с его ближайшими сотрудниками и друзьями, я мало-помалу знакомился и с положением дела вообще.

Приблизительно к лету 24 года мне уже стало известно о существовании московской группы, в более или менее общих чертах, конечно. Так, например, из вожаков этой группы мне был известен (по имени и биографии) только один С.Павловский¹⁰.

Несомненно, что такое положение должно было бы впоследствии измениться и, в случае продолжения активной борьбы Савинкова с большевиками, я вплотную вошел бы в нее. Но этого не случилось, ибо слишком скоро наступил трагический конец.

Впервые я близко подошел к делу, когда возникла мысль о поездке Савинкова в Москву и когда между Москвой и Парижем усиленно задвигались «курьеры».

Тут-то я впервые увидел упоминаемых г. Мягковым Шешеню¹¹, Фомичева¹² и «Андрея Павловича».

Фомичева я видел дважды. Он был отрекомендован мне, как мелкий агент, и я не обратил на него особого внимания. Шешеню видел только один раз. Андрея Павловича два раза¹³, причем в первый раз имел с ним острое столкновение, а во второй раз — на прощальном ужине — не сказал с ним ни одного слова.

Должен установить, что встреча и беседа мои с Андреем Павловичем произошли по инициативе Д.В.Философова, который мотивировал это своим недоверием к Андрею Павловичу и желанием проверить свое впечатление.

Доверял ли Д.В.Философов моей интуиции или имел какие-либо другие соображения, я не знаю. Но встреча эта состоялась и сразу перешла в открытый допрос с моей стороны.

Андрей Павлович доказывал необходимость и безопасность приезда Савинкова в Москву, отрицая при этом целесообразность применения решительных мер по отношению к большевистским главарям. Я же настаивал на том, что поездка Савинкова опасна и ненужна. Опасна настолько, что это большевикам нужно было бы ее выдумать, а ненужна, если не будет иметь целью террор.

Заметив мое явное недоверие, Андрей Павлович довольно неловко пошел на попятный, слишком быстро соглашаясь со всеми моими доводами, а Шешеня чересчур поспешно перешел на мою сторону, неестественно горячась и стуча кулаками по столу¹⁴.

В результате у меня создалось совершенно определенное впечатление, и на другой же день я поднял вопрос о необходимости немедленно и самым определенным образом предостеречь Савинкова.

Было решено, что каждый из нас от себя немедленно напишет Савинкову в указанном смысле, и потому утверждение г.Мягкова, будто Д.В.Философов дал Савинкову совет «абсолютно подчиняться» Андрею Павловичу и Фомичеву (?) является для меня совершенно неожиданным¹⁵.

Впрочем, по этому вопросу, вероятно, даст ответ сам Д.В.Философов¹⁶.

Что касается меня лично, то я честно исполнил свое обещание. И не в одном письме, как говорит г. Мягков. По этому поводу я писал Савинкову три раза¹⁷, и если в архиве оказалось только одно письмо, то, значит, остальные Савинков утерял. Но что он их получил — это видно из его ответов, которые у меня сохранились.

Г. Мягков прав, говоря, что, «к сожалению, Арцыбашев интуитивно угадал часть истины» и что «если бы у Арцыбашева были более сильные доводы и сведения, он сумел бы найти более сильные средства предостережения».

Да, конечно, если бы у меня были реальные данные, я, возможно, и спас бы Савинкова. Но имея только «интуитивные» догадки, я этого сделать не мог. Савинков был слишком упрям и самоуверен. Я убеждал его и в письмах, и при личной встрече, со всей горячностью и убедительностью, на какие был способен, но Савинков возражал, что он «старая революционная крыса», что он «со всех сторон прощупал Андрея Павловича» и так далее!

При этом надо заметить, что до самого последнего дня я считался с мыслью о поездке Савинкова в Москву как с делом еще не решенным, подлежащим общему обсуждению; и притом — обсуждению уже с моим участием, так как, с момента встречи с «московскими друзьями», я естественно вошел в самую гущу событий.

Как решенный факт, предполагался только приезд Савинкова в Варшаву, для

выработки плана дальнейшей антибольшевицкой деятельности¹⁸.

И вдруг мне неожиданно сообщили, что Савинков не только уже приехал, но приехал с твердым решением в тот же день ехать в советскую Россию!

Это решение, принятое в самой категорической форме, без совместного обсуждения с нами, поразило меня и, каюсь, я растерялся.

Быть может, эта растерянность была виною, что при личной беседе с Савинковым, снова повторяя ему все свои подозрения и предостережения, я не смог быть настолько убедительным, как это было нужно.

Последнее, что я мог сделать, это то, что, видя полную бесполезность всяких уговоров, я обратился за ужином к Деренталю, высказав ему свои подозрения и прося его, по крайней мере, следить за Андреем Павловичем, при первом подозрительном движении его не останавливаясь ни перед чем.

Деренталь дал мне слово «не спускать глаз».

Таким образом, все, что я мог сделать, я сделал.

За свободу! 1925. 21 июля. С.2-3.

Примечания

1.

Все письма печатаются по автографам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ; ф.5831, оп.1, д.23, номера листов указаны в примечаниях к отдельным письмам). Не публикуется письмо от 27 марта 1924 г. (л.12), во многом повторяющее содержание письма 3. Сокращения раскрыты в угловых скобках, орфография (в оригинале — дореволюционная без твердых знаков) и пунктуация приближены к современным нормам.

В примечаниях используются письма Д.В.Философова к Б.В.Савинкову (ГАРФ, ф.5831, оп.1, д.204), письма В.В.Португалова к Б.В.Савинкову (ГАРФ, ф.5831, оп.1, д.159) и письма М.П.Арцыбашева к А.В.Амфитеатрову (Manuscripts Department, Lilly Library, Indiana University, Bloomington, Indiana, USA). Описание их дается в сокращенном виде («Философов — Савинкову», «Португалов — Савинкову», «Арцыбашев — Амфитеатрову») с указанием листов.

В примечаниях приняты следующие сокращения:

ЗС — За свободу! Ежедневная газета (Варшава)

Переписка — Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924 / Публикация Э.Гаррэтто, Д.И.Зубарева и А.И.Добкина // Минувшее. М., 1993. Вып.13 (в печати).

Лл. 1-1 об.

1. «Свобода» — русская варшавская газета, начала выходить 17 июля 1920 г., название предложено Ф.И.Родичевым, с 4 ноября 1921 г. — «За свободу!». Первый официальный редактор-издатель — В.А.Злобин, затем — В.Н.Рымер, М.И.Мацеевский, А.Н.Домбровский, Е.С.Шевченко. Девиз газеты — «За Родину и Свободу!» Постоянные сотрудники в 1920-1921 гг. — Б.В.Савинков, З.Н.Гипплиус, Д.С.Мережковский, Д.В.Философов, А.А.Дикгоф-Деренталь, А.Л.Бем, В.В.Зеньковский, Леон Козловский (будущий премьер-министр Польши). Фактическими редакторами были А.И.Гзовский (июль-декабрь 1920 г.) и В.В.Португалов (декабрь 1920 — декабрь 1923). Политическим кредо ЗС с момента основания оставался непреклонный антибольшевизм, установка на «активные методы борьбы», включая террор, а также неприязнь к монархической эмиграции. В 1926-1931 гг. ЗС тесно сотрудничала с парижским органом «непримиримой» эмиграции — журналом «Борьба за Россию». Среди постоянных сотрудников во второй половине 20-х — А.В.Амфитеатров, В.Л.Бурцев, поэты А.Кондратьев и И.Северянин. Прекратила выход 5 апреля 1932 г. в результате соглашения с варшавскими монархистами (группой С.Л.Войцехов-

ского) и была преобразована в газету «Молва» (1932-1934).

2. «Весьма заманчивые предложения» делал, очевидно, Н.С.Ангарский (Клестов) (1873-1943) — до революции — заведующий «Московским книгоиздательством», редактор выпускавшихся там альманахов «Земля» (именно он привлек к участию в них Арцыбашева, быстро ставшего ведущим прозаиком «Земли»), и одновременно — большевик-нелегал. После Октябрьского переворота (в котором активно участвовал) Н.С.Ангарский стал одним из собирателей советской литературы, инициатором привлечения писателей «старой школы» к сотрудничеству с новой властью; возможно, он предлагал Арцыбашеву участвовать в редактировании задуманных им литературных альманахов «Недра» (1923-1932) — угадывается переключки названий альманахов. Ср. его реакцию на первые интервью Арцыбашева за рубежом: «По-моему, выдача паспорта Арцыбашеву просто непонятна. Я не раз отклонял его просьбу о гарантии, и он сам не скрывал, что он наш враг и что его не выпустят. <...> выпустить Арцыбашева — это сделать плохое дело» (из письма Н.С.Ангарского Л.Б.Каменеву. Париж, 30 августа 1923 г. // Советские архивы. 1990. №5. С.57).

3. О причинах политического одиночества Савинкова (скорее вынужденного, чем добровольного) в русской эмиграции см. предисловие и примечания к Переписке.

2.

Лл. 9-11 об.

1. Конфликт в редакции ЗС (Савинков называл его «варшавским пожаром») вышел на поверхность в самом конце 1923 г. (31 декабря В.В.Португалов сложил с себя обязанности редактора, оставаясь сотрудником газеты). И он, и Д.В.Философов постоянно жаловались друг на друга в письмах Савинкову в Париж (Португалов обвинял Философова в «самодурстве», а тот его — в «капризах» и отходе от «непримиримости»; см. Португалов — Савинкову, письмо от 1 января 1924 г. (лл.56-67); Философов — Савинкову, письма от 3 января 1924 г. (лл.95-96), 15 января 1924 г. (лл.98-101), 2 февраля 1924 г. (лл.109-117, там впервые упоминается о проекте редакционной реформы, предложенной Арцыбашевым: «<...> на днях он сделал следующее предложение: “Единственная газета, которая мне нравится — ‘Свобода’. Я считаю Б<орис> В<икторович> таким ссыком (целый ряд комплиментов по Вашему адресу) неписаным, и предлагаю сделать так: пусть газета будет выходить при ближайшем участии трех лиц: Савинкова, Арцыб<ашева> и Философова. Остальные все просто сотрудники”. Португалов <...> по мнению Арцыбашева “кролик” среди “ежей” (Вы и я). Он, Арцыбашев, тоже “еж”, и мог бы быть посредником между Вами, мной и Португаловым», т<о> е<сть> между “ежами” и кроликом. Для этого он требует некоторого “соглашения” и союза “непримиримых”<...>»). См. также: Переписка, письма 25-34 и примечания к ним.

2. Дмитрий Владимирович Философов (1872-1940) — публицист и литературный критик; с лета 1920 г. — ближайший политический соратник Савинкова, товарищ председателя Русского Политического (затем — Эвакуационного) Комитета (действовал в Варшаве в июле 1920 — октябре 1921 гг. как ядро русского антибольшевистского правительства). После высылки большинства членов комитета (во главе с Савинковым) из Польши в конце октября 1921 г. стал руководителем Варшавской организации конспиративного «Народного Союза Защиты Родины и Свободы» и фактическим хозяином ЗС (оставался им до ее закрытия в 1932 г.). Субсидии на издание газеты предоставлялись Философову польскими правительственными учреждениями (Министерством иностранных дел — как поощрение внешнеполитической линии газеты, и разведывательным отделом Генерального штаба — в качестве компенсации за предоставление в его распоряжение остатков боевой организации Союза). Резкое сокращение правительственных субсидий в 1923 г. поставило газету на грань банкротства, и ее существование поддерживалось Философовым путем непрерывных (зачастую весьма сомнительных) финансовых операций (см. Философов — Савинкову, лл.65, 67, 69-70, 74, 80; лейтмотив его писем: «спасти нас может только чудо» — л.73). И это «чудо» наступило во второй половине 1923 г. — деньги на нужды савинковской организации (и, в частности, на издание ЗС) стали поступать из СССР (см. Приложение и примечания к нему). Большинство сотрудников газеты (в том числе и Арцыбашев) о «советских» деньгах не подозревали. Несмотря на личную неприязнь к Философову, Арцыбашев остался ведущим публицистом газеты до конца своей жизни.

3. Португалов Виктор Вениаминович (1873 — 16 мая 1930) — сын известного врача и еврейского общественного деятеля, поборника полной ассимиляции. Журналист. До 1904 г. работал в провинциальной печати («Смоленский вестник», «Самарский листок»), в 1904-1917 гг. — в Петербурге («Наша жизнь», «Товарищ», «Современное слово»). Член партии народных социалистов, в годы мировой войны — сторонник ее продолжения до победного конца. В 1918-1920 гг. — сотрудник антибольшевистских изданий Юга России (Киев, Ростов). В 1920 г. по приглашению Савинкова приехал в Варшаву и с 15 декабря стал редактором газеты «Свобода». До конца декабря 1923 г. — редактор ЗС, затем — член ее редколлегии. В феврале 1926 г. вышел из редколлегии после неудачной попытки реформировать ее путем объединения с руководством группы «Крестьянская Россия». В 1926-1929 гг. — варшавский корреспондент русских эмигрантских газет «Последние новости» (Париж) и «Сегодня» (Рига), в 1926-1927 гг. — редактор «еженедельного журнала для всех» «Родное слово». Осенью 1929 г. переехал в Париж, где и умер.

4. Евгений Сергеевич Шевченко (1877 — 10 июня 1932) — юрист и литератор, потомственный почетный гражданин, окончил юридический факультет Варшавского университета. С 1904 г. служил по

ведомству Министерства юстиции, в 1912-1917 гг. — член Винницкого окружного суда. В годы гражданской войны — в контрразведке Русской армии генерала Врангеля. В 1921 г. вернулся в Варшаву, возобновил гимназическое знакомство с Савинковым. В 1921-1924 гг. — член Народного Союза Защиты Родины и Свободы, заместитель председателя его Варшавского отделения (т.е. Философова). Отвечал за конспиративную работу и, по мнению Философова, развалил ее (см. Философова — Савинкову). В 1923-1924 гг. передал непосредственные связи с остатками Союза в России И.Т.Фомичеву (см. Приложение, примеч. 11). С 21 января 1924 г. — официальный редактор-издатель ЗС, после процесса Савинкова вошел 2 сентября 1924 г. в ее редколлегия. Сотрудничал в ЗС до ее закрытия в 1932 г.

5. Близкие отношения Философова с З.Гиппиус и Д.Мережковским в 1906-1920 гг. закончились летом 1920 г. в Варшаве, когда тот был привлечен Савинковым к активной политической работе под своим руководством, а Гиппиус и Мережковский, не найдя себе места в савинковской организации, уехали в Париж. В 1921-1923 гг. Философов остро переживал разрыв (см. письмо от 30 ноября 1923 г.: «Франция — для меня не отдых. Там — Мережковские») (Философов — Савинкову, л.92), однако для большинства эмигрантов этот конфликт, не получивший огласки, оставался неизвестным. См. подробнее: Pachtuss T. *Intellect and Ideas in Action*. Munchen, 1972 (по именному указателю); Гиппиус З. *Варшавский дневник // Возрождение* (Париж). 1969. №214-216; Она же. *Коричневая тетрадь // Там же*. 1970. №211; Она же. *Дмитрий Мережковский*. Париж, 1951. Арцыбашев после эпизодического участия в 1903 г. в редактировавшемся Мережковскими журнале «Новый путь» прекратил отношения с их кругом, его творчество получало постоянную, как правило, отрицательную оценку Гиппиус-критика.

6. В декабре 1923 — январе 1924 гг. Савинков опубликовал в ЗС четыре статьи: «О сегодняшнем дне» (20 декабря 1923 г.); «О дискуссии в РКП(б)» (21 декабря 1923 г.); «Об одном Иванушке-дурачке» (1 января 1924 г.); «О признании коммунистов» (30 января 1924 г.).

7. Журавская Зинаида Николаевна (1867-?) — жена В.В.Португалова. До революции — переводчица, редактор журнала «Солнце России». В ЗС печатала рецензии (среди них — Ж<уравская> З. Сатира на коммунизм // ЗС. 1925. 27 апреля — первый эмигрантский отклик на роман Е.Замятина «Мы»), обзоры иностранной литературы. В сочинении В.Ардаматского спутана с З.Гиппиус, результатом стала вполне фантастическая сцена приезда Гиппиус и Мережковского в Варшаву для прощания с Савинковым в августе 1924 г. (Ардаматский В. *Возмездие*. М., 1968. С.547).

8. Философов начал дистанцировать свою политическую позицию от «оголтелого» антибольшевизма Арцыбашева уже в конце 1923 г. (см.: Арцыбашев М. *Записки писателя. IX: Завоевания революции // ЗС. 1923. 31 декабря*, а также одноименную статью

Философова // Там же). Здесь речь идет о примечании к статье «Записки писателя. X: О революции, о правде, о г-же Кусковой и о самом себе» (ЗС. 1924. 14 января), где Философов предложил читателям не принимать всерьез политические высказывания Арцыбашева, ибо тот — не политик, а всего лишь художник.

9. Очевидно, сокращения (или смягчения) были сделаны в статье «Записки писателя. XIII: «Истощенный вопль»» (ЗС. 1924. 18 февраля)

3.

Лл. 6-7.

1. См. письмо Философова Савинкову от 11 марта 1924 г. с приложением внутриредакционной переписки (Философов — Савинкову, лл.134-138).

4.

Лл. 2-3.

1. Ремизов Алексей Михайлович (1877-1957) — писатель, близкий друг Савинкова со времен вологодской ссылки 1902-1903 гг. (см. его воспоминания в книге: Иверень. Беркли, 1986; *Взвихренная Русь*. Лондон, 1990. По указателю). Отношения возобновились после переезда Ремизова из Берлина в Париж 5 ноября 1923 г. По просьбе Савинкова собирал рецензии на его повесть «Конь Вороной» в эмигрантской прессе.

2. Пасманик Даниил Самойлович (1869-1930) — врач-психиатр, журналист, мемуарист. До 1917 г. — кадет, участник еврейского национального движения, в эмиграции стал близок к монархистам, называл себя «русским и еврейским патриотом». См. его реакцию на первые полученные номера ЗС: «...восторгунулся. Восторгнувшись, предлагает писать корреспонденции из Парижа. В великих князьях и князьях он разочаровался и ищет броду» (Переписка, Савинков — Амфитеатрову, 24 апреля 1924 г.). С июня 1924 г. — постоянный парижский корреспондент ЗС. Оставил воспоминания о встречах с Савинковым в 1923-1924 гг. (Савинковская легенда // ЗС. 1924. 7 октября. С.2-3).

3. Дикгоф-Деренталь (наст. фам. Дикгоф, псевд. — А.Деренталь) Александр Аркадьевич (1885 — 2 марта 1939) — литератор и политический деятель. Родился в Томске в семье потомственного почетного гражданина, учился в военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. 28 марта 1906 г. принял участие в казни Гапона (см. его воспоминания об этом: N.N. *Последние минуты Гапона // Былое* (Париж). 1909. №11/12. С.116-122; перепечатаны В.Л.Бурцевым с раскрытием авторства: *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1927. №45(130). 5 ноября. С.6-9). Эмигрировал. Во Франции и Испании был собственным корреспондентом «Русских ведомостей», сотрудничал в журналах «Заветы» и «Вестник Европы». Женится в Париже на Любови Ефимовне Брод (см. Приложение и примеч. 3 к нему). В годы Первой мировой войны вступил добровольцем во французскую армию, стал унтер-офицером. В 1917 г. вернулся в Россию, в сентябре-ноябре — чиновник для особых поручений

при помощнике по политической части начальника штаба Ставки ВГК — В.В.Вырубове (см. его воспоминания о последних днях Ставки: Силуэты Октябрьского переворота // Пережитое: Сб. М., 1918. Кн.1). С марта 1918 г. — ближайший помощник Савинкова, в июле — вместе с женой — участник неудачного восстания в Рыбинске, осенью — в боях под Казанью (см. его воспоминания: Из перевернутых страниц // На чужой стороне (Берлин-Прага). 1923. №2). В конце октября 1918 г. командирован Всероссийской Директорией вместе с Савинковым через Владивосток в Париж, где в 1919 г. сотрудничал в колчаковском бюро печати «Унион». В 1920-1921 гг. — заместитель председателя Политического отдела Русского политического комитета в Польше (занимался внешними связями). В октябре 1921 г. выслан из Польши во исполнение секретного советско-польского протокола от 7 октября 1921 г. В 1922 — августе 1924 г. — в Париже, был секретарем Савинкова, работал на заводе, одновременно занимался литературным трудом (см.: Дикгоф-Деренталь А. Рассказы. Варшава, 1921; Он же. В наши дни: Сб. фельетонов. Прага, 1922; Он же. Сингапурская красавица. Берлин, 1923). В ночь на 16 августа 1924 г. перешел вместе с Савинковым польско-советскую границу, утром того же дня был арестован в Минске. По-видимому, до апреля 1925 г. содержался во Внутренней тюрьме ОГПУ, затем был вместе с женой освобожден. Работал в ВОКС, сопровождал иностранцев в поездках по СССР, писал пьесы для клубной сцены (Ванька-Каин. М., 1927; Таинственный жилец. М., 1928). 20 мая 1937 г. приговорен Особым совещанием при НКВД к 5 годам лишения свободы, отбывал наказание на Колыме, расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

4. Амфитеатров Александр Валентинович (1862-1938) — журналист, беллетрист, общественный деятель. После Октябрьского переворота — непримиримый антибольшевик, бежал с семьей из Петрограда в Финляндию в августе 1921 г., весной 1922 г. поселился в Леванто (Италия). Постоянный автор ЗС. Восторженно встретил первые статьи Арцыбашева, в декабре 1923 г. начал с ним интенсивную переписку, продолжавшуюся до смерти писателя (Арцыбашев — Амфитеатрову, готовится к печати в издательстве «Феникс» в составе книги «А.В.Амфитеатров. Переписка»). «Обидчивость», о которой упоминает Арцыбашев — отказ Амфитеатрова продолжать сотрудничество (практически безвозмездное) в ЗС до получения официального приглашения от нового редактора — Философова. Инцидент был быстро исчерпан, на вхождение в редколлегию газеты Арцыбашев не претендовал (Переписка, письма 27-34). См. также примеч. 1 к письму 6.

5. Слова Остапа из повести «Тарас Бульба». Кунчуки (укр.) — плети.

6. Корреспонденцию, связанную с конспиративной работой, Савинков получал на адреса своих парижских помощников — Б.Фирстенберга и Ф.Леоне (см.: Переписка, письма 1, 2, 10). Кроме того, для связи с Философовым он пользовался услугами французских дипломатических курьеров (см. Философов —

Савинкову). Арцыбашеву об этих каналах, очевидно, так и не сообщили. О перлюстрации писем эмигрантов советской разведкой см., напр.: Гессен И.В. Годы изгнания. Париж, 1979. С.124-125.

5.

Лл. 4-5.

1. См.: Арцыбашев М., Дикгоф-Деренталь А., Португалов В., Савинков Б., Философов Д. От редакции // ЗС. 1924. 23 апреля (перед этим газета три дня не выходила из-за празднования католической Пасхи). Из содержания: «Мы, руководители газеты, считаем необходимым подчеркнуть непримиримость своей позиции. Не посягая на свободу друг друга в выявлении своей писательской личности, мы объединяемся на признании беспощадной борьбы с большевиками. Мы по-прежнему утверждаем, что большевики — враги России, что окончательное и безграничное свержение их власти необходимо и интересах не только нашей родины, но и всего культурного человечества, что никакая эволюция большевизма немыслима и что свержение их возможно только революционным путем». С этого дня и до 2 сентября 1924 г. фамилии подписавших заявление перечислялись в подзаголовке каждого номера газеты как ее «ближайшие участники». См. также примеч. 1 к Приложению.

2. «Брат» — Савинков Виктор Викторович (1886-?) — до 1920 г. жил в России, занимался рисованием, пробовал писать очерки. В 1916 г. окончил Константиновское артиллерийское училище, служил в Москве. В 1918-1920 гг. — в Добровольческой армии. С осени 1920 г. — ближайший помощник Б.В.Савинкова, участвовал вместе с ним в Мозырском походе «Русской Народно-Добровольческой Армии» С.Н.Булак-Балаховича, в 1921 г. — начальник Информационного <разведывательно-диверсионного — Д.З.> бюро Русского Эвакуационного комитета в Варшаве. В октябре 1921 г. выслан из Варшавы. Жил с семьей в Праге, писал в ЗС корреспонденции о Чехословакии. Летом 1923 г. перестал участвовать в политической деятельности брата (см. его письма к Б.В.Савинкову — ГАРФ, ф.5831, оп.1, д.177).

3. В 1923-1924 гг. Дикгоф-Деренталь изредка печатал в ЗС воспоминания (Из перевернутых страниц // ЗС. 1923. 14 октября) и фельетоны из парижской жизни (Странная история // ЗС. 1923, 4 ноября; Но не в этом дело! // ЗС. 1924. 21 января; Настоящая парижанка // ЗС. 1924. 12 мая). Последняя публикация — киноповесть «Под игом Дракона» (ЗС. 1924. 1-27 июля).

4. «Сегодня» — «независимая демократическая газета» (Рига, 1919-1940). «Народная мысль» — «орган демократического еврейства Латвии» (Рига, 1922-1925). Библиографию публикаций в них В.В.Португалова см. в книге: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 гг. Stanford, 1991. Часть III. Сотрудничество Португалова в «примиренческой» «Народной мысли» (примиренчество заключалось, например, в публикации платного

траурного объявления о смерти Ленина) использовалось Философовым для его политической компрометации в глазах Савинкова (см. Философов — Савинкову, лл.118-133).

5. Сведениями о Кастальском не располагаем. Его письмо к Савинкову не обнаружено.

6. Оболенский Л.Л. — в 1922-1924 г. — полномочный представитель РСФСР (затем СССР) в Польше.

7. Неизвестное лицо.

8. См. примеч. 6 к письму 4.

6.

Лл. 8-8 об.

1. Сыновья А.В.Амфитеатрова Данила (1901-1983) и Максим (1907 — ?) вступили в фашистские отряды весной 1922 г., вскоре после приезда в Италию. Данила (учившийся в Римской консерватории) стал одновременно одним из 50 «почетных охранников» Бенито Муссолини. Арцыбашев, очевидно, не знал, насколько активно А.В.Амфитеатров уже с марта 1923 г. участвовал в налаживании контактов Савинкова с руководством фашистской Италии (см.: Переписка, письма 1-16). Обещанная «статья о фашизме» — цикл «Civis Romanus» (ЗС. 1924. 20 июня, 5, 8, 13 и 14 августа), ставший откровенной апологией Муссолини — «самого талантливого и самого нужного политика в Европе».

2. Савинков выезжал из Парижа в первой половине апреля 1924 г. (см. его упоминания о «некоем путешествии» и «безвестной отлучке» в письмах Амфитеатрову от 25 марта и 24 апреля 1924 г. — Переписка), однако неясно, связана ли была эта поездка с его итальянскими контактами. См. также примеч. 4 к Приложению.

3. После высылки Савинкова из Польши в конце октября 1921 г. его приезд туда был крайне затруднен и требовал специального согласования на высоком уровне. Ср. письмо Философова от 7 мая 1924 г.: «Вчера был в МИДе <...> Приезд Ваш вполне возможен <...> Очень прошу Вас немедленно прислать на мое имя частное письмо такого содержания, чтобы я мог представить его в министерство» (Философов — Савинкову, л.112).

4. Замоиский Мауриций (1871-1939) — в 1924 г. министр иностранных дел Польши.

5. Рассказы Вл.Михайлова постоянно печатались в ЗС в 1924-1927 гг.

6. Мельгунов Сергей Петрович (1880-1957) — историк, общественный деятель, председатель правления кооперативного издательства «Задруга» (где печатались книги Савинкова). В 1918-1919 гг. — один из руководителей антибольшевистского подполья в Москве, приговорен в августе 1920 г. к 10 годам «строгой изоляции» по делу Тактического Центра. Выслан из Советской России в октябре 1922 г., жил в Берлине, переписывался с Савинковым (ГАРФ, ф.5831, оп.1, д.125). В ЗС в 1924 г. перепечатывались отрывки из его книги «Красный террор в России».

7. Просьба разыскать в Париже рукопись Арцыбашева и послать ее в Италию содержалась в письме от 27 марта 1924 г. (в настоящей публикации опущено).

8. Андрей Павлович Федоров (1888 — 20 сентября 1937) — сотрудник контрразведывательного отдела ОГПУ, главное действующее лицо в операции по завлечению Савинкова в СССР. Выдавал себя за члена руководства мифической антибольшевистской организации «Либеральные демократы», был в Варшаве (проездом в Париж и из Парижа) в октябре и ноябре-декабре 1923 г., однако тогда Философов еще не смел возможным знакомить Арцыбашева с «глубоко законспирированным лицом». В очередной раз приехал в Варшаву 15 апреля 1924 г. вместе с Л.Д.Шешеней (см. о нем примеч. 12 к Приложению), привез в распоряжение организации 350 долларов (см. Философов — Савинкову, л.110). О встречах Федорова с Арцыбашевым см. Приложение и примеч. 13 к нему. После суда над Савинковым награжден орденом Красного Знамени. В 30-е годы — майор госбезопасности, начальник иностранного отдела Управления НКВД по Ленинградской области. Расстрелян по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Реабилитирован. Письма «А.П.» к Савинкову — ГАРФ, ф.5831, оп.1, д.148.

9. Версию о назревающем расколе в московском подполье подробно изложил в своем письме из Москвы (продиктованном сотрудником ОГПУ) С.Э.Павловский (см. о нем примеч. 10 к Приложению) и поддержали Федоров и Шешеня (первый настаивал на необходимости длительной подготовки к восстанию, второй — на немедленных активных действиях). См. также Приложение.

10. Кроме Савинкова, Павловский в своем письме настойчиво звал в Москву Е.С.Шевченко (см.: Шевченко Е. Напрасные упреки // ЗС. 1925. 22 июня).

7.

Лл. 13-13 об. На л.13 — карандашная помета А.Г.Мягкова «на сторону А.П.»

1. В мае 1924 г. Арцыбашев опубликовал только две статьи из цикла «Записки писателя»: Записки писателя. XXIII: Хранители пустого места // ЗС. 1924. 7 мая; Записки писателя. XXIV: Вогль готтентотской души // ЗС. 1924. 22 мая. По поводу второй Философов писал Савинкову 20 мая: «Я поставил veto на статью Арцыбашева. Совещание veto сняло и статья идет в четверг <т.е. 22 мая — Д.З.>, хотя я считаю ее с точки зрения нашей программы неприемлемой» (Философов — Савинкову, л.114).

2. См. Приложение.

3. Речь идет о процессе 46 членов «Народного Союза Защиты Родины и Свободы» во главе с бывшим начальником его оперативного отдела капитаном М.Я.Росселевичем (Ленинград, май-июнь 1924 г.). Процесс над савинковцами, потерявшими связь с парижским центром, должен был, очевидно, создать впечатление нераскрытости «основной» организации

4. Источник цитаты не установлен. Мысль восходит к одному из положений раннепротестантской теологии.

5. Ср. письмо Философова от 5 июня 1924 г.: «...я не знаю, что я имею право сообщить, а что нет. А<ндрей> П<авлович> обязал меня такими клятвами, что я боюсь сказать лишнее <...> Никто не понимает толком ближайшей цели Вашего приезда. Арц<ыбашев> думает — для личного знакомства с ним» (Философов — Савинкову, л.118-119).

6. Имеется в виду приглашение Д.С.Пасманика к постоянному сотрудничеству в ЗС (см. примеч. 2 к письму 4).

8.

Лл. 14-14 об.

1. Ср. письмо Философова от 12 июля 1924 г.: «Что касается Арц<ыбашева>, — то он несколько времени не писал по чисто личным причинам <...> требовать от него статей, при грошовом гонораре, я не могу» (Философов — Савинкову, л.123-123 об.). За первую половину июля Арцыбашев опубликовал одну статью: Записки писателя. XXVII: Снова вопль готтентотских душ // ЗС. 1924. 2 июля. «На продажу в Америку и Англию» он писал сценарии по своим дореволюционным произведениям.

9.

Лл. 13-13 об.

На л.13 — карандашная помета А.Г.Мягкова: «намек на знакомство с «друзьями»».

1. См. Приложение, где Арцыбашев, вспоминая встречи с «русскими друзьями», интерпретирует их «малокультурность» как признак провокаторства.

2. Претензии Савинкова к ЗС видны из его письма к Амфитеатрову, написанного одновременно с письмом, на которое отвечает Арцыбашев: «Газета ничего себе, но не русская, а эмигрантская, и информации мало, да и в иностранной политике перебои (надо бы определенно вести фашистскую линию)» (Переписка, письмо 37). «Выговор» Философова Пасманику был вызван, возможно, слишком мягким тоном по отношению к новому французскому правительству во главе с Э.Эррио, заявившему о намерении признать СССР де-юре (см.: Пасманик Д. Новая французская политика // ЗС. 1924. 9 июля).

3. Итальянский депутат-социалист Д.Маттеотти был похищен и убит в Риме 10 июня 1924 г. Хотя его тело было найдено лишь через два месяца, следы преступления вели к видным деятелям фашистской партии, что вызвало бурю возмущения либерально-демократической общественности всего мира против режима Муссолини. Сам Арцыбашев отказался на это событие стать «Снова вопль готтентотских душ» (см. примеч. 1 к письму 8). Назвав убийство «скверным делом», он, однако, утверждал: «...из всех политических убийств последнего времени убийство Маттеотти наименее ужасное. Ибо, в конце концов, ведь этот несчастный Маттеотти был одним из тех,

кто сеет в мире ветер классовой борьбы, чтобы пожать бурю всемирного классового пожара». Аналогичную позицию занял и Амфитеатров, см.: Интермедия // ЗС. 1924. 10 и 11 июля). Тогда же Философов отнес обоих к числу «правых сотрудников» газеты, настаивая на необходимости «политически быть левыми» (Философов — Савинкову, л.123).

4. Крессы (от польского kresy wschodnie — восточные края) — в 1919-1939 гг. название территорий Польши к востоку от «линии Керзона», населенных в основном «национальными меньшинствами» (белорусами, украинцами, литовцами, русскими), которые упорно сопротивлялись правительственной политике религиозной и культурной ассимиляции. ЗС систематически освещала дискуссии в Сейме по этому вопросу, выступая за юридическое признание русских национальным меньшинством в Польше.

5. Арцыбашев не подозревал, что вопрос о создании «подпольной редакции» ЗС в Москве, поставленный «русскими друзьями» в апреле-мае 1924 г., серьезно обсуждался Савинковым и Философовым. Ср.: «Арцыбашев и слышать не хочет о подчинении газеты «заграничному» руководству, считая, что единственное руководство он признает *парижское*, Ваше» (Философов — Савинкову, л.118). См. также примеч. 5 к письму 7 и Приложение.

6. Фраза «живу в водосточной трубе и питаюсь мокрицами» (восходящая к письмам А.П.Чехова) постоянно употреблялась Савинковым в переписке 1923-1924 гг. для описания условий своего парижского существования.

7. Долгожданые «русские друзья» (Федоров и Фомичев) прибыли в Польшу проездом в Париж через два дня, 16 июля (см. Философов — Савинкову, л.124). На этот раз Арцыбашев, несмотря на свои попытки, не смог с ними встретиться, однако получил (очевидно, от Философова) обнадеживающие сведения (см. его письмо Амфитеатрову от 21 июля 1924 г.: «Не могу Вам, по конспиративным соображениям, сказать точно, но есть серьезная надежда, что к сентябрю мы, и Вы в том числе, вздохнем свободнее» (Арцыбашев — Амфитеатрову). О дальнейших событиях см. Приложение.

Приложение

1. Это первое появившееся в печати правильное объяснение неожиданного «возвращения» Савинкова в СССР, «сдачи» советской власти и суда над ним 27-29 августа 1924 г. в Москве, — событий, ставших мировой сенсацией. Редакция ЗС сначала считала сообщения информационных агентств о суде над своим шефом чекистской провокацией (Советское сообщение о Савинкове // ЗС. 1924. 30 августа; Пытка клеветой // ЗС. 1924. 31 августа; там же — версия о «каменном мешке», в котором Савинкова мучают сообщениями о его «публичном раскаянии») и три дня — 30, 31 августа и 1 сентября — не снимала фамилий Савинкова и Дикгоф-Деренталья из списка «ближайших участников» газеты. Затем, под влиянием ложного известия о полном прощении и

освобождении Савинкова, газета вышла 2 сентября 1924 г. с новым составом редколлегии (Философов, Арцыбашев, Португалов, Шевченко) и с передовой статьей «Без Савинкова». Однако сведения об окончательном приговоре к 10 годам заключения вновь заставили редакцию заколебаться. Вместе с Арцыбашевым, в ЗС выступили два других члена редколлегии (Философов Д. Пытка неизвестностью // ЗС. 1924. 5 сентября; Шевченко Е. Заплечные фальсификаторы // Там же), настаивая на том, что Савинков либо убит, либо надежно изолирован, а на суде, если он и имел место, фигурировал загримированный двойник, однако никто, кроме Арцыбашева, не дал («по конспиративным соображениям») никаких объяснений причин и обстоятельств поездки Савинкова в Советскую Россию. Все иллюзии о «несгибаемости» Савинкова развеялись лишь 16 сентября 1924 г., когда в квартиру Философова было доставлено с нарочным собственноручное письмо Савинкова из Внутренней тюрьмы ГПУ с предложением всей редакции ЗС (кроме Е.С.Шевченко, которому «придется подождать») признать бессмысленность борьбы с советской властью и вернуться в Россию (см.: Предатели // ЗС. 1924. 17 сентября; Философов Д. Вместо предисловия // Там же; Савинков Б. Письмо Д.В.Философова // Там же; Философов Д.В. Ответ Б.В.Савинкову // Там же). Арцыбашев, тяжело переживавший случившееся, посвятил в сентябре-октябре 1924 г. савинковскому делу и реакции на него русской эмиграции еще четыре статьи из цикла «Записки писателя», кроме цитированной: Записки писателя. XXXV: Гады ползучие // ЗС. 1924. 10 сентября; Записки писателя. XXXVI: Фельетонная совесть // ЗС. 1924. 11 сентября; Записки писателя. XXXVII: Письмо Савинкова // ЗС. 1924. 21 сентября; Записки писателя. XXXVIII: Гоголевский черт и эзеровские ангелы // ЗС. 1924. 9 октября). Следующая публикация Арцыбашева на эту тему (см. Приложение 2) была вызвана появившимися в иностранной прессе статьями корреспондентов, в феврале 1925 г. посетивших Савинкова во Внутренней тюрьме ГПУ на Лубянке. По нашему предположению, доставленная в тюрьму арцыбашевская статья (в том числе и ее непубликуемая в настоящем номере часть, содержащая реконструкцию савинковской психологии и версию о его предательстве самыми близкими ему людьми) потрясла ее героя (см.: Опять Савинков // ЗС. 1925. 22 апреля) и ускорила его гибель.

2. Савинков с сопровождающими его лицами приехали в Варшаву 12 августа 1924 г.; впервые эту дату назвал в печати Философов в «Ответе Б.В.Савинкову» (см. примеч. 1).

3. Дикгоф-Деренталь Любовь Ефимовна (урожд. Бруд, 189?-197?) — дочь бывшего одесского частного поверенного Е.С.Бруда, проигравшего в Монте-Карло казенные деньги, не вернувшегося в Россию и ставшего парижским корреспондентом «Русского слова» (псевд. Брут). Около 1914 г. вышла замуж за А.А.Дикгофа и тогда же познакомилась с Б.В.Савинковым. Вернулась в Россию с мужем в 1917 г., жила в Москве. В 1918 г. — член «Союза защиты Родины

и Свободы», участвовала в Рыбинском восстании, бежала в Казань. С начала 1919 г. — в Париже, летом 1920 г., приехав в Варшаву, стала гражданской женой Савинкова, в октябре-ноябре 1920 г. участвовала в «Мозырском походе» армии С.Н.Булак-Балаховича. С 1922 г. по август 1924 г. жила в Париже, пыталась сниматься в кино. В августе 1924 г. вела дневник возвращения в Россию (цитировался: Арзаматский В. Возмездие. М., 1968. С.550-557), позднее безуспешно пыталась переслать его за границу. 16 августа 1924 г. была арестована, до апреля 1925 г. содержалась во Внутренней тюрьме (без регистрации ареста и предъявления обвинения). После освобождения работала в «Женском журнале». Репрессирована не была. Высказанное Арцыбашевым (в опущенной части статьи) предположение о провокаторской роли Л.Е.Дикгоф-Деренталь в поездке, вызвало ее резкий ответ (Открытое письмо г.Арцыбашеву // ЗС. 1925. 22 апреля) и не встретило поддержки у людей, занимавшихся расследованием этого дела (В.Л.Бурцева, А.Г.Мягкова), однако закрепилось в памяти некоторых мемуаристов (в том числе и лично знакомых с ней, см., напр.: Вендзгольский К. Савинков // Новый журнал (Нью-Йорк), 1963. №71. С.142).

4. См. примеч. 1 и 2 к письму б, а также Переписку. Точное количество встреч Савинкова с Муссолини в 1923-1924 гг. и их даты установить пока не удалось. Предполагаем, что последняя (во время которой Муссолини окончательно отказал в финансовой помощи, обещанной годом ранее) состоялась в середине лета 1924 г. Характерно, что на суде (через две недели после разговора с Арцыбашевым) Савинков дал разоблачительные показания против президента Чехословакии Т.Масарика и бывшего начальника Польского государства И.Пилсудского, а о «главном обидчике» — Муссолини — сумел сказать только одну фразу: «ничего не получил» (Дело Бориса Савинкова. М., 1924. С.76). Очевидно, что это было вызвано нежеланием большевиков осложнять отношения с фашистской Италией, только что (в феврале 1924 г.) признавшей СССР де-юре.

5. Савинков свободно говорил по-польски. Он окончил в Варшаве гимназию в 1897, там до 1905 г. жили его родители, почти полтора года (июль 1920 — октябрь 1921 гг.); будучи председателем Русского Политического Комитета, он постоянно встречался там с множеством официальных и частных лиц.

6. Предыдущая статья Арцыбашева о Савинкове (первая после его гибели): Записки писателя. LV: Над могилой // ЗС. 1925. 30 мая.

7. Александр Геннадьевич Мягков (1890-1957) — инженер, геолог, с 1905 г. — зять Савинкова (муж его сестры Веры). В 1921 г. — заведующий хозяйственным отделом Русского Политического Комитета в Варшаве, выслан из Польши в октябре 1921 г. Жил с семьей в Праге, возглавлял чехословацкое отделение «Народного Союза защиты Родины и Свободы» (к лету 1923 г. распавшееся). После суда и «показания» Савинкова супруги Мягковы оказались практически единственными близкими ему людьми в

эмиграции, не порвавшими с ним отношения и переписку (ксерокопии его писем с Лубянки в Прагу хранятся в архиве Российского Фонда культуры). К тому же они оказались хранителями и распорядителями его архива, привезенного Верой Викторовой в Прагу в августе 1924 г. из Парижа (двое других душеприказчиков — Философов и русско-британский комиссар и авантюрист С.Дж.Рейлли — публично откормились от дружбы с Савинковым и не пожелали иметь с ним и его архивом никаких дел). К весне 1925 г. Мягков проработал всю савинковскую переписку и другие документы 1922-1924 гг. (несколько тысяч листов!) и установил круг лиц, непосредственно участвовавших в завлечении Савинкова в Россию, а также эмигрантов, полностью о его поездке осведомленных (сотни документов в фонде Савинкова хранят на себе карандашные пометы Мягкова — см. примеч. к письмам 7 и 9). Первые результаты своей работы он изложил в личной переписке (см. копии его писем к Арцыбашеву, А.В.Амфитеатрову, В.Л.Бурцеву — ГАРФ, ф.6756, д. 1, 2, 3), а после гибели Савинкова — и в печати: *Нужна правда // Последние новости (Париж). 1925. 13 июня*. Поскольку статья опровергала выдвинутую Философовым в «*Ответе Б.В.Савинкову*» (см. примеч. 1) версию о предварительномговоре его с большевиками и, более того, прямо обвиняла (цитатами из их писем) редакторов ЗС в утаивании известных им фактов и в сознательном провоцировании Савинкова на крайне рискованную поездку в сопровождении подозрительных лиц, ЗС перепечатала статью Мягкова и поместила ответы всех членов редколлегии, упомянутых там: Философов Д. *Ответ А.Г.Мягкову // ЗС. 1925. 20 июня*; Шевченко Е. *Напрасные упреки // ЗС. 1925. 22 июня*. Философов уклонился от полемики, ссылаясь на те же «конспиративные соображения», что и ранее, и обвинил Мягкова в неэтичности за цитирование чужих писем. Арцыбашеву, уже знакомому из личной переписки с точкой зрения Мягкова на «катастрофу», вся его позиция казалась недопустимо мягкой, основанной на «родственной любви» (Арцыбашев — Амфитеатрову, письмо от 25 мая 1925 г.), но ответить по существу он считал себя обязанным.

8. Письма Арцыбашева к Савинкову были переданы Мягковым вместе со всем архивом в конце 20-х годов в Русский Заграничный Исторический Архив (РЗИА) в Праге, который в 1945 г. был передан Чехословакией правительству СССР. До 1989 г. находились на секретном хранении в ЦГАОР СССР (ныне — ГАРФ).

9. Неточность. См. письма 3-5.

10. Павловский Сергей Эдуардович (? — 1924?) — офицер русской армии, в 1918 г. — военный комендант Пскова. В 1920 г. — в армии С.Н.Булак-Балаховича, участвовал в Мозырском походе. В 1921 г. — начальник оперативного отдела «Народного Союза Защиты Родины и Свободы», неоднократно совершал из Польши рейды на советскую территорию, возвращался с богатой добычей (последний успех — захват и ограбление г.Демянска летом 1922 г.). В декабре 1922 — июле 1923 гг. жил в Париже, по его рассказам написана повесть Савинкова «Конь

Вороной» (ч.1 — Мозырский поход, ч.2 — рейд 1922 г., ч.3 — гипотетическое описание будущей «работы» Павловского в Москве, куда Савинков и отправил его в августе 1923 г. для проверки «подпольной организации»). Проникнув в СССР в 20-х числах августа 1923 г., был вскоре арестован ОГПУ и начал писать дезинформационные письма «деду» (Д.В.Философову) и «отцу» (Б.В.Савинкову) (ГАРФ, ф.5831, оп.1, д.394; утверждение В.Ардяматского о том, что он пытался условным знаком сообщить об опасности, анализом орфографии и пунктуации писем не подтверждается). По сведениям В.Ардяматского, погиб при попытке к бегству в июле 1924 г. (последнее письмо от него (?) в фонде Савинкова датировано 21 июля). Потрясение от предательства Павловского (которого он считал вернейшим соратником) было, очевидно, одной из главных причин причин «капитуляции» Савинкова вскоре после ареста. Тем не менее в письме сестре Vere он сообщил о том, что Павловский «давно служит в ГПУ», и эта информация была передана гласности: Философов Д. *Письмо в редакцию // ЗС. 1924. 13 октября*. Ср. также тюремный дневник Савинкова (запись от 1 мая 1925 г. // *Служба безопасности. 1992. Пробный номер. С.19-20*).

11. Шешеня Леонид Дмитриевич — бывший офицер русской армии, в 1921 г. — член «Народного Союза Защиты Родины и Свободы». В 1922 г. арестован при переходе советской границы, переведен в Варшаву в ноябре-декабре 1923 г. и в апреле 1924 г. (вместе с А.П.Федоровым), когда и познакомился с Арцыбашевым. Дальнейшая судьба неизвестна.

12. Фомичев Иван Терентьевич, он же Оводов — член партии с.-р. с 1906 г., в январе 1918 г. — делегат III Всероссийского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В 1920-1921 гг. — сотрудник агитационно-пропагандистского отдела Русского Политического Комитета в Варшаве, в 1922-1924 гг. — представитель Народного Союза Защиты Родины и Свободы в Вильно, отвечал за переброску агитатуры в СССР. С июля 1923 г. участвовал в провокационной игре ОГПУ, познакомил А.П.Федорова с Савинковым. В мае-июле 1924 г. «нелегально» ездил в СССР, писал оттуда восторженные письма (см. ГАРФ, ф.5831, оп.1, д.144, л.206), вернулся 16 июля 1924 г. с Федоровым и организовал переход Савинкова в СССР. Дальнейшая судьба неизвестна. По версии Ардаматского, был мистифицирован ОГПУ, по мнению Савинкова — «оказался мерзавцем» (письмо В.В.Мягковой от 26 сентября 1924 г. — Российский фонд культуры, ф.1, оп.1, д.34, л.2). Об Арцыбашеве Фомичев в своих письмах не упоминает.

13. Ошибка. Арцыбашев встречался с А.П.Федоровым в 1924 г. три раза: 1) с 15 по 18 апреля (см. Философов — Савинкову, л.108, 111, а также письмо 6 наст. публикации); именно эту встречу в присутствии Шешени он и описывает в публикуемой статье; 2) 11 мая после возвращения Федорова из Парижа (см. его письмо Савинкову, датированное этим числом: «Сегодня же виделся с Арцыбашевым», но

ничего серьезного в разговоре не было» — ГАРФ, ф.5831, оп.1, д.148, л.1) уже без Шешени (см. примеч. 14); 3) 12 августа на прощальном ужине.

14. Ср. «привет Арцыбашеву» в письме Шешени «дедушке» (Д.В.Философову) из Москвы от 5 мая 1924 г. (ГАРФ, д.5831, оп.1, д.223, л.5).

15. Отзывы Философова в письмах Савинкову о «друзьях из России», в частности, об «Андрее Павловиче», с которым он встречался в 1923-1924 гг. не менее семи раз, все время менялись. 14 апреля 1924 г.: «Я <...> полон сомнений. Уж слишком легко они сносятся с нами, и живы, и благополучны» (Философов — Савинкову, л.108 об.); «Предупреждаю Вас, что всеми своими слабыми силами я буду держать Вас за фалды и “не пуцать”. <...> Без Вас мы рассыплемся, превратимся в пыль» (там же, л.113); 16 июля: «Все больше склоняюсь к мысли, грешным делом, что они просто “поживают”, как и мы, только ремесло у них более опасное» (там же, л.124-124 об.); 22 июля: «Внуки берут на себя громадную ответственность, и я считаю, что здесь им нужно абсолютно подчиниться» (там же, л.124 об. Именно эту фразу процитировал Мягков в своей статье, чтобы обвинить Философова в гибели Савинкова); наконец, 25 июля (в последнем письме), среди прочих мыслей относительно «друзей» (Федорова и Фомичева), поехавших в Париж, выдвигает и

следующее предположение: «Они держат Сержа [С.Э.Павловского — Д.З.] заложником, и хотят еще одного заполучить (это очень гнусно с моей стороны, но такие мысли были)» (там же, л.129).

16. «Дать ответ» Философов не пожелал (см. примеч. 7).

17. См. письма 6, 7 и 9 настоящей публикации.

18. Арцыбашев, несмотря на его требования, не был посвящен в конспиративные планы организации. См. письма Философова: «Вы спрашиваете, что Арц<ыбашев>. Дела его плохи, о “внуках” и слышать не хочет, Вас жаждет видеть. Требует полного осведомления» (24 июля, Философов — Савинкову, л.128); «Арцыбашев знает, что они [Фомичев и Федоров — Д.З.] тут были, и страшно обижен. Требует, чтобы ему все рассказали. Я кое-как его успокоил, сказав, что я лишь передаточная инстанция, и свято исполняю приказания организации. Шевченку же просил, чтобы он намекнул Арц<ыбашев>ву, что <...> Арц<ыбашев> не член Союза, а уже предъявляет требования» (там же, 25 июля, л.129 об.).

Предисловие, подготовка текста и примечания Д.И.Зубарева.

К.М.Поливанов

Заметки и материалы к «политической» биографии Бориса Пастернака

(1934-1937)

Тема, к которой мы обращаемся, не нова: политический аспект биографии Б.Пастернака 1930-х гг. тщательнейшим образом, с учетом всевозможных источников, доступных в то время, проанализирован в монографии Л.Флейшмана «Борис Пастернак в тридцатые годы». Не ставя под сомнение положения этой работы, мы на основании ряда новых документов попытаемся уточнить реконструируемую Л.Флейшманом картину.

Как известно, отношения «поэта с властью» в середине тридцатых (точнее, в 1934-1936 гг.) отмечены необычайным сближением. Одним из первых знаков этого сближения был телефонный звонок Сталина: незадолго до I Съезда советских писателей вождь счел необходимым сообщить Пастернаку о смягчении участи сосланного О.Мандельштама. Также в этом разговоре (по одной из нескольких существующих версий) Сталин выразил недоумение, почему с заступничеством за Мандельштама Пастернак обратился к Н.И.Бухарину. Год спустя, обратившись уже непосредственно к Сталину с ходатайством за сына и мужа А.Ахматовой, Пастернак убедился в результативности подобного обращения — на следующую же ночь ему позвонили и сообщили, что Л.Н.Гумилев и Н.Н.Пунин освобождены¹. Мы знаем, что достигли цели и другие обращения Пастернака — в том же 1935 году, когда был арестован В.Ф.Блюменфельд, двоюродный брат Г.Г.Нейгауза, поэт написал «всесоюзному старосте» М.И.Калинину². После этого письма жене и дочери было дано свидание, а самого Блюменфельда отправили в не слишком

строгую по тем временам ссылку (позже он был опять арестован и погиб). Пастернак и ранее откликнулся на просьбы о помощи в подобных ситуациях. Так, 21 апреля 1933 г. он писал Г.Сорокину: «Тут со знакомыми всякие напасти: мужей судят и ссылают, а женам с детьми паспортов не выдают: вот и хлопочу»³. К этому же времени относится и письмо Б.М.Зубакина к И.М.Брюсовой от 6 мая 1933 г.:

<...> Если есть у Вас телефон или адрес Б.Пастернака, молю Вас сообщить ему, что Ася [Цветаева] (сестра Марины), по невероятному недоразумению, арестована 23/IV (он в свое время обещал хлопотать). Знает ли он это? — Я узнал более чем случайно <...>⁴.

К сожалению, мы не располагаем достаточной информацией о результатах этих пастернаковских «хлопот», но знаки исключительной благосклонности властей к поэту в 1934-1935 гг. далеко не ограничивались одними лишь ответами на подобные ходатайства⁵. Начиная с I съезда писателей, Пастернака определенно выдвигали на позицию первого советского поэта.

Необходимо подчеркнуть, что сближение Пастернака с властями носило, безусловно, двусторонний характер. Совсем недавно, в 1931 г., после поездки в Челябинск, на ударные стройки пятилетки, поэт писал своей будущей жене: «Теперь мне ясно, что за всем тем, что меня всегда отталкивало своей пустотой и пошлостью, ничего облагораживающего или объясняющего, кроме организованной посредственности, нет, и искать нечего, и если я и раньше никогда не боялся того, что чуждо мне, то теперь уже и окончательно робеть не буду. *Какая бы победа ни была суждена нелюбимому, полюбить это из одних соображений о его судьбе я не в силах*» (здесь и далее курсив наш. — К.П.)⁶.

De Visu. 1993. №4(5).

© К.М.Поливанов.

Насколько изменилась оценка политической и социальной реальности, лучше всего иллюстрирует цитата из письма к отцу конца 1934 г.: «Я стал частью своего времени и государства, и его интересы стали моими»⁷. Принимая положение вещей за должное, Пастернак не смотрит на мир через «розовые очки». Чтобы убедиться в этом, обратимся хотя бы к письму к О.Фрейденберг от 3 апреля 1935 г., проникнутому теми же настроениями: «<...> чем дальше, тем больше, *несмотря на все*, полон я веры во все, что у нас делается. *Многое поражает дикостью* <...>»⁸. Разительное отличие этих пастернаковских слов от уже вошедших в традицию тридцатых годов дифирамбов бросается в глаза. «Попытка жить думаами времени и ему в тон»⁹ не рассматривалась Пастернаком как компромисс со своей совестью. Рассмотрение «контекста эпохи» позволяет предположить, что своей «активностью» в «общественной жизни» поэт пытался способствовать либерализации советского государственного устройства. Признаки такой либерализации он, как и многие его современники, старался увидеть в политической и литературной жизни 1934 года (до убийства С.Кирова), а затем связывал свои надежды с принятием новой конституции. Не следует забывать о приходе к власти нацистов в Германии, ведь социализм, тем более «либерализирующийся», приобретал в сравнении с фашизмом, безусловно, привлекательные черты, представлял, казалось, куда больше возможностей для свободомыслия и разномыслия¹⁰. Об однозначности выбора между фашизмом и социализмом Пастернак говорил в своем последнем заметном публичном выступлении тех лет — в феврале 1937 г. на Пушкинском пленуме Правления ССП (подробнее об этом см. ниже). Общественные выступления Пастернака продолжают лишь до тех пор, пока он находит в политической и литературной жизни подтверждения тому, что его поведение, его выступления способствуют благоприятным общественным тенденциям. Как только в конце 1936 — начале 1937 гт. ему становится ясно, что он более не может ни на что повлиять, Пастернак начинает упорно уклоняться от писательских мероприятий, в которых до этого постоянно принимал участие.

Выступления Пастернака всегда звучали диссонансом по отношению к общему тону писательских «обсуждений» и «дискуссий» тридцатых годов, поэт постоянно открыто отстаивал принципы творческой

свободы и внутренней независимости художника.

Л.Флейшман отметил на основании отчета в «Литературной газете», что «первая трещина в отношениях властей с поэтом со времени съезда»¹¹ — это «спор» Пастернака с А.С.Щербаковым 17 февраля 1935 г. на заседании Президиума правления ССП, где обсуждались «Тезисы о критике» И.М.Беспалова и А.Н.Афиногенова (к готовящемуся пленуму Правления ССП, посвященному литературной критике).

Сказанное поэтом на этом заседании очень типично для его выступлений тех лет. Пастернак внешне присоединился к общим местам, о которых говорили присутствующие, сказав, «что в поэтической критике нет передовых критиков, как имена — это второстепенные критики и там критический штамп хвалебных и отрицательных суждений особенно выпирает. Там особенно резкая беспомощность выпирает»¹². Далее он заявил, что главное для критика — это писать, не задумываясь о возможности превратного истолкования, не боясь «лишиться пайка»:

Прошло то время, когда попутчики были связаны и предполагалось так, что если человек распустил хвост своей искренности, то с этим считаться не нужно. Сейчас иное, сейчас мы все части одного процесса и надо заботиться о том, чтобы мы правильно отражали то или другое мнение. Вдруг всех охватывает страх. Вы совершенно правы, это нужно показать, человек должен быть на высоте. Пусть его лишат пайка. На это нужно уметь идти (смсх). *Человек не должен отказываться от истины*. Я думаю, что такое отношение к нему может продолжаться месяц, а через месяц ему все спасибо скажут. *Это мужество надо иметь*. Афиногенов не прямо об этом говорил, но его тезисы наполнены таким хорошим, молодым, действенным отношением к этому вопросу. Я бы должен был возражать, но должен сказать, что такие ноты у нас редки. Часто встречаешься с тем, что человек из каких-то выдуманных опасений, из-за опасений какой-то воображаемой катастрофы, пишет не так, как нужно. Он не думает о том, что написано, а о том, как это могут прочитать, понять и т. д. Целый ряд таких явлений имеет место. *Просто надо иметь мужество* не плодить такую моральную макулатуру¹³.

Неудивительно, что этот манифест творческой свободы там, где занимались именно созданием жестких рамок литературного поведения и эталонных штампов критических статей, не мог не вызвать отповеди. Как писала «Литературная газета», Пастернак «абстрагировал понятие критической честности, на что и было ему указано т.Щербаковым»¹⁴.

Знаки «высочайшей милости», оказываемые вопреки крамольным выступлениям

поэта, с одной стороны, укрепляли влияние Пастернака¹⁵ среди «писательской общественности», а с другой стороны, не могли не вызывать недоумения и ярости его противников как внутри Союза писателей, таких как В.Ставский, Дж.Алтаузен, А.Безыменский, так, очевидно, и вне его. Сам Пастернак не придавал слишком большого значения «борьбе» вокруг своего места в советской литературной иерархии. После I Съезда писателей он писал С.Спасскому: «Отношение ко мне на съезде было совершенной неожиданностью, но все это гораздо сложнее, чем может Вам представиться, а главное: по косвенности поводов, связывающих эти вещи со мной, — серее и непрямолинейней<...>»¹⁶

Об этом же Пастернак говорил и на заседании Президиума правления ССП 15 мая 1935 г., посвященном обсуждению «вопросов поэзии»:

У нас всегда на что-нибудь бывает мода. Например, в хорошей полосе я сейчас. У меня ощущение совершенно похороненного трупа¹⁷. Я не чувствую за этим людей. Совершенно такое же отношение и к отрицательным экспонатам. Это прямо какие-то весенние и осенние демисезоны. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь в одиночку открыл светило или погасил его. Это всегда происходит целыми группами¹⁸.

И на этом заседании Пастернак не удержался от «крамольного» оспаривания возможности выражать в стихах классовую идеологию:

Вот мы тут собираемся литературно-знатные люди, мы — Союз Советских писателей, но возьмем просто литературное соотношение сил в стране. Я тут, наверное, по ложному пути могу пойти. Не мне говорить о классовой идеологии, но я хочу сказать, что я не верю, чтобы отдельные стихотворения выражали это. Даже хорошие стихи — это слишком случайное и ничтожное явление. Я говорю сейчас просто о каком-то вкусовом соотношении между выражением и жизнью, между языком и жизнью, между диапазоном какой-то темы и жизнью. Если бы вы мне или кому-то другому гарантировали бы бессмертье, то взялся бы кто-нибудь утверждать, что его случайный житейский выбор темы, словаря, это какой-то ватерпас, по которому можно устанавливать поэтическое совершенство. Это, конечно, неверно. Если бы вы установили, что они ремесленники и т.д., это уже другое дело¹⁹.

Пастернака вся эта борьба, в которой он оказывался едва ли не главной фигурой, прежде всего угнетала. Он хотел выйти из этой игры, стремился начать с полной отдачей работать над прозой. Однако вырваться не удавалось. В июне 1935 г. в Париже был устроен международный конгресс в защиту культуры. Состав советской делегации был утвержден 19 апреля решением Политбюро ЦК ВКП(б):

1. Утвердить делегацию на международный конгресс писателей в составе гг. М.Горький, Кольцов, Шолохов²⁰, Щербаков, Толстой, Эренбург, Тихонов, Луппол, Киришон, Караваева, Лахути, трех представителей украинской литературы²¹ и двух представителей Закавказья²².

Поручить гг. Стецкому, Щербакову и Кольцову наметить делегатов Украины и Закавказья, согласовав кандидатуры с ЦК КП(б)У и Закавказским комком.

2. Председателем делегации утвердить т. А.М.Горького и его заместителем гг. Кольцова и Щербакова.

3. Отпустить на расходы советской делегации на международном съезде 20 тыс. рублей золотом.

4. Предложить т. Кольцову выехать в начале мая в Париж для содействия в организации съезда.

5. Предложить советской делегации выступить на съезде с содокладами и речами по главнейшим пунктам порядка дня²³.

Ровно через два месяца, когда советская делегация уже направилась в Париж, по настоянию Мальро и Эренбурга, Политбюро 19 июня решило также «включить в состав делегации советских писателей в Париже Пастернака и Бабеля»²⁴. Пастернак категорически отказывался от поездки, но, вынужденный ехать, пребывал в глубоком удрученном состоянии²⁵. Это состояние, граничившее по характеристике самого поэта, с душевной болезнью, привело, помимо прочего, к тому, что, выступив на Конгрессе с более чем краткой речью²⁶ (фактически отказавшись от выступления), он, возвращаясь в СССР в одной каюте с назначенным от ЦК ВКП(б) главой Союза писателей Щербаковым, «вдруг разоткровенничался, размяк, разговорился, говорил и говорил без конца», так что наутро его прошиб «холодный пот»²⁷. Однако Щербаков, в чьем поведении и прежде можно было усмотреть расположенность к Пастернаку²⁸, не воспользовался откровенностью поэта и был подчеркнуто дружелюбен и с З.Н.Пастернак, пришедшей на вокзал встречать делегацию. Отметим и то, что до тех пор, пока Щербаков оставался во главе Союза писателей, Пастернаку, насколько нам известно, ни разу не было поставлено в вину его поведение в Париже, более того, орации, устроенные поэту на конгрессе, рассматривались позднее, на Минском пленуме правления Союза писателей в феврале 1936 г., как факт признания величия советской литературы. Лишь после ухода Щербакова с поста главы писательского союза оказалось возможным использование парижского эпизода как одного из предлогов для травли Пастернака (см. ниже в выступлении В.Ставского). Впрочем, у нас сегодня недостаточно информации, чтобы устано-

вить, был ли Щербаков сам одним из «высоких» покровителей поэта, или же придерживался определенных инструкций исходящих «свыше».

5 декабря 1935 г. был обнародован знаменитый афоризм Сталина о Маяковском как «лучшем и талантливейшем поэте советской эпохи». Это заявление освобождало Пастернака от необходимости «замещать вакансию» первого поэта со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как полагает Л.Флейшман²⁹, тогда же, в декабре 1935 года, Пастернак отправляет письмо Сталину, в котором благодарит за мгновенное освобождение Л.Гумилева и Н.Пунина. Завершает письмо отклик на «маяковский вердикт»:

В заключение горячо благодарю Вас за Ваши недавние слова о Маяковском. Они отвечают моим собственным чувствам, я люблю его и написал об этом целую книгу. Но и косвенно Ваши строки о нем отозвались на мне спасительно. Последнее время меня, под влиянием Запада, страшно раздували, придавали преувеличенное значение (я даже от этого заболел): во мне стали подозревать серьезную художественную силу. Теперь, после того, как Вы поставили Маяковского на первое место, с меня это подозрение снято, и я с легким сердцем могу жить и работать по-прежнему, в скромной тишине, с неожиданностями и таинственностями, без которых я бы не любил жизни.

Именем этой таинственности
горячо Вас любящий и преданный Вам
Б.Пастернак³⁰

Очевидно, в эти же дни Пастернак написал и знаменитые «стихи о Сталине», опубликованные в новогоднем номере «Известий». Об этом же времени он говорил, выступая 13 марта на «дискуссии» о формализме:

Месяца три тому назад я был преисполнен каких-то лучших надежд, я глядел с какой-то радостью вперед³¹.

Последующие события показали, что Пастернаку вопреки своей воле не удавалось выйти из «общественной игры». На Минском пленуме Союза писателей в феврале 1936 г. он опять оказался едва ли не главной темой выступлений, по-прежнему его воспринимали как центральную фигуру в советской поэзии.

Минский пленум проходил в дни, когда начавшаяся кампания по борьбе с «формализмом» в искусстве еще не добралась до литературы. Но уже в начале марта «дискуссия» началась в писательском союзе. Оба выступления Пастернака в «дискуссии» 13 и 16 марта опубликованы недавно Е.Б.Пастернаком³², а весь контекст его выступлений тщательно и точно восстановлен Л.Флейшманом в главе «Бунт

Пастернака». Не останавливаясь подробно на том, что говорил Пастернак, выделим три момента: поэт заявил, что 1) не понимает смысла газетной кампании; 2) считает бессмысленным применение терминов «формализм» и «натурализм» к современной литературе; 3) не верит в искренность критиков «оружия об этом на один голос». Пастернаковские выступления нарушали сложившийся уже к 1936 году этикет литературных «дискуссий» (под этим словом уже давно подразумевалось вовсе не столкновение разных точек зрения, а именно «ор на один голос», те, против которых «дискуссии» организовывались, получали, в лучшем случае, право на согласное и покорное покаяние, на самобичевание в терминах «дискуссии»). Пастернак же не только осмелился спорить, но поставил под сомнение правомочность этой дискуссии как таковой, причем, к недоумению литературного начальства, он вступил в борьбу, тогда как никто и не собирался, видимо, ему самому предъявлять обвинения в «натурализме и формализме».

Самое же поразительное заключается в том, что несмотря на агрессивное противостояние Ставского и Кирпотина, пытавшихся даже прерывать Пастернака во время выступления, поэт фактически «закрыв» дискуссию. Он смог еще раз убедиться в сохраняющейся влиятельности своих поступков.

Для самого Пастернака такой исход «дискуссии» был, видимо, достаточно неожиданным. Выступая 28 октября 1936 г. на обсуждении книги И.А.Новикова «Пушкин в Михайловском», поэт говорил:

Зимняя дискуссия нас всех напугала и из осторожности уже ничего не знаешь, и о себе не знаешь <...> Я должен поздравить И.А. [Новикова] не только за этот громадный скачок вперед от вещей, ранее написанных, этого я не стал бы говорить, я не сумел бы судить, а просто за скачок вперед от *состояния литературы хотя бы зимой*. Тогда мне казалось, что мы такое отмочим. Было ощущение какого-то *предела*, и от этого предела мы отходим³³.

В тот же день на Президиуме правления Союза писателей проходил творческий отчет Б.А.Пильняка (подробно будет освещен в одном из ближайших номеров «DV»), на обсуждении которого Пастернак, видимо, сильно задел Ставского заключительными словами своего выступления:

<...> и не надо тут ни к Ставскому ездить, ни советовать. Плюнь ты на Ставского и пиши сам. Мы мужественный коллектив, который должен сам преодолевать трудности. Что это, сиротский дом какой-то?³⁴

Началось же это заседание Президиума с обсуждения подготовки Пушкинского пленума Правления, в котором Пастернак также принял деятельное участие:

Пастернак: Я не знаю, будет ли это торжественное собрание. Может быть, это будет форма коллективного празднования годовщины среди писательского актива. Ты [Пастернак обращается к Ставскому. — К.П.] сказал, что имеется группа писателей, знатоков Пушкина, посвятивших свои силы этому, и мы будем просить их быть докладчиками по этим темам. Я только не представляю себе, будут ли на Пленуме обычные прения и обсуждения или он примет несколько иной характер. Я думаю, что это будут не споры по докладам, а какие-то дополнения. Это будут те мелочи, с которыми совестно выступать самостоятельно, но на поводу у больших докладов это будет уместно.

Словом, это будет жизнь, на три-четыре дня посвященная Пушкину.

Я не знаю, можно ли совместить эти два плана — план торжественного заседания перед публикой...

Ставский: Какая публика? Ведь это все наши друзья, единомышленники.

Пастернак: Мы и перед пленумом не ставили стражи у дверей, но одно дело, если это в писательском кругу, а другое дело, если всенародно. Может быть, можно совместить и устроить в Большом театре.

Вересаев: Мне кажется, что такое торжественное собрание не будет Пленумом <...>

Пастернак: Возьмите съезд писателей. Это был не пленум, это было гораздо торжественнее и ответственнее. Это проходило в Колонном Зале и хотя все было организовано, но были и экспромты, и все же это было на какой-то приятной высоте. Мне кажется, что мы должны иметь в виду пленум именно такого характера.

Пленумы проходили всегда страшно скучно.

Ставский: А вы говорили во время пленума «ах, как он чудно идет».

Пастернак: Но сейчас другая мерка. Что по Минску хорошо, то по Пушкину плохо³⁵.

Мы убеждаемся, что несмотря на перемены политического климата в стране и на обострившиеся критические нападки (накануне заседания Президиума, 27 октября, «Литературная газета» опубликовала статью В.Перцова, разоблачавшую «культ Пастернака»), осенью 1936 года Пастернак не уклоняется от выступлений на писательских собраниях.

Но к декабрю ситуация меняется. 16 декабря на общемосковском собрании писателей, посвященном только что закончившемуся Чрезвычайному Съезду советов, принимавшему новую конституцию, с неслыханной по резкости в отношении Пастернака речью выступает В.Ставский. Напомним, что к этому моменту, после перевода Щербакова на другой «участок» партийной работы, Ставский стал полномочным комиссаром от партии в Союзе

писателей. Видимо, одним из поводов для этой речи был отказ Пастернака выступить против книги А.Жида «Возвращение из СССР»³⁶. Пока еще трудно судить определенно, было ли выступление Ставского вызвано его полномочием в писательском союзе, или же «бунтарское» поведение Пастернака наконец переполнило чашу «высочайшего» терпения (а может быть, ожидалось, что после такой грубой атаки поэт станет покладистее).

Приведем здесь относящийся к Пастернаку фрагмент из выступления Ставского по стенограмме (в газетном изложении³⁷ речь была сокращена и достаточно сильно смягчена):

<...> Некоторые товарищи думают, что все, что говорилось у нас, все, что говорилось общественностью, — для наших корифеев — необязательно. Что они в ней так стоят особняком и все до них не касается и позволяют себе черт знает что. С этой точки зрения, статьи правила социалистического общежития — мне хочется привести несколько фактов для того, чтобы мы с вами условились, как мы будем их оценивать. Я имею в виду факты из поведения Пастернака. Некоторым товарищам нравятся его заумные слюшь и рядом выступления, состоящие из чрезвычайно характерных междометий, которые сразу вспоминаются, когда взглянешь на Пастернака, появляющегося в качестве оратора на трибуне. Эти междометия затягиваются, приобретают свое особое значение и выражение смысловое. Я, пересматривая документы нашей писательской общественности, натолкнулся на его выступление на Международном Конгрессе Защиты Культуры. Вы знаете, что такое этот конгресс и для чего мы посылали туда товарищей, посылали представителей советской литературы, самой передовой литературы в мире. Посылали представителей самой молодой, самой революционной литературы, литературы победоносного социализма. Казалось бы, что свое согласие поехать и Пастернак, как и другие товарищи, и свою поездку должен был использовать соответствующим образом. Как использовал эту трибуну Пастернак? Давайте посмотрим: «Поэзия останется всегда той превыше всех Альп, прославленной...» (читает)³⁸.

Удовлетворяет вас речь этого представителя нашей советской литературы на Международном Конгрессе Защиты Культуры, конгрессе борьбы против фашизма?

(Голос: Это вся речь?)

Это вся речь. Ничего больше. Ни одного слова.

(Голос: Нищая речь.)

Не только нищая речь, а это своеобразное нищенство, и мы обязаны об этом прямо сказать. Вот что нам мешает. Почему он это произносит и что сие значит, такая речь. Почему Пастернак молчит? Почему, когда он выходит, — начинает мычать нечленораздельно. Почему, когда мы обсуждаем творческий отчет Пильняка, а после этого следовало бы признать правильность мнения нашей общественности, почему Пастернак на этом заседании Президиума ничего у себя не нашел, кроме издевательства над Пильняком — что говорил я тебе, не советовал сюда ходить, а ты

получил по зубам и все. А сегодня как он пишет. Вот «Из летних записок» Пастернака, опубликованных, по-моему, по недосмотру редакции, в 10-й книге «Нового мира»:

«Счастлив, кто целиком,
Без тени чужеродья...» (Читает.)

Когда я это читаю и сравниваю с тем «Чем больше будет счастья на земле, тем легче быть художником»³⁹. Это черт знает что, без возмущения нельзя об этом говорить. Я не буду приводить другие строчки этого поэта, которого некоторые люди провозглашали чуть ли не вершиной социалистической поэзии, я имею в виду доклад Бухарина на съезде. Что тут поэтического? Ничего общего с поэзией это дело не имеет. А почему мы молчим? И дальше мы обязаны подумать, почему мы об этом факте говорили, но ответа писательская общественность не получила от Пастернака. Почему он сдал в издательство перевод свой поэмы Генриха фон Клейста⁴⁰, в которой славословится военщина немецкая, разве он не знает, что Г.-фон Клейста канонизируют фашисты? И дальше, был у нас Андрэ Жид, который здесь кое с кем из литераторов встречался и разговаривал о том, что делается и, с их слов, очевидно, кое-что написал о Советском Союзе. А дальше мы имеем такие факты, как заявление Пастернака, в то время как вся писательская общественность, вся советская общественность возмущена этим двурушничеством в угоду фашистам, — находится Пастернак, который говорит, что книжка Андрэ Жиды правильная⁴¹. В этом доме и не так давно. В то время как здесь провозглашали здоровье Сталина и праздновали праздник Конституции, нашелся этот человек — подскажите, как его лучше назвать, — который выступил в таком заявлении.

(Голос: Позор.)

Вот что является тем счастьем, которое вляется на земле и его надо поднимать⁴².

Как же можно серьезно говорить о том, что мы справимся с задачами, поставленными перед Союзом писателей, если у нас есть такие люди и есть люди, которые всерьез принимают этих людей. Вопросы эти надо обязательно обсудить и высказаться нашей писательской общественности.

Пусть сам Пастернак придет и расскажет, что он думает. Как можно всерьез бороться за нашу социалистическую литературу, когда мы видим в нашей среде особенно яркие капиталистические пережитки: зависть, чванство, нежелание участвовать в общественной жизни, нежелание учиться⁴³.

Из выступавших в прениях по докладу Ставского один лишь А.А.Фадеев коснулся темы Пастернака, да и то вскользь: говоря о том, какие выдающиеся люди утверждали на Съезде Советов Конституцию, он восхищался их «трудовой биографией» и добавил:

Если бы Борис Пастернак и Юрий Олеся проделали эту биографию, то, возможно, что они физически не выдержали, померли бы.

(Голос: Наоборот, они окрепли бы.)⁴⁴

Из републикованной нами «Спецсправки НКВД» (DV. 1992. №0) видно, что речь Ставского была достаточно враждебно

воспринята многими писателями и многим казалось, что Пастернак все еще не утратил своего влияния.

В газетной публикации выступление Ставского, как уже говорилось, выглядело иначе. Были исключены восклицания «черт знает что такое», саркастические характеристики пастернаковской манеры говорить, полностью исчез «парижский сюжет», вместо упоминания книги А.Жиды появилось обвинение Пастернака в солидарности с подлой зарубежной клеветой на Советский Союз. Остались выпады, связанные с поведением на творческом отчете Б.Пильняка и, что существенно, появилась конкретная формулировка претензий к стихотворению «Счастлив, кто целиком...». Последние строки его о народе «Он, как свое изделие // Кладет под долото твои мечты и цели» объявлялись «клеветой на народ». Это уточнение чрезвычайно важно. Возмущение Ставского стихотворением о поэте-интеллигенте и народе в целом может свидетельствовать о том, что слова из второй строфы о «шеренге прихлебал» он принял на свой счет. Переакцентировкой критики на последнюю строфу подменялась мотивировка нападок: дескать, поэт клеветает на народ, а не на писателей (а того хуже партийных вождей), говорящих от народного имени⁴⁵. Отметим попутно, что лишь в газетном варианте доклада Ставского появились выпады в адрес Демьяна Бедного, о парадоксальной поэтической солидарности, с которым Пастернак заявил в феврале 1936 г. на Минском пленуме.

Именно на газетный текст Ставского отвечал Пастернак письмом в «Литературной газете». Не касаясь тем Жиды и Пильняка, поэт лишь разъяснял не понравившиеся Ставскому последние строки стихотворения⁴⁶.

Очевидно, выступление Ставского обозначает ту границу, когда Пастернак начинает избегать писательских заседаний. Но в первые месяцы 1937 года ему еще как минимум дважды приходится соблюдать «нормы поведения», диктуемые положением члена правления Союза писателей. Однако в обоих случаях, внешне совершая компромисс, поэт фактически ведет себя прямо противоположно тому, чего от него добиваются.

25 января на заседании Президиума Союза писателей было принято «гневное» письмо в связи с процессом «семнадцати» — Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольникова и др. Пастернак, отсутствовавший на заседании, был вынужден напра-

вить письмо с просьбой присоединить свою подпись. Полный текст этого поразительного документа был обнаружен и опубликован А.Галушкиным⁴⁷. Во вступительной статье к публикации Л.Флейшман убедительно показывает, что Пастернак не только не употребил в своем письме набора требуемых разоблачительно-политических штампов, но наполнил его таким количеством абсолютно «крамольных» заявлений, что публикация даже части такого письма в газетах 1937 года была немыслима. В результате даже подпись Пастернака присоединена не была⁴⁸.

Второй случай — выступление Пастернака на Пушкинском пленуме Правления Союза писателей 26 февраля 1937 г. Это был мрачайший эпизод «культурной жизни» тридцатых. Пленум проходил в Колонном зале Дома Союзов, где месяц назад шел процесс «семнадцати», 28 февраля был арестован Н.Бухарин, а в эти дни шел Пленум ЦК ВКП(б), посвященный разбору его деятельности; напомним, что в ближайшие месяцы после пленума были арестованы выступавшие на нем О.Таш-Назаров, Я.Бронштейн, С.Чанба, С.Туя, Я.Виртанен (все погибли), А.Александрович. Может показаться, что советская литературная номенклатура собралась отпраздновать столетие меткого дантесовского выстрела, недаром выступавшие часто, видимо оговариваясь, произносили слово «юбилей». Так завершал В.Кирпотин первый день Пленума:

...Может ли быть лучшее доказательство уважения к искусству в Советском Союзе, как этот небывалый, невозможный нигде в другом месте размах пушкинского чествования в эти юбилейные дни. <...> Эти небывалые дни пушкинского юбилея не пропадут даром. Глубокая культурная пахота ускорит рост литературы в нашей советской стране⁴⁹.

В чем же заключалась эта «пахота»? Собственно о Пушкине говорили не так много, хотя и были такие почти анекдотические вещи, как доклад Сабита Муканова «Пушкин — казахский народный поэт». Лев Длигач, в свою очередь, провозгласил, «что к Пушкину относятся вдохновенные слова Сталина: “Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты”»⁵⁰. Словословий Сталину на пленуме было немало. Но главной политической темой пленума стал Пастернак. Первые выпады по адресу Пастернака содержались в докладах Н.Тихонова и С.Муканова (он пожаловался, что, читая стихи Пастернака, «плохо их понимает», а «в голове мало что остает-

ся»), а затем с большим посвященным Сельвинскому и Пастернаку докладом выступил Д.Алтаузен. Поэзию Пастернака он прямо назвал «вредительством», с этой точки зрения проанализировав его творчество от «Про эти стихи» и «Определения поэзии» до «Другу» и уже «облюбованных» Ставским стихов «Счастлив, кто целиком...». Разумеется, он не забыл напомнить присутствующим, что популярность Пастернака в последние годы вызвана «вредительскими докладами Бухарина и Радека» на 1-м съезде писателей. «Критику» Алтаузена продолжил старый друг Пастернака Д.Петровский, введя применительно к поэзии Пастернака излюбленный термин политических обвинений тех лет — «двурушничество»:

<...> Двурушничеством богаты за последнее время и общественные поступки Пастернака <...> считаю <...> совершенно неизбежным открыто и без обиняков призвать Пастернака к порядку как поэта и гражданина, чтобы не оставалось ни у кого и тени сомнения в том, что в нашей среде допустимо существование подобных явлений двуличия. Никакой даровитостью не оправдать антигражданских поступков (я еще не решаюсь сказать сильнее)⁵¹.

На третий день Пленума (26 февраля) после несравнимо более мягкой по тону в отношении Пастернака речи Фадеева, поэт был вынужден выступить сам, хотя совсем еще недавно надеялся избежать выступлений; 12 февраля 1937 г. он писал отцу:

<...> А в нынешнем году это, кроме того, и столетняя годовщина его (Пушкина) смерти. По этому случаю у нас тут большие и очень шумные торжества. Стыдно, что я в них не принимаю участия. Но в последнее время у меня было несколько недоразумений, то есть меня не всегда понимают так, как я говорю и думаю. Общих мест я не терплю физически, а говорить что-нибудь свое можно лишь в спокойное время. И если бы не Пушкин, меня возможности превратных толкований не остановили б. Но на фоне этого имени всякая шероховатость или обмолвка показались бы нестерпимостью по отношению к его памяти, пошлостью и неприличьем⁵².

Последнее публичное выступление Пастернака (на Пушкинском пленуме) как всегда содержало больше откровенной «крамолы», чем видимости «верноподданничества». Пастернак заявил, что «двусмысленности» (не пожелав пользоваться термином «двурушничество») и «вредительство» в искусстве вообще невозможны. Поэт согласился «отмежеваться» от А.Жида, добавив при этом, что не думает, что его «межа настолько велика, чтобы отмежевание мое могло вас заинтересовать». Высказывая же отношение к книге Жида и подчеркнув, что знает о ней лишь из статей в советской печати, Пастернак

сказал, что не знает «зачем Андре Жиду было нужно каждому из нас смотреть в горло, щупать печенку и т.д.». Из этих слов трудно вывести обвинения Жида в «клевете», которые требовались. «Щупанье печенки» и «заглядывания в горло» обычно предшествуют, может быть и неприятному, но верному диагнозу.

С недоумением Пастернак отнесся к обвинениям в том, что он не удовлетворен существующим политическим строем. Как же можно не быть им удовлетворенным, если от него некуда деваться: на Западе — фашизм или «старящаяся западная демократия, которую ожидает расправа со стороны этого фашизма. <...> Нужно быть животным <...>, чтобы это вообще привлекало». Если же вообразить возможность перенестись назад в XIX век, то там можно найти лишь «подготовление революции нашей, растянувшееся на 100 лет». «Время сказало бы» человеку, явившемуся из XX века: «отправляйся назад, я иду туда, откуда ты явился, не болтайся на дороге».

Но, может быть, важнейшей частью выступления Пастернака стало его точное формулирование своей общественной позиции тридцатых годов:

Бывало временами, что единственной виной того, что я говорил не так, было преувеличенное или искаженное представление вообще о свободе, о своей собственной. Это долгий разговор, и трудно здесь об этом говорить. Я недостаточно глубоко, зрело, умно отличал дни от годов. Надо это понимать. Это моя вина, моя оплошность, недалекость. Например, я чувствую, что через год-два нравы будут такие-то. Тов. Фадеев говорил о том, что желательно развитие нашей внутрисоветской демократии в союзе, какие плоды она может дать⁵³.

Но ведь этот процесс займет какое-то время.

Иногда со мной случалось, что я такую тенденцию чувствовал, и я знал, что это есть у нас, и мне казалось, что уже весь процесс истек и я опережал обстановку. Это было глупо. Это не на высоте не только общего положения, но и того положения, которое отведено каждому из нас. И с этой стороны у меня есть ляпсусы⁵⁴.

Трудно себе представить, что после такого «покаянного» выступления писательское начальство могло захотеть еще раз услышать от Пастернака публичное разъяснение своей политической позиции.

Появившаяся в «Правде» 28 февраля статья «О политической поэзии», не оставляла, по определению Л.Флейшмана, «сомнения в том, что ниспровержение с Олимпа является окончательным»⁵⁵, в статье утверждалось, что в стихах «Пастернака сквозь густой туман и юродство проглядывают совершенно ясные политические выпады» (пример такого выпада был взят из «Сестры моей жизни»: «Нашу

родину буря сожгла // Узнаешь ли гнездо свое, птенчик...»). Но вскоре поэту вновь дали убедительные в сохраняющемся к нему «благоволении»: в мае 1937 г. в «Октябре» появилась статья Н.Изгоева «Борис Пастернак» (подробный ее разбор также содержится в книге Л.Флейшмана), в которой Пастернак ограждался от упреков в связях с Бухариным: «Пастернак не может отвечать за то, что о нем думает Бухарин, как и за то, что мечтал увидеть в нем Андре Жид»⁵⁶. Но Пастернак, как кажется, уже уверившийся в бессмысленности своих выступлений в утвердившейся политической обстановке, более не желал участвовать в писательско-общественной жизни. Его *неучастие* также было, безусловно, продуманной позицией, но этот анализ выходит за рамки данной работы. Упомянем здесь лишь наиболее драматический эпизод, когда в июне 1937 г. поэт категорически отказывается подписать очередное письмо в связи с процессом Тухачевского, Якира и др. Вместо подписи Пастернак направил специальное письмо Сталину, в котором изложил мотивы своего отказа (письмо в настоящее время нам неизвестно).

Самоубийство Паоло Яшвили и арест Тициана Табидзе, двух близких друзей, чье принятие социалистического строя было куда безоговорочней, чем его собственное, похоже, окончательно освободило Пастернака от необходимости соразмерять свою внутреннюю позицию с политическими обстоятельствами эпохи.

Примечания

1. См.: Герштейн Э. О Пастернаке и об Ахматовой // Литературное обозрение. 1990. №2. С.97-99; Пастернак З.Н. Воспоминания // Неза. 1990. №2. С.140; Пастернак Е.В., Пастернак Е.Б. Координаты лирического пространства // Литературное обозрение. 1990. №3. С.96.

2. Очевидно, именно об этом Пастернак писал жене 14 августа 1935 г.: «<...> исхода письма Калинин, правда, жду, как чего-то нашего с тобой, как ребенка: родим свободу Виктору. Или, по крайней мере, некоторое облегченье». Л.Флейшман, видимо, ошибочно связывает эти слова с хлопотами об освобождении Виктора Сержа, см.: Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим, 1984. С.252.

3. Цит. по: Флейшман Л. Указ. соч. С.165.

4. ОР РГБ, ф.386, карт.148, ед.хр.83.

5. Ср., напр., проанализированную Флейшманом историю резких нападок на Г.Санникова и Б.Пильняка, подписавших вместе с Пастернаком некролог А.Белому. Никто из критиковавших ни разу не

упомянул Пастернака (Флейшман Л. Указ. соч. С.193-194, а также 197-198 и др.).

6. Письмо от начала июня 1931 г., см.: Письма Б.Л.Пастернака к жене З.Н.Нейгауз-Пастернак. М., 1993. С.53.

7. Цит. по: Флейшман Л. Указ. соч. С.221.

8. Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С.144.

9. Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. М., 1989. Т.2. С.620.

10. См. об этом: Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С.513, а также: Флейшман Л. Указ. соч. С.146.

11. Флейшман Л. Указ. соч. С.230.

12. Неправленая стенограмма, РГАЛИ, ф.631, оп.15, ед.хр.12, л.12.

13. Там же, л.24.

14. Литературная газета. 1935. 2 февраля. Цит. по: Флейшман Л. Указ. соч. С.230.

15. См. в воспоминания З.Н.Пастернак о подчеркнуто внимательном отношении к Пастернаку, которое она, правда, несколько смешивая последовательность событий, связывает с последствиями сталинского телефонного звонка: Нева. 1990. №2. С.141.

16. Вопросы литературы. 1969. №9. С.176.

17. Вспомним, что это годы практически полного «поэтического молчания» Пастернака.

18. РГАЛИ, ф.631, оп.15, ед.хр.14, л.27.

19. Там же, л. 37.

20. 15 мая 1935 г. Щербаков писал Горькому: «Шолохов просил т.Сталина освободить его от поездки в Париж. И.В. дал согласие, предложил наметить другого кандидата. И.В. также дал согласие включить одного делегата Белорусской литературы» // Архив А.М.Горького. Т.Х. Кн.1. М., 1964. С.372. По сравнению со списком, утвержденным Политбюро, вместо Шолохова были включены Вс.Иванов и Ф.Панферов, а от Белоруссии был включен Я.Колас (см.: Правда. 1935. 16 июня). Можно предположить, однако, что Панферов заменил столь не любившего его Горького.

21. Были направлены А.Корнейчук, И.Микитенко, П.Панч.

22. Закавказье представляли В.Алазан (Армения) и Т.Табидзе (Грузия).

23. РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, ед.хр.962, л.27.

24. Там же, л.42.

25. См. подробно в главе «Поездка в Париж» указанной книги Л.Флейшмана.

26. См. текст выступления: Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. М., 1990. Т.4. С.632.

27. Цит. по указанной книге Л.Флейшмана (С.262), ориентирующейся на воспоминания В.А.Катаняна.

28. См., напр., письмо А.Щербакова к Горькому от 11 января 1935 // Архив А.М.Горького. Т.Х. Кн.1.

М., 1964. С.363. Примечательно, что Горький отверг предлагавшийся план Щербакова об участии Пастернака в ближайших «парадных» мероприятиях Союза писателей. См. также: Флейшман Л. Указ. соч. С.222.

29. Флейшман Л. Письмо Пастернака Сталину // Русская мысль (Париж). 1991. 28 июня. (Лит. приложение. №12). С.VI-VII.

30. Там же. Первоначально опубликовано в еженедельнике ЦК КПСС «Гласность» (1990. 27 сентября. №16).

31. Литературное обозрение. 1990. №3. С.89.

32. Пастернак Е.Б. Намеренный риск // Литературное обозрение. 1990. №3. С.86-91.

33. РГАЛИ, ф.631, оп.15, ед.хр.75, лл.51-52.

34. Цитируется во вступительной статье А.Галушкина к публикации: Пильняк Б. Статьи 1922-1929 гг. // Возвращение. М., 1991. С.251.

35. РГАЛИ, ф.631, оп.15, ед.хр.75, лл.7-9.

36. См.: De Visu. 1992. №0. С.38; подробно см.: Флейшман Л. Указ. соч. С.378-386.

37. Литературная газета. 1936. 20 декабря; перепечатано в указанной книге Л.Флейшмана (с.382-383).

38. См. примеч. 26.

39. Цитата из выступления Пастернака на Парижском конгрессе.

40. Ср. в статье «Важнейшая задача» (Литературная газета. 1936. 5 сентября): «<...> Один из крупнейших поэтов, произнесших на парадных собраниях кучу пышных деклараций об овладении современной тематикой, отдает затем все свои творческие силы... переводам из Клейста». Ср.: Флейшман Л. Указ. соч. С.372.

41. Ср. с дневником А.Тарасенкова: Вопросы литературы. 1990. №2. С.95, а также: De Visu. 1992. №0. С.38.

42. Имеется в виду парижское выступление Пастернака.

43. РГАЛИ, ф.631, оп.15, ед.хр.109, лл.11-14.

44. Там же, л.39.

45. Именно так интерпретировал строки Пастернака Д.Петровский в докладе на Пушкинском пленуме Союза писателей.

46. Литературная газета. 1937. 5 января. Перепечатано: Флейшман Л. Указ. соч. С.385-386.

47. Независимая газета. 1991. 17 декабря. Вторая часть письма была по копии опубликована в книге Л.Флейшмана, а затем в публикации Е.В.Пастернак (Горизонт. 1990. №2). Ввиду исключительной важности этого документа, помещенного в полном виде лишь в газетной публикации, приводим его здесь полностью:

О чем думаю я, когда минутами выхожу из глубокого потрясения? Все эти годы складывались наши нравы, язык наших собраний, наш печатный слог. Как часто в это затаскивалась рука обмана, как часто, останавливаясь перед высоко-

парной недосказанностью и внутренне ей не веря, я, как оказывается, наталкивался на умышленную и заведомую недомолвку! Хочется, как рубашку, разорвать на себе все наше привычное словоодевание и остаться при одном голосе сердца, для подделки наименее благодарном. И что бы тогда первым делом напомнил он мне в эту страшную минуту?

Что никогда, вступая на наше обрывистое вековое раздорожье, не ждали мы, люди поколения, ручательства от революции в благополучном ее исходе. Беспартийные и какие бы то ни было связанные рождением с новым возрастом родины, понимали мы, что если даже суждено нам, горя, сгореть в общей катастрофе, то и тогда достаточно будет векового посмертного нашего свеченья на благо будущего, чтобы благословить время, так нами распоряжающееся.

Но случилось невероятное. Сто лет, начиная от декабристов, готовилась русская революция, и вот она пришла, та самая, о которой думал Пушкин с тем самым Кромвелем, который, может быть, мечтался ему. И по такой подготовке она должна была стать социалистической.

Общества, которое бы зиждилось не на частной собственности, история еще не знала. Согласно ходячей преемственности, ее упразднение означало конец света. Но свет не кончился, государство стало расти и крепнуть в новой устойчивости.

Чего же тогда они хотели, если это чудо не остановило их, чему всю молодость служили? Этого никогда не пойму я, и не ищу, и боюсь понять, ибо как я стал бы после этого жить дальше? Судьба, которую они себе приготовили, бледна по сравнению с тем, что они готовили современникам и потомству.

Б.Пастернак.

Прошу присоединить мою подпись к подписям товарищей под резолюцией Президиума Союза советских писателей от 25 января 1937 года. Я отсутствовал по болезни, к словам же резолюции нечего прибавить.

Родина — старинное, детское, вечное слово, и родина в новом значении, родина новой мысли, новое слово поднимаются в душе, и в ней сливаются, как сольются они в истории, и все становится ясно, и ни о чем не хочется распространяться, но тем горячее и трудолюбивее работать над выражением правды, открытой и ненапыщенной, и как раз в этом-то качестве недоступной подделке маскирующейся братоубийственной лжи.

Борис Пастернак.

48. Литературная газета. 1937. 26 января. (Резолюция Президиума Союза писателей была озаглавлена «Если враг не сдается, его уничтожают»).

49. См. в нашей работе «Позиция художника»: Литературное обозрение. 1990. №2. С.5.

50. РГАЛИ, ф.631, оп.15, ед.хр.182, л.30.

51. Там же, л.66.

52. Литературное обозрение. 1990. №2. С.5.

53. Вспомним, что Фадеев считался человеком исключительно близким к Сталину.

54. Пастернак Б. Собр. соч. в 5 тт. М., 1990. С.643.

55. Флейшман Л. Указ. соч. С.405.

56. Октябрь. 1937. №5. С.251. См.: Флейшман Л. Указ. соч. С.410-415.

А.Ю.Галушкин

В защиту свободы печати

«Газета-протест», «Слову — свобода!», «Щит»
Указатели содержания

Русская неподцензурная печать 1917-1918 гг. представляет собой уникальный и не в полной мере еще используемый исторический и историко-литературный источник. В первую очередь это можно отнести к газетам. К октябрю 1917 г. только в Москве и Петрограде издавалось не менее 300 газет. Первые полгода существования советской власти они оставались едва ли не основными центрами, вокруг которых группировалась творческая интеллигенция, оппозиционная новому режиму. Даже поверхностное знакомство с материалами этих газет позволяет существенно уточнить представления о том, как восприняла русская интеллигенция Октябрьскую революцию. Неприятие новой власти соединило на страницах изданий 1917-1918 гг. деятелей различных (а до Октября — часто противоположных) литературных и общественных лагерей. Практически каждая акция новой власти — будь то введение нового календаря или новой орфографии, Брестский мир или разгон демонстрации в поддержку Учредительного собрания — вызывала поток публикаций, единодушных в оценке происходящего. Среди авторов их — крупнейшие русские писатели, многие из которых позднее стали классиками советской литературы (А.Толстой, Л.Леонов, И.Эренбург, И.Соколов-Микитов, Л.Никулин и др.) Естественно, что публикации этого рода не отражались в таких библиографиях, как, например, «Русские советские писатели: Прозаики» или «Русские советские писатели: Поэты». Полное библиографическое описание этого материала позволит, несомненно, существенно дополнить историю русской послеоктябрьской литературы. Настоящая публикация — первая из запланированных «DV» работ в этом направлении.

Особое место в газетных публикациях 1917-1918 гг. занимал вопрос о свободе печати. Как известно, 27 октября (9 ноября) 1917 г. Совнарком принимает Декрет о печати, в котором, в частности, говорилось: «В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати

разных оттенков. Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати. <...> Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса». После этого декрета репрессии против свободной печати становятся особо жестокими — вплоть до реквизиции и уничтожения тиража, разгромов типографий, арестов редакторов и журналистов. 28 января (10 февраля) 1918 г. был принят Декрет о революционном трибунале печати. Ведению трибунала подлежали «преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати». Под последними понимались «сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа, а также нарушения узаконений о печати, изданных Советской властью». Революционный трибунал печати мог принимать решения — от наложения штрафа на издание и его полного закрытия до «лишения виновного всех или некоторых политических прав».

Русская независимая печать однозначно оценила эти акции новой власти. В конце 1917 — начале 1918 гг. вышли в свет издания, специально посвященные защите свободы печати. Роспись содержания трех таких газет мы предлагаем читателю. Эти издания не учтены в наиболее полных на сегодня указателях — пятитомнике «Газеты СССР. 1917-1960» и в трех вышедших томах четырехтомника «Газеты первых лет советской власти. 1917-1922»; хранятся в фондах Научной библиотеки ЦГА.

ГАЗЕТА-ПРОТЕСТ Союза русских писателей

Петроград, воскресенье, 26-го ноября
1917 г.

Редактор-издатель: Союз русских писателей.

Цена 20 коп. На ст. ж. д. 25 коп.

- Засулич В.И. Слова не убить. — С.1.
Короленко В. Протест. — С.1.
Кареев Н. Большой ребенок. — С.1.
Мережковский Д. «Водобоязнь — у собак...»: [Стихотв.]. — С.1.
Калмыкова А. Иван-Дурак и его братья-умники. — С.1.
Потресов А. Свободное слово. — С.1.
[Объявление о «Митинге в защиту свободы печати» 26 ноября в помещении кинотеатра «Soleil», Невский пр., д.48, с участием В.А.Базарова, М.Горького, Ф.И.Дана, А.М.Калмыковой, В.Лебедева, Д.С.Мережковского, В.Д.Набокова, М.П.Неведомского, А.Бовшовского, М.Камермахера]. — С.1.
Сологуб Ф. «Пути истории, как прежде, очень скользки...»: [Стихотв.]. — С.1.
Гиппиус З. Красная стена. — С.1.
Хирьяков А. Слуги дьявола. — С.1.
Редько А.Е. О бурбонах. — С.1.
Каренин В. [Без названия]. — С.1.
Тыркова А. Опасный враг. — С.1.
Ватсон М. «В дни постыдного насилия...»: [Стихотв.]. — С.1. — Дата: 24 ноября 1917 г.
Ганфман М. Печать в наши дни. — С.2.
Гуревич Л. Русские мальчики. — С.2.
Неведомский М. Башка — дура, штык — молодец. — С.2.
Рыс П. Крайности сходятся. — С.2.
Сорокин П. [Без названия]. — С.2.
Быховский Н. Осквернение идеала. — С.2.
Замятин Е. Четверг: (Сказка). — С.2.
Вильямс Г. Неизбежное. — С.2.
Сталинский Е. [Без названия]. — С.2.
Ното Novus [Кугель А.Р.]. Насильникам. — С.2.
Ляцкий Е.А. Притчи. — С.2.
Мижув П. Джефферсон о печати. — С.2.
- Протесты против насилий над печатью**
- Резолюции Союза писателей: [О свободе печати, о необходимости освобождения из под ареста В.Л.Бурцева, А.А.Аргунова и др.]. — С.2.
Резолюция Союза печатников / Комитет борьбы за свободу печати. — С.2.
- СЛОВУ — СВОБОДА!**
Издание Клуба московских писателей
- Воскресенье, 10-го декабря 1917 года.
Москва.
Редактор-издатель: Клуб московских писателей.
Цена 30 коп.
- Содержание. — С.1.
Москва, 10 декабря: [Ред. ст.]. — С.1.
Новое насилие. — С.1.
Амари [Цетлин М.О.]. «Социализация» печати. — С.1.
Арцыбашев М. Защита слова. — С.1.
Балтрушайтис Ю. Наперсникам насилия («Пусть темная секира рубит...»): [Стихотв.]. — С.1.

Бальмонт К. Неизбежность («Призрак Емельяна Пугачева...»): [Стихотв.]. — С.1. — Дата и место написания: 7 декабря 1917 г., Москва.

Он же. Свобода слова («Свобода слова — свет ума живого...»): [Стихотв.]. — С.1. — Дата и место написания: 7 декабря 1917 г., Москва.

Бунин И. Молчание («По знойно-желтому ушело...»): [Стихотв.]. — С.1.

Бах А. Социализм и свобода. — С.1.

Боровой А. Анархизм и свобода слова. — С.1. — Дата: 6 декабря 1917 г.

Веселовский А. [Без названия]. — С.1.

Валентинов Н. Фамилия этого человека. — С.2.

Вересаев В. Двадцать лет назад. — С.2.

Волошин М. Святая Русь («Суздаль и Москва, не для тебя ли...»): [Стихотв.]. — С.2.

Он же. Бонапарт («Париж в огне. Король низложен с трона...»): [Стихотв.]. — С.2.

Он же. Мир: 19 ноября 1917 («В России — мир. Ее на последях...»): [Стихотв.]. — С.2.

Он же. Март: (1917 г.) («В Москве на Красной площади...»): [Стихотв.]. — С.2.

Волькенштейн В. [Без названия]. — С.2.

Воронов Б. Борьба за свободу печати. — С.2.

Гельфгот А.П. В черные дни. — С.2.

Гершензон М. [Без названия]. — С.2.

Смирнов Е. [Гуревич Э.Л.]. Они и социализм. — С.2.

Давыдов Н. [Без названия]. — С.2.

Жилкин И. [Без названия]. — С.2.

Зайцев Б. [Без названия]. — С.2.

Неизвестный отрывок из дневника Л.Толстого

Чертков В. Редакционной комиссии Клуба московских писателей: [Отр. из письма]. — С.2. — Дата: 7 декабря 1917 г.

Толстой Л. Из дневника 1895 г. — С.2

Иванов В. «Ругаясь над старою славою...»: [Стихотв.]. — С.2. — Дата: 5 декабря 1917 г.

Иорданский Н. Кто боится света. — С.2.

Козловский Л. Нет прощенья. — С.3.

Каллаш В. Буржуазный предрассудок. — С.3.

Кизеветтер А. «E pug si muove!». — С.3.

Крандиевская А. Закон. — С.3.

Кускова Е. Мечтатели. — С.3.

Ладыженский В. [Без названия]. — С.3.

Лидин В. [Без названия]. — С.3.

Минор О.С. Нет силы могучее свободного слова! — С.3. — Дата: 7 декабря 1917 г.

Мануилов А. Не бывать этому и не будет. — С.3.

Мензбир М. [Без названия]. — С.3.

Муравьев Н. Загрязнение народной совести. — С.3.

Новиков И. Из старой книги («Я помню с детства старой книги...»): [Стихотв.]. — С.3. — Дата: 7 декабря 1917 г.

Новгородцев П. [Без названия]. — С.4.

Осоргин М.А. [Без названия]. — С.4.

Прокопович С. Власть без культуры. — С.4.

Ордынский С. Новым самодержцам. — С.4.

Рачинский Г. [Без названия]. — С.4.

Розенберг В. Подслушанный разговор. — С.4. — Дата: 6 декабря 1917 г.

Соболь А. Мертвое слово. — С.4.

Сумбатов А. [Без названия]. — С.4.

Телешов Н. [Без названия]. — С.4.

Толстой А. [Без названия]. — С.4.

Устинов В. [Без названия]. — С.4.

Хижняков В. «Буржуй». — С.4.

Чириков Е. Гасителям духа человеческого. — С.4.

Шестов Л. [Без названия]. — С.4.

Шмелев И. Свободному народу. — С.4. — Дата: декабрь 1917 г.

Эренбург И. Божье слово («В ту годину люди отступились от Господа...»): [Стихотв.]. — С.4.
 Яффе Л. Елдад и Медад. — С.4.

Военное положение в Москве. — С.4.
 Революционный трибунал. — С.4.
 Декрет о печати. — С.4.
 Военная цензура. — С.4.

От Московской печати: [Список изданий, отка-
 завшихся от представления своих материалов в
 военную цензуру]. — С.4.

ЩИТ

Издание Московского комитета защиты печати

№1

Пятница, 5-го января 1918 г.
 Цена 25 к.

Наш щит: [Ред. ст.]. — С.1.
 День скорби. — С.1.
 Осоргин М.А. Жандармы орудуют. — С.1.

В защиту слова (Голоса писателей и журналистов): [Ответы на анкету]

Вересаев В. [Без названия]. — С.1.
 Шмелев И. [Без названия]. — С.1.
 Телешов Н. [Без названия]. — С.1.
 Кускова Е. [Без названия]. — С.1.
 Розенберг В. [Без названия]. — С.1.
 Яблоновский С. [Без названия]. — С.1.
 Ардов Т. [Без названия]. — С.1.

Открытие Учредительного собрания Манифестация в Москве 5-го января

От Союза защиты Учредительного собрания. — С.1.

Призыв социалистов-революционеров / Москов-
 ский комитет партии социалистов-революционеров.
 — С.1.

Товарищи печатники!: [Воззвание] / Организа-
 ционное бюро социал-демократов (меньшеви-
 ков) и фракция социалистов-революционеров рабочих-пе-
 чатников. — С.1.

Призыв железнодорожников: [Из возвания Мос-
 ковского областного железнодорожного бюро партии
 социалистов-революционеров]. — С.1.

Призыв тор<гово>-промышленных служащих. — С.1.

Привет журналистов Учредительному собранию /
 М.Осоргин, председатель Московского профессиональ-
 ного союза журналистов. — С.1.

Подготовка гарнизона. — С.1.
 Среди солдат и рабочих. — С.2.
 Среди меньшевиков. — С.2.
 Рабочие и Учредительное собрание. — С.2.
 К журналистам: [Время и место сбора манифе-
 стантов 6 января] / Комитет защиты печати. — С.2.
 Маршрут. — С.2.

Петроград (По телеф<ону> от спец<иального> корресп<ондента>)

В Таврическом дворце. — С.2.
 Среди петроградского гарнизона. — С.2.
 Накануне. — С.2.
 Состав Учредительного собрания. — С.2.
 Деятельность Союза защиты Учредительного со-
 брания. — С.2.

Кандидатура В.М.Чернова. — С.2.
 Рабочая конференция Союза защиты Учредитель-
 ного собрания. — С.2.
 Социалисты-р<еволюционеры> и Учредитель-
 ное собрание. — С.2.
 Мирные переговоры. — С.2.
 Смольная рада. — С.2.
 Принудительный заем. — С.2.
 Вокруг покушения на Ленина. — С.2.
 Приговор по делу Пуришкевича. — С.2.
 Большевики об аресте редакции «Воли народа»:
 [П.Сорокина, А.Аргунова и др.]. — С.2.
 Арест редакции газ<еты> «День». — С.2.
 Перерыв телеграфного сообщения. — С.2.

Москва

Заккрытие газет: [«Московский листок», «Земля и
 воля»]. — С.2.

Печать и революционный трибунал: [Резолюция
 Московского городского комитета защиты печати о
 непризнании Революционного трибунала печати]. —
 С.2.

Общепартийный митинг. — С.2.

Приказ об аресте румынского короля: (По те-
 леф<ону> от спец<иального> корресп<ондента>). —
 С.2.

Коломна: Рабочие против большевиков. — С.2.

Телеграммы

Гражданская война. — С.2.
 В защиту Учредительного собрания. — С.2.
 Перерыв мирных переговоров между большевика-
 ми и украинцами. — С.2.
 Подробности исчезновения Пятакова. — С.2.
 Новые налоги. — С.2.
 Суд над большевиком Кривошеиным. — С.2.
 Вооруженная реквизиция. — С.2.

[Объявление о митинге «Свобода печати и
 Учредительное собрание», устраиваемым Московским
 комитетом защиты печати 5 января в кинотеатре
 «Кино-Арс», ул.Тверская]. — С.2.

№2

Понедельник, 8-го января 1918 г.
 Цена 25 к.

[Обращение Союза защиты Учредительного со-
 брания в связи с разгоном демонстрации 5 января]. —
 С.1.

[Извещение о кончине А.М.Ратнера]. — С.1.
 Да здравствует Учредительное собрание!: [Ред.
 ст.]. — С.1.

Красные или черные?. — С.1.

Учредительное собрание

Открытие. — С.1.
 Выборы председателя. — С.1.
 Чернов В.М. Речь: [Изложение]. — С.1.
 Бухарин Н.И. Речь: [Изложение]. — С.1.
 Церетели И.Г. Речь: [Изложение]. — С.1.
 После перерыва. — С.1.
 Вопрос о мире. — С.1.
 Заявление украинцев. — С.1.
 Раскольников [Ф.Ф.]. Выступление: [Изложе-
 ние]. — С.1-2.
 Вмешательство караула. — С.2.
 Принятие законов. — С.2.
 Приказ Ленина: [Изложение]. — С.2.

Декрет о роспуске Учредительного собрания / Исполнительный Центральный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — С.2.

Законодательная деятельность Учредительного собрания. — С.2.

Вокруг Учредительного собрания

Воззвание с<оциалистов>-р<еволюционеров> к рабочим и солдатам: [Изложение] / Петроградский комитет партии эсеров. — С.2.

Защита железнодорожниками Учредительного собрания: [Из резолюции съезда железнодорожников]. — С.2.

Фракционные соглашения. — С.2.

Заседание Цент<ального> к<омитета> с<оциалистов>-р<еволюционеров>. — С.2.

Приведение гарнизона в боевую готовность. — С.2.

Закрытие газет: [«Дело народа»]. — С.2.

Большевистская пресса о событиях: [«Правда», «Известия»]. — С.2.

Арестованные с<оциалисты>-р<еволюционеры>. — С.2.

Письмо А.Ф.Керейского. — С.2.

Убийство Логинова. — С.2.

Заседание Совета р<абочих> и с<олдатских> депутатов. — С.2.

* * *

Последние известия: (По телефону из Петрограда). — С.2.

Москва

Привет Учредительному собранию / Данилов, исполняющий обязанности Председателя московской городской думы; Студенецкий, исполняющий обязанности московского городского головы. — С.2.

[Приветствие Учредительному собранию от московских социалистов-революционеров]. — С.2.

Арест 60 представителей Комитета партии с<оциалистов>-р<еволюционеров>. — С.2.

Жертвы пятого января. — С.2.

В Совете р<абочих> и с<олдатских> д<епутатов>. — С.2.

Нелегальная газета: [«Вперед»]. — С.2.

К взрыву в Дорогомилове. — С.2.

Обыск в «Дрездене»: [В редакциях газет «Социал-демократ», «Вперед», «Деревенская правда» и др.]. — С.2.

[Извещение от редакции]. — С.2.

* * *

Жертвы террора: [А.М.Шингарев, Ф.Ф.Кокошкин]. — С.2.

Убийство А.М.Шингарева и Ф.Ф.Кокошкина. — С.2.

Панихида. — С.2.

* * *

Манифестация в Петрограде. — С.2.

Книжные, журнальные и газетные обзоры «DV» информируют о материалах в текущей печати, относящихся к русской литературе 1890-1930-х гг.

Аннотации составляются на основе данных, сообщаемых в обзореваемых изданиях. «DV» не несет ответственности за неточные сведения, ошибки публикаторов и авторов.

КНИГИ

Тэффи. Смешное в печальном: Рассказы, роман, портреты современников / Сост. Б.Аверина; Вступит. ст. Б.Аверина и Э.Нитраур; Примеч. Э.Нитраур и О.Фетисенко. — М.: Сов. писатель, 1992. — 512 с. Тираж 15000 экз.

В книгу вошли, в основном, рассказы 1920-1951 гг., эмигрантского периода творчества писательницы. Таким образом, «Смешное в печальном» существенно дополняет вышедшие ранее в России книги Тэффи «Ностальгия» (Л., 1989) и «Юмористические рассказы» (М., 1990), составленные преимущественно из рассказов дореволюционного периода. Впервые перепечатываются «Авантюрный роман» (1930) Тэффи и, что представляет на наш взгляд особый интерес, некоторые из ее мемуарных очерков 1931-1955 гг. (печатались в газетах «Возрождение» и «Новое русское слово», в журнале «Возрождение»). Герои этих полуочерков-полурассказов — А.Куприн, Г.Чулков и В.Мейерхольд, И.Репин, Г.Распутин, В.Розанов и А.Измайлов, Ф.Сологуб, К.Бальмонт, И.Фондаминский, З.Гиппиус, Д.Мережковский, Б.Пантелеймонов, А.Толстой; отдельно отметим воспоминания Тэффи о работе в газете «Новая жизнь» (1905) и встречах в редакции с В.И.Лениным. Вошедшие в книгу очерки непосредственно примыкают к «Воспоминаниям» Тэффи, посвященным 1918-1920 гг. и включенным в упомянутую выше книгу «Ностальгия».

Ходасевич В. «Некрополь» и другие воспоминания / Вступит. ст., сост. и коммент. Е.М.Беня. — М.: ОПТЦ «Мир искусства»; «Наше наследие», 1992. — 336 с.

Сборник составили: автобиографическая заметка «О себе» (1922), перепечатываемая полностью книга «Некрополь» (в которую, впрочем, «волею составителя» был почему-то включен очерк «Блок и его мать»), воспоминания, оставшиеся за пределами «Некрополя»: «Младенчество», «Московский Литературно-художественный кружок», «Неудачники», «Пролеткульт и т.п.», «Книжная палата», «Белый коридор», «Дом искусства», «Поездка в Порхов», «Во Пскове».

Книга о Владимире Соловьеве / Сост. Б.Аверина и Д.Базановой; Вступит. ст. Б.Аверина; Коммент. Д.Базановой и Е.Павловой. — М.: Сов. писатель, 1991. — 512 с. Тираж 5000 экз.

Книга реально вышла в конце 1992 г., но на титуле ее обозначен 1991 г. Составлена из двух разделов: в первый вошли воспоминания о Соловьеве (В.Л.Величко, М.С.Безобразова, К.М.Ельцова, А.М.Ремизов, Н.К.Никифоров, И.И.Попов, А.Ф.Кони, Л.П.Никифоров, В.А.Пыпина-Ляцкая, С.К.Маковский, В.Д.Кузьмин-Караваев, Е.Н.Трубецкой, Н.А.Макшеева, А.Белый, Н.В.Давыдов, С.Н.Трубецкой, А.А.Салтыков, Д.Н.Церетелев, А.В.Амфитеатров, А.Блок, В.В.Розанов), во второй — статьи о нем (Вяч.Иванов, Н.А.Бердяев, Э.Л.Радлов, С.Н.Булгаков, Л.М.Лопатин, Е.Н.Трубецкой, Д.С.Мережковский). Некоторые воспоминания (в частности, А.М.Ремизова, А.А.Салтыкова, К.М.Ельцовой) печатаются по эмигрантским изданиям. Издание сопровождается вступительной статьей Б.Аверина «Жизненная драма В.С.Соловьева» (с.3-10), комментариями (в которых, в частности, приведены и биографические справки обо всех мемуаристах), именованным указателем.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступит. ст., сост., примеч. и аннот. указатель имен А.И.Добкина. — М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. — 512 с. Тираж 30000 экз.

Воспоминания историка и краеведа Н.П.Анциферова (1889-1958), автора знаменитого эссе «Душа Петербурга»*, охватывают несколько десятилетий — от детских лет до 30-х гг. XX в. На страницах книги встречаются Н.И.Кульбин, Ф.Ф.Зелинский, Э.Д.Гримм, Н.И.Кареев, А.К.Лозина-Лозинский, А.С.Петровский и др. Отдельная глава посвящена И.М.Гревсу; содержатся ценные сведения, в частности, об истории создания петроградского журнала «Свободные мысли» (1918) и деятельности кружка А.А.Мейера. В таком объеме воспоминания Н.П.Анциферова публикуются впервые. Издание сопровождается научным аппаратом, сам по себе являющийся источником разнообразных историко-культурных сведений о жизни России первой трети XX в.

* Сравнительно недавно эта работа и две других статьи, «Петербург Достоевского» и «Петербург Пушкина», были переизданы в книге Н.П.Анциферова «Непостижимый город...» (Л., 1991) с содержательными комментариями и вступительной статьей А.М.Конечного и К.А.Кумпан.

Айседора: Гастроли в России: Сб. статей / Сост., подгот. текста и коммент. Т.С.Касяткиной; Вступит. ст. Е.Я.Суриц. — М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992. — 416 с. Тираж 5000 экз.

В книге представлены материалы, связанные с гастролями А.Дункан в России в 1904-1924 гг. (статьи, рецензии, интервью), а также некоторые некрологи, опубликованные в советской прессе в 1927 г., и воспоминания о Дункан. Среди авторов — М.Волошин, Н.Шебуев, А.Плещеев, С.Рафалович, А.Бенуа, Ю.Беляев, В.Светлов, С.Соловьев, А.Белый, А.Горнфельд, А.Ростиславов, Ф.Сологуб, В.Розанов, М.Фокин, С.Волконский, А.Кугель, А.Левинсон, А.Эфрос, М.Кольцов, П.Коган, О.Литовский, А.Питровский, В.Масс, А.Сидоров, В.Ардов, А.Луначарский, А.Гвоздев, А.Пастернак, И.Соллертинский и др. Книга снабжена подробной вступительной статьей и комментариями (с.372-412), в которых, в частности, даны биографические справки обо всех авторах.

Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах. Т. II/III. — М.: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова; «Российский архив», 1992. — 560 с. Тираж 30000 экз.

Этот выпуск исторического альманаха* посвящен, в основном, XVIII-XIX вв.; однако среди этих материалов мы встречаем «Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине», принадлежащие перу писательницы В.А.Жуковской (1885-1956) (публикация Т.Латыповой, с.252-317); воспоминания директора Санкт-Петербургского Эрмитажа Д.И.Толстого (1860-после 1933) «Революционное время в Русском Музее и в Эрмитаже» (публикация С.Г.Блинова, с.330-361); письмо Д.Мережковского А.Вольнскому (от 19 октября 1891 г.; публикация Н.Пушкаревой, с.245-246); «Материалы к биографии» Вл.Соловьева — записи бесед С.М.Лукьянова с Э.Э.Ухтомским, Э.Л.Радловым, А.Ф.Кони, воспоминания И.А.Гриневской о Соловьеве, письма А.Ф.Кони, А.Д.Оболенского, В.Е.Гиацинтова, Е.К.Мамоновой, Е.Н.Шуцкой к С.М.Лукьянову (публикация А.Шаханова, с.391-427).

Принципиальная позиция «Российского архива» (вызывающая искреннее сожаление «DV») — публикация архивных текстов, сопровождаемых *небольшой* вступительной заметкой и *небольшим* реальным комментарием. По-видимому, в таком же обрамлении будут печататься в «Российском архиве» и материалы М.О.Меньшикова, которому редакция решила посвятить весь 4-й том.

Н.Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17-19 сентября 1991 г. / Сост. И.Г.Кравцовой, М.Д.Эльзона. — СПб., 1992. — 135 с. Тираж 2000 экз.

Книга достойно продолжает серию научных изданий, выпускаемых с 1990 г. Музеем Анны Ахма-

товой в Фонтанном доме в Санкт-Петербурге: сборники «Михаил Кузмин и русская культура XX века» (Л., 1990), обилие ссылок на который хотя бы только на страницах «DV» свидетельствует о его качестве, и «Хлебниковские чтения» (СПб., 1991). В книгу вошли статьи: М.Баскер «Гумилев, Рабле и «Путешествие в Китай»: К прочтению одного прото-акмеистического мифа» (с.5-24); Ш.Греем «Гумилев и примитив» (с.25-31); М.Йованович «Николай Гумилев и масонское учение» (с.32-46); Н.А.Богомолов «Окультурные мотивы в творчестве Гумилева» (с.47-50; с полным вариантом этой работы наш читатель познакомился в «нулевом» номере «DV»); И.Г.Кравцова «Н.Гумилев и Эдгар По: Сопоставительная заметка Анны Ахматовой» (с.51-57); С.Б.Ильинская «К.Кавафис и Н.Гумилев, «отчасти» параллельные» (с.58-66); В.С.Баевский ««У каждого метра есть своя душа»: (Метрика Н.Гумилева)» (с.67-74); С.Г.Шиндин «Мандельштам и Гумилев: О некоторых аспектах темы» (с.75-83); О.В.Шиндина «Несколько замечаний к проблеме «Вагинов и Гумилев»» (с.84-91); К.Ичин «Межтекстовый синтез в «Заблудившемся трамвае» Гумилева» (с.92-97); С.В.Полякова «Источник одного образа из «Заблудившегося трамвая» Гумилева» (с.98). В разделе публикаций — «Новонайденный конспект выступления Н.С.Гумилева в редакции журнала «Аполлон» 5 апреля 1911 г.» (подготовлено К.Ю.Лаппо-Данилевским, с.101-103); «Новонайденные тексты Н.С.Гумилева» (подготовлено М.Д.Эльзоном, с.104-108); «Гумилев и Кузмин на «Вечере современной поэзии» в Москве 2 ноября 1920 г.: (По дневнику М.А.Кузмина)» (подготовлено С.В.Шумихиным, с.109-111); «Из архивно-библиографических разысканий» М.Д.Эльзона (с.113-115); И.А.Курляндский «Адъютант комиссара Временного правительства» (о военной службе Гумилева во Франции, с.116-130); И.Н.Пунина «Еще раз о месте расстрела Н.С.Гумилева» (с.131-132), К.М.Поливанов «Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии» (Л.Горнунга на книгу Гумилева «К синей звезде», с.133-136).

Хазан В. Материалы к спецкурсу «Из истории русской поэзии Серебряного века». Вып. I / Чечено-Ингушский госуниверситет. Кафедра русской литературы XX века. — Грозный, 1992. — 142 с. Тираж 1000 экз.

В книге три очерка: «О некоторых неотмеченных параллелях Мандельштама и Пастернака», посвященный скрытому диалогу и полемике в художественных текстах поэтов первой половины 1930-х гг. (с.5-42); «Пир во время чумы» Пушкина в художественных исканиях XX века: Эпюд» (с.43-77), посвященный феномену литературного бытования» пушкинского мотива в поэзии Мандельштама, Пастернака, Ахматовой, Цветаевой, Хлебникова, Блока; «Ахматова и Есенин: Предварительные заметки к теме» (с.78-91) — наименее убедительный, на наш взгляд, очерк («смежные художественные структуры в их творчестве» были обусловлены, по мнению исследователя, «общим социально-культурным топосом» поэтов и общим «национально-мифологическим Логосом»).

* Первый выпуск вышел в 1991 г. и содержал, в частности, мемуарные «Записки» Б.Садовского, воспоминания В.Я.Ирецкого о Н.Гумилеве, «Литературные афоризмы» П.П.Перцова, запись Е.Ю.Рапп о смерти Н.Бердяева, воспоминания В.Лидина о переносе праха Гоголя в 1931 г., «Материалы к биографии» В.В.Розанова и впервые публикуемую вторую часть «Африканского дневника» Андрея Белого.

Хазан В. О.Мандельштам и А.Ахматова: Наброски к диалогу. — Грозный, 1992. — 278 с. Тираж 750 экз.

Работа, по определению автора, носит «предварительно-заявочный характер» и «рассчитана на исследовательскую перспективу». В книге пять глав: «...Поэзия есть сознание своей правоты»: Заметки о харизматическом мифе Мандельштама и Ахматовой»; «А.Ахматова. “Я над ним склонюсь, как над чайшей...” (Попытка комментария)»; «О мандельштамовских поэтических посвящениях 10-х годов Ахматовой: (Некоторые наблюдения)»; «“Соломинка” Мандельштама и “Тень” Ахматовой: Портрет одного адресата на фоне двух эпох» (о С.Н.Андрониковой-Гальперн); «Два Воронежа: Тезисы к теме».

Варшавский В.С. Незамеченное поколение. — М.: ИНЭС, 1992. — 384 с. Тираж 5000 экз.

Репринт с издания 1956 г., вышедшего в нью-йоркском «Издательстве имени Чехова», подготовлен ассоциацией «Русская энциклопедия». В.С.Варшавский (1906-1973) характеризует свою книгу как «опыт рассуждения о судьбе “эмигрантских сыновей”», т.е. тех представителей русской эмиграции, которые покинули Россию в юности и становление которых происходило уже за рубежом. «Они еще помнят Россию и на чужбине чувствуют себя изгнанниками. В этом их отличие от последующих эмигрантских поколений, — пишет В.Варшавский. — Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этом их отличие от поколений старших. Зато есть в их судьбе сходство с судьбой всех “лишних” людей русского прошлого и всех “потерянных” поколений Европы и Америки». В книге рассматриваются идеология и деятельность младороссов, НТС, РСХД и др. Отдельная глава посвящена молодой эмигрантской литературе (Б.Поплавский, В.Набоков, поэты «парижской школы» и др.)

В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917-1927 / Сост., вступит. ст. К.Аймермахера. — М.: Книжная палата, 1992. — 512 с. Тираж 2500 экз.

Впервые сборник документов советской литературной политики вышел в 1972 г. в Штутгарте на немецком языке; для российского издания книга была дополнена и уточнена. Все документы, входящие в сборник, расположены в хронологическом порядке — с ноября 1917 г. по ноябрь 1927 г. Здесь и хрестоматийные постановления и резолюции ЦК, статьи В.И.Ленина, А.Луначарского, Я.Яковлева и пр., и тексты, редко или никогда не перепечатывавшиеся (из «Правды», «Известий», «Октября мысли», «Звезды», «Жизни искусства», «Журналиста», «Советского искусства» и др.) Среди авторов — Б.Малкин, А.Воронский, В.Лебедев-Полянский, Л.Троцкий, Н.Чужак, И.Майский, Г.Лелевич, Г.Якубовский, П.Керженцев, С.Родов, Г.Горбачев, М.Фрунзе, И.Варейкис, Л.Авербах, Ф.Раскольников и др. Книге предпослана аналитическая статья К.Аймермахера «Советская литературная политика между 1917-м и 1932-м» (пер. с нем. Ю.Мадора; с.3-61). К сожалению, как нас известил составитель, издательство без его ведома выбросило более 400 библиографических ссылок и подстрочных примечаний к вступительной

статье и публикуемым текстам, а из именного указателя были убраны аннотации к фамилиям.

Данная книга является 1-м томом планирующегося издания, 2-й том должен вобрать в себя материалы, относящиеся к 1928-1932 гг. и Приложение (тексты, не являющиеся собственно литературно-политическими документами, среди авторов — В.Брюсов, Е.Замятин, В.Короленко, М.Горький, В.Маяковский и др., печатаются материалы некоторых дискуссий — о «социальном заказе» и пр.) Однако в реальность выхода этого тома поверить трудно.

Александр Георгиевич Габричевский. 1891-1968. К 100-летию со дня рождения: Каталог выставки произведений / Под ред. Я.В.Брука; Авторы-сост. О.С.Северцова и Я.В.Брук. — М.: Сов.художник, 1992. — 240 с. Тираж 1500 экз.

В каталог, выпущенный Государственной Третьяковской галереей к юбилею известного искусствоведа и художника, вошли статьи А.М.Кантора «Александр Георгиевич Габричевский: Философия, наука, искусство» и М.В.Алпатова «Слово о Габричевском», очерки О.С.Северцовой «Вокруг Габричевского», посвященные взаимоотношениям А.Г.Габричевского и его жены, художницы Н.Северцовой, с В.Н.Чекрыгиным, Н.П.Феофилактовым, А.П.Остроумовой-Лебедевой, Е.С.Кругликовой, М.В.Нестеровым, И.В.Жолтовским, Р.Р.Фальком, Л.Ф.Жегиным, Н.И.Альтманом, С.Д.Лебедевой и др. К этим очеркам примыкает статья Р.Б.Климова «Живопись Натальи Северцовой». В каталоге впервые публикуются две статьи А.Габричевского («Живопись» и «Героический пейзаж и искусство Киммерии»), даются основные даты его жизни и творчества, библиография. Особо отметим впервые публикуемую переписку А.Габричевского и М.Волошина, охватывающую октябрь 1924 — весну 1929 гг. и содержащую интересные (иногда забавные) факты художественно-литературной жизни 20-х гг.

В каталоге воспроизведены и живописные работы — как самого А.Габричевского, так и из его собрания.

Русская философия: Философия как специальность в России: Вып. 1-2 / Сост. Ю.Н.Сухарева. — М.: ИНИОН, 1992. — 304 с. Тираж 400 экз.

«Научно-справочное издание» (подзаголовок) подготовлено Ю.Н.Сухаревым в результате многолетних изысканий в архивах и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Составитель определяет жанр своей работы как «возможный максимум “наборов” профессиональной информации по ключевым, основным вопросам специальности» и добавляет: «Ассоциации, аналогии, параллели, обобщения, обработка знания в зависимости от своих возможностей (способностей) — удел профессионального читателя». Удел этот, судя по работе Ю.Н.Сухарева, не легкий.

Книга состоит из 4-х разделов. В 1-м, вводном, можно найти и сведения о распространении книгопечатания в мире, и отрывки из русских частушек и побасок (главка «Мысли простых людей — устная и письменная традиция»), и выписки из Табели о рангах, и справку об институте цензуры в России, и прочие неожиданные, скажем мягко, материалы. Несомненно более ценна та часть 1-го раздела, в которой содержатся сведения о системе руководства высшей школой в России, порядке утверждения научных степеней и защиты диссертаций и пр.

В разделе 2-м, названном «Профессиональные философы в России», (этот раздел, впрочем, мог быть и 1-м, и 15-м) — выписки из справочника «Весь Петербург» за 1908 г., одностраничный перечень газет и журналов Петрограда за 1914 г. (с включением сведений о ценах на глицериновое мыло и места в Александринском театре) и др. Далее — биографические сведения о профессорско-преподавательском составе кафедры философии историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (с 1863 г., в частности, об С.А.Алексееве, А.И.Введенском, Л.Е.Габриловиче, И.И.Лапшине, Н.О.Лосском, В.Э.Сеземане, В.С.Соловьеве) — с приведением выписок из их работ, конспектов лекций, рабочих записей и т.п., *curriculum vitae*. В Приложении ко 2-му разделу почему-то перепечатана статья И.И.Лапшина «О трусости в мышлении» и А.Ф.Лазурского и С.Л.Франка «Программа исследования личности в ее отношениях к среде». Второй раздел (после Приложения) продолжают такие же справки и материалы по преподавательскому составу кафедры философии Московского университета (Н.Я.Грот, Л.М.Лопатин, В.С.Соловьев, С.Н.Трубецкой, Г.И.Челпанов, Б.Н.Чичерин, В.Ф.Эрн и др.), а также Киевского, Харьковского, Новороссийского (Одесса), Дертпского, Казанского, Варшавского и др. университетов.

В разделе 3-м описываются библиографические указатели, каталоги, словари и энциклопедии по философии, даются справки о философских журналах и фрагментарное описание их содержания (в том числе, — «Трудов и дней», «Логоса»).

Раздел 4-й — на наш взгляд, наиболее интересен: это исторические справки о деятельности философских обществ в России до революции, включающие в себя выписки из уставов, программных документов, перечень членов и др. (в том числе, и о Религиозно-Философском обществе в Санкт-Петербурге).

Издание в целом производит впечатление перепечатанных типографским способом конспектов, не структурированных, фрагментарных, но и в этих

«черновых» материалах, впрочем, есть ценные сведения.

Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указатель / Рос. гос. б-ка. Ч.2. — М.: РГБ, 1992. — 176 с. Тираж 500 экз.

Второй выпуск указателя* состоит из трех разделов, описывающих: редакции газет и журналов — издателей книг (122 позиции), редакторов — издателей книг (28 позиций) и авторов — издателей книг (593 позиции); последний раздел, на взгляд «DV», представляет особый интерес, так как является своеобразным указателем авторских изданий за 1917-1929 гг. В книге именной указатель, указатели периодических изданий и хронологический (соответственно к разделам 2 и 3). Предполагается также выпуск частей 3 и 4 указателя (частные издатели, издательские подразделения различных учреждений и пр.).

Газеты первых лет советской власти. 1917-1922: Сводный библиогр. указатель. — М., 1990. — Ч.П. — 273 с. Тираж 2500 экз.

В выходных данных указателя значится 1990 г., однако, книга появилась реально только в начале 1993 г. Другие две части указателя, 2-я и 4-я, вышли в соответствии с датами на титульном листе — в 1990 г. Указатель, подготовленный ГБЛ, Государственной публичной библиотекой и Книжной палатой, описывает российские газеты 1917-1922 гг.; приводятся сведения о месте хранения и комплектности каждого издания (причем учтены далеко не только библиотеки Москвы и Санкт-Петербурга). При всех несомненных достоинствах, указатель даже на первый взгляд показался «DV» далеким от полноты: особенно это относится к неподцензурным газетам 1917-1918 гг. и к изданиям, выходившим в годы Гражданской войны на территориях, не контролируемых советской властью. После выхода последней части этого указателя составителям его, мы надеемся, станет очевидна необходимость издания тома «разрешенной» печати.

ЖУРНАЛЫ

Журналы, просмотренные «De Visu» (декабрь 1992 г.): Библиография, Вестник МУ: Серия 7. Философия, Вестник МУ: Серия 8. История, Вестник МУ: Серия 9. Филология, Вестник МУ: Серия 10. Журналистика, Военно-исторический журнал, Волга, Вопросы истории, Вопросы философии, Грани, Даугава, Дальний Восток, Детская литература, Дружба народов, Журналист, Звезда Востока, Знамя, Известия РАН: Серия литературы и языка. Т. 51, Известия СО РАН: Серия истории, филологии и философии, Иностранная литература, Искусство кино, Континент, Литература в школе, Литературная учеба, Литературное обозрение, Литературный Киргизстан, Молодая гвардия, Москва, Московский вестник, Московский журнал, Московский наблюдатель, Музыкальная жизнь, Наука и жизнь, Наука и религия, Наш современник, Неман, Новое время, Новый мир, Общественные науки и современность,

Огонек, Октябрь, Отечественные архивы, Отечественная история, Памир, Посев, Простор, Работница, Радуга (Таллинн), Россияне, Русская речь, Свободная мысль, Север, Славяноведение, Смена, Советский музей, Современная драматургия, Согласие, Социологические исследования, Столица, Фотография, Человек.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

* Первый выпуск вышел в 1990 г. и описывал издания и издательские учреждения Москвы и Петрограда, о каждом из них давалась информация о периоде деятельности, владельцах, членах правлений, редсоветов и других лицах, ответственных за издательскую деятельность (938 позиций; именной указатель).

Вопросы философии:

В №12 — статья П.П.Гайденко «Под знаком мемы: Либеральный консерватизм П.Б.Струве».

Там же — статьи П.Б.Струве «Великая Россия: Из размышлений о проблеме русского могущества», «Интеллигенция и народное хозяйство», «В.В.Розанов, большой писатель с органическим пороком», «Индивидуализм и социализм» (печатаются по изданию: Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм: Сб. ст. за пять лет: (1905—1910)*. — СПб., 1911); составление П.П.Гайденко.

Там же — статья М.А.Колерова и Н.С.Плотникова «Творческий путь П.Б.Струве».

Там же — «Материалы к творческой биографии П.Б.Струве», включающие в себя, в частности, письма П.Б.Струве к В.Г.Черткову (от 27 февраля и 5 марта 1902 г.), к Г.П.Струве (от 14 ноября и 12 декабря 1920 г.) и наброски и тезисы различных докладов и работ; составление, публикация и примечания М.А.Колерова.

Грани:

В №166 — под заглавием «Письмо в 1922 год писателю Борису Зайцеву» рецензия Т.Жилкиной на книгу: Зайцев Б. *Мои современники*. London: OPI, 1990.

Здесь и теперь:

В №2 (вышел в декабре) — статья Ф.Губера «Василий Гроссман и Андрей Платонов», посвященная взаимоотношениям писателей в конце 1940-х — начале 1950-х гг.; в статье приводятся дарственные надписи Платонова Гроссману на книгах, некоторые материалы деятельности Комиссии по литературному наследству А.Платонова и экспертно-оценочной комиссии ЦГАЛИ, письмо М.А.Платоновой В.Гроссману, содержащее биографические сведения об А.П.Платонове.

Там же — материалы В.Гроссмана о А.П.Платонове: «Речь на гражданской панихиде по Андрею Платонову», «Заключение об архиве писателя Андрея Платонова», «Предисловие к сборнику избранных произведений Андрея Платонова» (публикация Ф.Губера).

Там же — статья Д.Кудри «Поэт — это ответ», открывающая подборку материалов к 100-летию со дня рождения М.Цветаевой.

Там же — статья О.Резиной «Горизонты Марины Цветаевой» (отзыв о книге В.Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой», опыт интерпретации цветаевского цикла «Куст»).

Там же — статья Н.Дацкевич и М.Гаспарова «Тема дома в поэзии Марины Цветаевой».

Там же — эссе Л.Козловой «Одинокий дух: (Марина Цветаева и время)» о гражданственности в творчестве поэтессы.

Там же — статья В.Микушевича «Лебединая песня новой души: (Теодицея Марины Цветаевой)».

Там же — 16 писем М.И.Цветаевой Г.Б.Гулю 1922-1924 гг.; публикация и комментарий Л.Мнухина.

Там же — черновик неопубликованной статьи М.Цветаевой «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (по поводу его книги «Шум времени»); публикация, предисловие и примечания Е.Коркиной.

Там же — отрывок из письма М.Цветаевой к В.А.А. (инициалы не раскрыты) из брюссельского

журнала «Родные перезвоны» (1952. №1; 1965. №153); публикация Л.Мнухина, послесловие «Дело поэта» Д.Кудри.

Там же — отрывок из новой книги А.Саакянц «Марина Цветаева: Жизнь и творчество», озаглавленный «Московские загороды» и охватывающий июнь 1939 — июнь 1940 гг.

Знамя:

В №12 — «Из дневника: 1955-1969» Корнея Чуковского (окончание; начало — в №11); публикация и комментарии Е.Ц.Чуковской.

Литературная учеба:

В №5/6 — анонимная рецензия на книгу: Страшнов С. «Молодеет и лад баллад»: Баллада в истории русской советской поэзии. — М.: Современник, 1991 (в частности, о балладах Н.Тихонова, И.Сельвинского, М.Светлова, Э.Багрицкого).

Там же — анонимная рецензия на книгу: Писатели советуются, негодуют, благодарят: О чем думали и что переживали русские писатели XIX — начала XX века при создании своих произведений: По страницам переписки. — М.: Книга, 1990 (составитель и автор вступительных текстов А.Э.Мильчин).

Там же — «Письма М.М.Бахтина» (публикуются отрывки из писем 1960-1965 гг. к В.В.Кожину); вступительная статья, примечания и подготовка текста В.В.Федорова.

Там же — «Из черновых тетрадей» М.М.Бахтина (наброски задуманных работ 1940-1960-х гг., в том числе «О любви и познании в художественном образе» (1943); «К вопросам самосознания» (1946); «Диалог» (1952); «К Достоевскому» (1962); подготовка текстов В.И.Славецкого, послесловие В.Кожина.

Там же — статья Н.Шубниковой-Гусевой ««Волшебная странность»: (Русское зарубежье о Есенине)» и перепечатка статей З.Гиппиус «Судьба Есениных» («Последние новости», Париж, 1926, 28 января), В.Ходасевича «О Есенине» («Возрождение», Париж, 1932, 17 марта), Р.Гуля «Есенин» («Заря», Харбин, 1923, 12 декабря); публикация и примечания Н.Шубниковой-Гусевой.

Литературный Киргизстан:

В №11/12 — подборка из восьми известных стихотворений М.Цветаевой 1913-1934 гг. с редакционным предисловием, рассказывающим о жизненном пути поэтессы.

Московский вестник:

В №5 — окончание «Автобиографических заметок» С.Булгакова (начало — в №4).

В №6 — главы из книги воспоминаний Кима Саранчина «Мгновения жизни» (в частности, о встречах в 50-е годы с Л.Кассилем, А.Твардовским, А.Фадеевым).

Там же — «Из «Бесконечного тупика»» Д.Галковского (в публикуемых фрагментах, в частности, речь идет о поэзии Маяковского и диалоге у Хармса).

Наука и жизнь:

В №12 — «Рассказы о непостижимых» А.Цветаевой (3 рассказа о животных: «Слониха Понна и пес», «Рассказ о коте», «Друг»); предисловие С.Айдиняна.

Наука и религия:

В №12 — продолжение работы А.Никитина «Тамплиеры в Москве» (начало в №4-11); в этом номере речь идет о «духовном наследнике» А.А.Карелина — представителе русского анархо-мистицизма А.А.Солоневиче (1887-1937); здесь же под рубрикой «Легенды Ордена Тамплиеров» публикуется записанная Солоневичем легенда Карелина «Гибель Атлантиды» (комментарии к публикации Е.Лазарева).

Наш современник:

В №12 — статья «евразийца» П.Савицкого «Подданство идеи» (публикуется по сборнику: Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921); предисловие и подготовка к публикации А.Шатилова.

Там же — под заглавием «“Я не отрицаю своей вины...”»: («Дело» Петра Орешина 1937 года) печатаются материалы следственного дела поэта; публикация, подготовка текста и комментарии С.Волкова).

Новое время:

В №51 — под заглавием «О сверхдемократии» публикуется фрагмент из «Восьмого письма» книги Н.Бердяева «“Философия неравенства”»: Письма недругам по социальной философии» (Берлин, 1923).

Новый мир:

В №12 — рецензия К.Ю.Постоутенко на книгу: Флейшман Л. Материалы по истории русской и советской культуры из архива Гуверовского института // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1992. Vol.5. Первый раздел книги — «Из горьковской биографии» (Горький и В.Л.Бурцев); второй — «Эпизоды из истории американо-советских культурных отношений» (Б.Пильняк, С.Эйзенштейн).

Там же — рецензия А.К. на книгу: Волкова М. Стихотворения / Под ред. Элизабет Добрин и Барбары Штайн. (Мюнхен: Изд-во «Петер Д.Штайн», 1991).

Октябрь:

В №12 — повесть Марка Алданова «Десятая симфония» (впервые напечатана в 1931 г.); публикация, подготовка текста и примечания А.Чернышева.

Там же — окончание романа И.Одоевцевой «Оставь надежду навсегда» (начало — в №10, 11).

Там же — продолжение «Иисуса Неизвестного» Д.Мережковского (начало — в №11).

Там же — статья А.Архангельского «Движущийся ребус: Над строками “Высокой болезни” Бориса Пастернака и не только».

Там же — рецензия Б.Чернина на книгу: Набоков В. Бледное пламя / Пер. с англ. С.Ильина. Свердловск, 1991.

Там же — под заглавием «Серебряный фермуар» — воспоминания Т.Коншиной о С.Я.Эфроне (встречи с октября 1917-го по январь 1918-го гг.); вступление и публикация Г.Черменской.

Памир:

В №11/12 — статья А.Иванова «Возвращение Дон-Аминадо» и подборка из трех стихотворений поэта.

Радуга (Таллинн):

В №12 — публикуется ответ И.Шмелева на анкету «Как я стал писателем» (впервые — «Иллю-

стрированная Россия», 1934, №500); подготовлено С.Поляковой.

Свободная мысль:

В №18 — под заглавием «Годы учения, годы скитаний» рецензия В.Сапова на издания: Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., предисл. и примеч. А.В.Липского. М., 1992; Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиографический роман / Пер. с англ. П.П.Кротова и А.В.Липского. Сыктывкар, 1991.

Смена:

В №12 — републикация работы о Лжедмитрии «Царь или не царь?» историка, писателя, мемуариста Сигизмунда Феликсовича Либровича (1855-1918); источник публикации и публикатор не указаны.

Там же — републикация хроники Л.Гроссмана «Казнь Достоевского» (1928); источник публикации и публикатор не указан.

Согласие:

В №12 — воспоминания В.А.Мануйлова «Н.А.Клюев» (встречи в Ленинграде в 1927-1928 гг.)

Столица:

В №49 — очерк М.Осоргина «Эмигранты» («Русские ведомости», 5 января 1911 г.); публикация и вступительная заметка Л.Поликовской.

В №50 — под заглавием «Работа над ошибками» рецензия И.Л. на книгу: Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М.: Книга, 1991 (репринтное издание).

В №51 — под заглавием «То, что надо» рецензия Н.Малинина на «нулевой» номер «De Visu».

Там же — статья Н.Малинина «Как Розанов был музеифицирован» (об открытии в Сергиевом Посаде музея В.В.Розанова).

* * *

В декабре 1992 г. вышел первый номер журнала «Новое литературное обозрение» (в подзаголовке «Теория и история литературы, критика и библиография»). Издатель — ТОО «Новое литературное обозрение», в редакцию входят: И.Прохорова (главный редактор), К.Постоутенко (теория), С.Панов (история), Т.Михайловская (практика). Редакция состоит из 15 человек, собравшихся не только из Петербурга, Москвы, Риги, но и Олбани, Лос-Анджелеса, Кембриджа (Массачусетс), Анн Арбора, Констанца, Иерусалима: К.Азадовский, Х.Баран, Г.Белая, В.Вацура, М.Гаспаров, А.Жолковский, А.Зорин, А.Лавров, Д.Мальмстад, А.Осват, О.Ронен, И.Смирнов, Р.Тименчик, Е.Тоддес, А.Чудаков. Тираж 5000 экз.

В программной вступительной статье И.Прохоровой «К читателю» сформулирована позиция нового издания: «НЛО» отказывается от «догматизма, идеологической зашоренности и мрачной помпезности старой журнальной практики», не приемлет «вульгарной сенсационности и натужного эпатажа нового журнализма», исключает из понятия «новизны» «традиционно-разрушительные коннотации», не желает «потрясать основы» и «возводить очередные вавилонские башни». Ставка «НЛО» — на «узкую специализацию и высокий профессиональный уровень издания»; «свою высокую культурную миссию» журнал «видит в том, чтобы способствовать установлению

новой шкалы незыблемых культурных ценностей и подготовке для этой цели профессионального инструментария».

Объемный первый номер «НЛО» (почти 30 печатных листов) включил в себя разнообразнейшие материалы. «Изыскную словесность» (название первого раздела) представляет рассказ Н.С.Лескова «Бесчувственная любовь» (публикация А.Ранчина), цикл стихотворений Г.Сапгира «Из книги “Черновики Пушкина”» (которому предшествует беседа с поэтом Е.Перемышлева), неопубликованные стихотворения Михаила Файнермана (с предисловием Б.Колымагина «Михаил приветствует Юпитера») и три стихотворения Алекса Сэндоу, который в представлении не нуждается.

В отделе «Теория» — перевод работы М.Риффатера «Формальный анализ и история литературы» (вступительная статья С.Козлова), отрывок из новой книги Ю.Лотмана и Ю.Г.Цивьяна «Диалоги с экраном», статьи К.Ф.Тарановского «Сладкие и влажные рифмы у Лермонтова», Ю.И.Левина «Симметрия и ее нарушение в структуре лирического стихотворения» с «Постскриптумом» М.Л.Гаспарова.

В отделе «История» — впервые публикуемая записка Ф.Тютчева Николаю I, 1845 г. (пер. с французского, предисловие, примечания и публикация А.Л.Осповата); «Главы из воспоминаний моей жизни» М.А.Дмитриева (предисловие, примечания и публикация О.А.Проскуриной), три заметки к 200-летию П.Я.Вяземского (Д.Н.Черногорского, К.А.Кумпан, Д.П.Ивинского) и три заметки, не приуроченные ни к какому юбилею (В.Вацуру о Пушкине, И.Кравцовой об Ахматовой, А.Рейтблата об авторстве романа «Белашапочники», 1838). Жанр «заметок» продолжают материалы В.Сажина, А.Ранчина, А.Зорина, И.Ю.Винницкого, С.В. [С.Бирюкова?], охватывающие период от С.П.Шевырева до «Академии зауми», созданной в 1990 г. в Тамбове.

В отделе «Практика», кроме упомянутых выше материалов Г.Сапгира, Б.Колымагина, М.Файнермана и А.Сэндоу, — статьи Г.Померанца «Коринфская бронза», В.Курицына «Мы поедем с тобою на “А” и на “Ю”».

Богато представлены в «НЛО» публикации по тематике «DV». К.М.Азадовский публикует письмо Р.М.Рильке А.С.Суворину от 5 марта 1902 г. со обширным предисловием и комментариями, освещающими значение России для творчества немецкого поэта; широко привлечены архивные источники (с.116-130). Н.А.Богомолов печатает неизвестные стихи М.Кузмина 1905-1906 гг. и письма поэта В.В.Руслову 1907-1908 гг.; вступительная статья — «Михаил Кузмин: Вхождение в литературный мир» (с.130-151).

К 100-летию со дня рождения М.Цветаевой фототипическим способом воспроизводится рукопись ее статьи «Слово о Бальмонте» (ранее статья публиковалась в обратном переводе с сербохорватского); предисловие В.Швейцер (с.152-176). В этой же цветаевской подборке — статья О.Ронена «Часы ученичества Марины Цветаевой» (с.177-190).

В разделе «Рецензии. Заметки» — полный вариант статьи И.Кравцовой «Об одном адресате Анны Ахматовой» (Г.Г.Фейгин), ранее в сокращении — «Русская мысль», 1991, 10 января.

В разделе «Смесь» отметим «Тысячу мелочей» В.Сажина, среди которых — литературные анекдоты 1920-х гг. и неизвестная редакция стихотворения М.Волошина «Готовность» (с.269-270). К.А. [Азадовский К.М.?] публикует заметки по поводу статьи Х.Майера («Die Welt der Slaven», 1991) о мандельштамовских переводах из М.Бартеля (с.274-275). Г.Морев (с.275) уточняет дату рождения В.Р.Ховина (30 июня 1891 г.).

Почему-то в разделе «Практика» мы находим статью Б.М.Гаспарова «Мой до дыр» о скрытой полемике с В.Маяковским в «Мойдодыре» К.Чуковского (с.304-319).

Рецензии в «НЛО» не выделены в отдельную рубрику и разбросаны по разделам. Так, в «Теории» — рецензия К.П. на книги «Сборник статей к 70-летию Ю.М.Лотмана» (Тарту, 1992) и «В честь профессора Ю.М.Лотмана» (Тарту, 1992), а также рецензия С.Доценко на библиографический указатель «Труды по русской литературе и семиотике кафедры русской литературы Тартуского университета» (Тарту, 1991). В разделе «История» — рецензия Г.Морева на книгу К.Вагинова «Козлиная песнь» (М., 1991) и В.Ю.Проскуриной на книгу А.Штейнберга «Друзья моих ранних лет» (Париж, 1991).

В разделе «In memoriam» — статья Б.Бермана «Луна и вода в мире Толстого», предисловие А.Зорина «Памяти друга»; некролог Я.Гину, подписанный А.Ф.Белуосовым, Г.А.Левинтоном, А.Л.Осповатом и Р.Д.Тименчиком, и библиография работ Я.Гина.

Выделим раздел, по названию совпадающий с рубрикой «DV», — «Книги. Журналы. Газеты», хотя книжные аннотации в «НЛО» больше напоминают микрорецензии. Под заголовком «Журналы. Газеты» даются короткие, без подробного раскрытия содержания, справки о новых журналах 1989-1992 гг. (16 названий).

Завершает «НЛО» «Хроника», в которой, в частности, помещены содержательный отчет К.Рогова о Шестых Тыняновских чтениях, а также отчеты Е.Трофимовой о фестивале «Поэта 92» в Салерно и Дианы Початой о III российско-американской конференции по проблемам современной культуры (июнь 1992 г.).

* * *

В декабре появился и №1 «Вестника Еврейского университета в Москве» (главный редактор — М.Гринберг; тираж 5000 экз., 256 с.); издается в сотрудничестве с George and Jenny Beoch Stiftung (Швейцария) и American Joint Distribution Committee. «Мы надеемся, — пишут в редакционной статье М.Гринберг и А.Ковельман, — сделать журнал трибуной свободного обмена мнений, обязательной принадлежностью кабинета историка, филолога, социолога, работающего с еврейской тематикой» (с.3).

В номере статьи: Гудков Л., Левинсон А. «Отношение населения СССР к евреям»; Локшин А. «Формирование политики: Царская администрация и сионизм в России в конце XIX — начале XX вв.»; Юхнева Н. «“Мы были... мы жили...” (О рассеянии евреев-ашкеназов в России)»; Ахизер А. «Антисемитизм в России: Взгляд культуролога»; Рогачевский А. «“Верноподданный еврей”: Новые данные о Лейбе Неваховиче»; архивный обзор Г.Аграновского «Документы И.-Л.Гордона в Вильнюсском архиве»; воспо-

минания Д.Романовского «Чашники» о массовых расстрелах евреев в Белоруссии в 1942 г.; краткое жизнеописание раввина Йозефа Захарии Штерна, подготовленное д-ром С.Фишбеином; библиографические заметки А.Рогачевского «Еврейская тема в русской литературе первой половины XIX в.»; обзор «Советская и иностранная литература о евреях за 1990 г.» (автор не указан); рецензия Р.Капланова на книгу Э.Мендельсона «Евреи Центрально-Восточной Европы между двумя мировыми войнами» (Блумингтон, 1983).

Из материалов по тематике «DV» отметим содержательную статью Е.Динерштейна «А.С.Суворин и «еврейский вопрос»» (с.57-74), построенную, в основном, на материалах суворинской газеты «Новое время». Интересна и статья Г.Казовской «Шагал и еврейская художественная программа в России» (с.83-96), прослеживающая связи творчества Шагала с «духовной художественной культурой <...> российского еврейства» (в частности, роль художника И.Пэна в формировании Шагала).

Под названием «Русское общество и евреи: Забытые и неопубликованные статьи Ю.Айхенвальда» публикуются статьи Айхенвальда «Бялик» (впервые), «Еврейский Надсон» (о С.Г.Фруге, из рижской газеты «Сегодня», 1926, 18 июля), «Русская литература и

евреи» (о В.В.Розанове, публикуется по газетной вырезке РГАЛИ, место публикации не установлено), «Большевизм-антисемитизм» (из берлинской газеты «Руль», 1923, 18 ноября, под псевдонимом Б.Каменецкий), «Большевизм и сионизм» (по гектографированному оттиску 1918 г., место публикации не установлено). Вступительная статья, публикация и примечания — А.Рейтבלата (с.134-150).

В подборку «В.Жаботинский. Письма русским писателям» (с.200-221) входят: три письма Жаботинского В.Г.Короленко (1898-1899), письмо И.А.Бунину (1900), Л.Н.Андреву (1909), И.В.Жилкину (1906), три письма А.В.Амфитеатрову (1910-1915); предисловие, примечания, публикация Х.Фирина, а также восемь писем М.Горькому (1903-1927); предисловие, примечания и публикация А.Колгановой.

В отчете Л.Кациса о петербургской конференции «Евреи в России» (июнь 1992 г.) — в частности, сведения о докладе А.Стоун-Нахимовского (США), посвященном отношению к еврейству у И.Бабеля и В.Гроссмана, и докладе самого Л.Кациса, посвященном «разговору» В.Розанова и А.Штейнберга.

Роспись публикаций последующих номеров «НЛО» и «Вестника Еврейского университета» будет включена в журнальные обзоры «DV».

ГАЗЕТЫ

Газеты, просмотренные «De Visu» (декабрь 1992): Аргументы и факты, Арт-фонарь, Век, Ветеран, Вечерний клуб, Вечерняя Москва, Восточный экспресс, Гласность, Голос, Голос Родины, Гудок, Гуманитарный фонд, Деловой мир, 24, День, Домострой, Досье-ЛГ, Еврейская газета, Известия, Книжное обозрение, Комсомольская правда, Крестьянская Россия, Крестьянские ведомости, Криминальная хроника, Культура, Куранты, Литературная газета, Литературная Россия, Литературные новости, Московская правда, Московские новости, Московский комсомолец, Народная газета, Начало, Неделя, Независимая газета, Патриот, Подмосковные известия, Подмосковье, Позиция, Политика, Правда, Рабочая трибуна, Радикал, Российская газета, Российские вести, Россия, Русский вестник, Семь с плюсом, Семья, Собеседник, Совершенно секретно, Советская Россия, Сын Отечества, Труд, Учительская газета, Федерация, Цирк, Экран и сцена.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Век:

В №16 — под заглавием «Зачем приходит Воланд» беседа О.Битова с автором романа «Возвращение Воланда» В.Ручинским о «Мастере и Маргарите» М.Булгакова.

В №17 — статья Р.Баландина «Князь Кропоткин: К 150-летию со дня рождения».

В №18 — рецензия А.Соколянского «Сентиментальный роман» на постановку в Театре Романа Виктюка пьесы Э.Олби «Лолита» (по роману В.Набокова).

Вечерний клуб:

В №234 — заметка С.Сорокина «Премьера Тэффи» о спектакле Театра-студии в Хамовниках «Тэффи» (по рассказам писательницы).

В №237-238 — заметка А.Чуминова ««Агни Йога» Елены Рерих» о презентации в Международном центре Рерихов двухтомника писем Е.Рерих.

В №242-243 — под заглавием ««Чет Чет-Театр» ставит Велимира Хлебникова» рецензия К.Мухина на спектакль «Зангези» по «сверхповести» Хлебникова (режиссер А.Пономарев).

В №245-246 — под заглавием «Шутка театра и Аверченко» рецензия К.Мухина на спектакль Театра имени В.Маяковского «Шутка Мецената» по произведениям А.Аверченко (режиссер Т.Ахрамова).

В №254 — под заглавием «Сон в лунную ночь: Пьеса Марины Цветаевой на сцене ГИТИСа» рецензия М.Строевой на постановку цветаевского «Приключения» (режиссер И.Поповский).

Вечерний Петербург:

В №276 — заметка А.Крыжановского «Скандал вокруг и около Большого дома» (о вечере памяти Н.Олейникова, прошедшем в Петербургском Доме писателей).

В №279 — под заглавием «Вместо ленинской идеи нас разули и раздели» заметка о Международной конференции «Фольклор ГУЛАГА» (прошла в ноябре 1992 г. в Петербурге) и подборка лагерных частушек, анекдотов и песен 1920-1950-х годов; публикация подготовлена писателем-фольклористом В.Бахтиным.

Вечерняя Москва:

В №245 — заметка К.Ильина «Цветаевой посвящается» о вышедших к 100-летию со дня рождения

М.Цветаевой миниатюрных изданиях ее произведений, в том числе: «Песня и формула» (Петрозаводск) и «Вольный проезд» (Тамбовская организация книголюбов).

В №249 — к 75-летию газеты «Гудок» перепечатываются стихотворная заметка Ю.Олеши «Все на первом месте» («Гудок», 24 апреля 1925 г.) и фельетон М.Булгакова «О пользе алкоголизма» («Гудок», 15 апреля 1925 г.)

Голос Родины:

В №51 — заметка Н.Тебина «Международный центр Рерихов все еще во флигеле, но действует» (о презентации двухтомника писем Е.И.Рерих).

Гудок:

В №237 — статья А.Борисова «С мечтой о свободе: Сегодня 150 лет со дня рождения П.А.Кропоткина — русского революционера, ученого».

В №246 — под заглавием «Да, это — Ильф» беседа А.Крыловой с дочерью И.Ильфа А.И.Ильф (в частности, о жизни И.Ильфа в 20-х гг.)

24:

В №71 — рецензия С.Еринца и П.Корчагина «„Лолита“ в анчоусном соусе» на спектакль Театра Романа Виктюка (пьеса Э.Олби по роману В.В.Набокова).

День:

В №51 — «Из цикла „Стихи о Сталине“» О.Мандельштама, стихотворение А.Ахматовой «21 декабря 1949 года», стихотворение Б.Пастернака «Художник».

Известия:

В №274 — заметка Л.Левицкого «На могиле Игоря Северянина наконец-то открыт памятник» (в Таллинне, на кладбище Александра Невского).

Комсомольская правда:

В №227 — статья Г.Резанова и Т.Хорошиловой «Что ищет Василий Пичул в „Двенадцати стульях“» (в связи с экранизацией «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова).

В №240 — Е.Оберемок, статья «В.Розанов: „Что-то золотое брезжится мне в будущей России“» (об открытии музея В.Розанова в Сергиевом Посаде).

Крестьянские ведомости:

В №48 — ранний рассказ А.Куприна «Святая любовь» (1895); предисловие Ю.Омельянюк.

В №50 — статья Б.Илешина «Одиссея Василия Ерошенко» о путешественнике и писателе В.Я.Ерошенко (1889-1952).

В №52 — стихотворение Саши Черного «Развязное поздравление с Новым годом!» (1909), рассказ А.Чехова «Мошенники поневоле: (Новогодняя побрехушка)», рассказ Н.А.Тэффи «Когда рак свистнул: Рождественский ужас», стихотворение Б.Пастернака «Зимние праздники».

Культура:

В №28 — анонимная заметка об открытии второго сезона Российского государственного экспериментального театра на Петровке под руководством С.Арцыбашева (в репертуаре — «Три сестры» А.Чехова и спектакль о Марине Цветаевой «Пленный дух»).

Куранты:

В №250 — под заглавием «Тень Лолиты» рецензия Т.Исканцевой на постановку в театре Романа Виктюка пьесы Э.Олби «Лолита» по роману В.Набокова.

Литературная газета:

В №52 — статья Б.Сарнова «Это — единственный мой недостаток» (к 90-летию со дня рождения Ивана Катаева).

Там же — под заглавием «Роман Виктюк и его фантазия» рецензия М.Швыдкого на постановку режиссером Р.Виктюком пьесы Э.Олби «Лолита» по роману В.Набокова.

Литературная Россия:

В №50 — И.Кручик, рецензия на книгу: Ивнев Юрий. Мерцающие звезды: Стихотворения 1903-1981. (М., 1991.)

В №51 — рассказ С.Р.Минцлова «Первый амур»
В №52 — статья С.Лаврова «Предостережения издалека» о писателе и ученом русского зарубежья Н.И.Ульянове.

Там же — статья Л.Андреева «Слово о Сербии» («Биржевые ведомости», 11 ноября 1914 г.); вступительная заметка Р.Петровича.

Литературные новости:

В №19 — статья В.Баранова «Убиваемый трижды: Нечто о юбилеях и нынешнем отношении к ним», посвященная 125-летию со дня рождения Горького и направленная против «разоблачительных» публикаций последних лет о писателе».

Там же — статья Д.Панина «О „Мастере и Маргарите“ Булгакова».

Московская правда:

В №252 — под заглавием «Смех смеху рознь» рецензия Н.Балашовой на спектакль «Шутка мецената» по произведениям А.Аверченко в Театре имени В.Маяковского (автор и режиссер Т.Ахрамкова).

Московский комсомолец:

В №235 — под рубрикой «Рерихи» статья Н.Дардыкиной «В долине Кулу: Дому надо помочь» (о доме Рерихов в Индии); «Зов Водолея: Кто владеет богатством?» — интервью Н.Дардыкиной с вице-президентом Международного центра Рерихов Л.В.Шапошниковой; впервые публикуемые письмо Н.Рериха к брату, Б.Рериху от 16 июля 1937 г., три письма Н.Рериха к сыну С.Рериху (от 15 ноября 1930 г., 13 февраля 1946 г., 10 марта 1946 г.), письмо Е.И.Рерих к В.Л.Дудко от 26 марта 1953 г.

В №254 — заметка Г.Тюриной «Инфернальный Булгаков» (о постановке в театре имени Моссовета оперы М.Минкова «Белая гвардия» по роману М.Булгакова).

Народная газета:

В №241 — под рубрикой «Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения П.А.Кропоткина» статья А.Нефедова «Великий мечтатель» и заметка А.Славянова «Памяти ученого и... анархиста» (об открывшейся в Москве Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина, и юбилейных мероприятиях в г.Дмитрове).

Начало:

В №34 — фрагменты воспоминаний А.С.Изгоева «Жизнь в ленинской России» (Лондон, ОРІ, 1991); публикация Ю.Кублановского.

Там же — статья Федора Владимировича Иванова (? -1923) «Максим Горький» (печатается по изданию: Иванов Ф. Красный Парнас: Литературно-критические очерки. Берлин, 1922); предисловие И.Путлиной.

Независимая газета:

В №234 — «Хлестаковщина или порнография»: рецензия К.Поливанова на книгу «Эрос. Россия. Серебряный век» (издатель — Товарищество «Серебряный бор»).

В №240 — под заглавием «“Великий канцлер” Михаила Булгакова» рецензия И.З. на издание черновых редакций «Мастера и Маргариты» (М., 1992).

Там же — реплика Ю.Каган «Уточнение буквы» по поводу искажений ее устных рассказов о М.Цветаевой в книге В.Лосской «Марина Цветаева в жизни» и в перепечатке книги в «Досье ЛГ» (1992, №9).

В №246 — статья А.Немзера «Словесность пяти десятилетий: Новый историко-литературный журнал “De Visu”» (о «нулевом» номере «DV»).

В №248 — под заглавием «Вы не так представляли себе свободу» фрагменты из публицистических статей М.Осоргина 1917-1918 гг. «К читателю», «О гражданской смелости» и др.; предисловие Л.Полкинской.

Там же — под заглавием «Уточнение смысла» письмо в редакцию А.Саакянц, полемизирующее с репликой Ю.Каган «Уточнение буквы» («НГ», №240 от 12 декабря 1992 г.)

В №251 — статья В.Иваницкого «Читайте Хлебникова: Историсофская злободневность».

Патриот:

В №48 — под заглавием «Поездка к Шолохову» напечатан отрывок из второй книги «Исповедь сталиниста» И.Стадниока (о поездке в 1955 г. в Вешенскую).

Подмосковные известия:

В №237 — заметка П.Дейнеки «Дом Кропоткина накануне открытия» (об открытии в г.Дмитрове Дома-музея П.А.Кропоткина).

В №239 — под заглавием «Из-под кнута-то отчего да под дубину отчима» беседа Е.Константиновой с заместителем главного редактора издательства «Рубеж» Е.Витковским, составителем антологии поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой» (в которую вош. произведения поэтов — от Д.Мережковского до младшего представителя «второй волны» О.Ильинского).

В №247 — заметка Б.Велицын «Почти забытый поэт» (об А.Безыменском).

Там же — статья П.Дейнеки «Вспомним Кропоткина» (к 150-летию со дня рождения).

В №250 — публикация с «незначительными сокращениями» статьи Романа Гуля «Кто убил генерала Романовского» (1936).

Подмосковье:

В №51 — статья В.Дядичева «“Враг ты мой родной!”»: Цветаева и Маяковский — драма великих поэтов на фоне истории».

Российская газета:

В №280 — под заглавием «Сергей Есенин в тюрьме ВЧК» печатаются материалы об аресте Есенина ВЧК в октябре 1920 г.; сопроводительный текст, примечания и публикация А.С.Велидова.

Россия:

В №50 — рецензия А.Соколянского «Смерть эстета» на постановку в Театре Романа Виктюка пьесы Э.Олби «Лолита» (по роману В.Набокова).

Русская мысль (Париж):

В №3957 — рецензия С.Носова «Феномен Даниила Хармса» на книгу: Даниил Хармс. Полет в небеса. Л., 1991.

Там же — отчет М.Черняк «Алексей Ремизов и художественная культура XX века» о Ремизовской конференции в Санкт-Петербурге.

Там же — заметка «Волшебный мир Алексея Ремизова» о выставке в Петропавловской крепости.

В №3958 — статья Л.Харитона «Арион шахмат» (очерк Б.Зайцева «Алехину», посвященный русскому шахматисту).

Там же — рецензия Л.Пажитнова «Потери, которым не может быть оправдания» о фильме Д.Месхиева по роману Анатолия Мариенгофа «Циники».

Там же — статья А.Иванова «Вечер на Сивцевом Вражке: Памяти Михаила Осоргина».

Там же — обращение Мандельштамовского общества (Москва).

Там же — сообщение о выходе и продаже сборника: Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. (Повторено в №3959).

В №3960 — рецензия А.Саакянц «Какой она была?» на книгу: Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992.

Там же — статья Г.Файмана «Разговор между писателем и цензором: Судьба Александра Чаянова и его книг».

Семья:

В №50 — «Мой лунный друг»: Воспоминания З.Гиппиус об А.Блоке.

Учительская газета:

В №50 — статья Н.Карповой «Когда-нибудь, в старинных мемуарах...» о посвященном 100-летию со дня рождения М.Цветаевой театральном фестивале; устроитель — Театр Дружбы народов.

В №52 — заметка Д.Соколова «Музей Цветаевых» об открытии в Тарусе музея семьи Цветаевых.

В №54 — статья Г.Мароховского «Запрещенная Живая Этика» (о Международном центре Рерихов и о состоявшейся в этом центре презентации двухтомника «Письма Елены Рерих»).

* * *

В конце 1922 года в С.-Петербурге под названием, унаследованным от ревнителей государственной безопасности XVII-XVIII вв., начала выходить еженедельная газета «Слово и дело» (главный редактор Наталия Кузнецова). Уже из перечня учредителей (Санкт-Петербургский государственный университет, СП «Ганза») и организаций, оказывающих поддержку (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина, Независимая Гуманитарная Академия,

Санкт-Петербургский союз ученых), явствует культурологическая направленность издания. В «пилотный» номер от 18 декабря 1992 г., среди прочих материалов, вошли: фрагменты из книги П.Н.Милюкова «Национальный вопрос: (Происхождение национальностей и национальные вопросы в России)» (Берлин, 1925); статья Е.Николаевой о Елене Образцовой. «Совсем не смешные истории о Василии Ивановиче, Анке и Петьке» Т.Козловой (подлинная история гибели красного командира, тяжелая судьба его дочери Клавдии), две статьи о ясновидящем Вольфе Мессинге — «Дар Божий, или Сила сатанинская» Т.Козловой (о В.Мессинге говорится, что он родился в «бедной крестьянской семье», и тут же, в той же колонке, утверждается, что он был «польским евреем») и «Последние гастроли Вольфа Мессинга» Т.Гаген. Наибольший интерес, по мнению «DV», представляет собой материал, озаглавленный «Вестник»: рассказ А.А.Андреевой о Данииле Андрееве, записанный И.Мальским.

В №1 газеты — подготовленная И.Мальским и Н.Кавиным публикация «...Чтобы добро понять и зло возненавидеть» (к 55-летию со дня гибели Николая Олейникова, здесь впервые напечатаны, в частности, выдержки из протоколов допросов Н.Олейникова от 21 июля и 26 августа 1937 г.), сопровождающаяся основными «Вехами жизни поэта» (составитель — А.Н.Олейников). В №1 обнаруживаем фрагмент из

статьи П.Б.Струве «Великая Россия», перепечатанный из «Русской мысли» за январь 1908 г., статью В.Максимова «Русский Ренессанс господина Струве», а также интервью с Н.А.Струве, возглавляющим издательство УМСА-Press. В №3 имеются мемуары Д.С.Лихачева о пребывании на Соловках (упомянуты: поэт Владимир Кименский-Свешников, А.Ф.Лосев, А.А.Мейер и др.); Ф.Балоновым публикуется юмористический рассказ П.П.Гнедича (1855-1925) «Из протоколов Психо-флюидо-телепатического общества» с краткой биографической справкой об авторе; печатается интервью с И.Л.Новосильцевым — русским эмигрантом, посетившим Москву (упоминается мать В.Набокова, Елена Ивановна). В №4 под рубрикой «Обыкновенная сенсация» находим публикацию А.Александровым семи рисунков четырнадцатилетнего Дани Ювачева (будущего поэта Д.Хармса).

Из материалов, не относящихся к тематике «DV», но заслуживающих упоминания, назовем публикацию рассказов Х.Борхеса «Секта феникса», «Заметки о Бернарде Шоу», «Зеркало загадок» (пер. А.Курбановского, №2) и заметку Ф.Балонова «Читайте, завидуйте...» об издательской судьбе книги Л.Фейхтвангера «Москва, 1937» (№ 3).

Роспись публикаций последующих номеров газеты будет включаться в газетные обзоры «DV».

«Русский авангард в контексте европейской культуры»

Международная конференция под этим названием, прошедшая 4-7 января в Москве в Третьяковской галерее (Лаврушинский пер., д.10) и в помещении Международного фонда культуры (Гоголевский б-р., д.6), стала, пожалуй, наиболее значительным фактом научной жизни за последние годы. Авторитет конференции обеспечивался участием в ее подготовке таких организаций, как Научный совет РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры» и Государственная Третьяковская галерея, и, разумеется, выступившими на ней искусствоведами, филологами, музыковедами, культурологами, собравшимися из разных стран мира. Уникальность конференции состояла и в том, что ее организаторы попытались представить комплексный подход к изучению одного явления — русского авангарда.

За четыре дня напряженной работы было прочитано около пятидесяти докладов. В рамках данного отчета не представляется возможным рассмотреть все доклады, мы попытаемся отметить лишь наиболее, на наш взгляд, значимые.

Конференция открылась вступительным словом Д.Сарабьянова (Москва), который, подводя итоги многолетней деятельности специалистов по изучению русского авангарда, рассмотрел содержание самого понятия «авангард». Значительная часть выступления Д.Сарабьянова была посвящена творческим взаимоотношениям авангардистов со своими предшественниками в искусстве. По мнению выступавшего, для авангардного искусства характерно отрицание лишь «непосредственных предшественников», это отношение не распространяется на более отдаленные поколения. Это утверждение Д.Сарабьянова, видимо, произвело большое впечатление на участников конференции; во всяком случае, многие докладчики так или иначе вступали с ним в диалог.

Далее выступила О.Юшкова (Москва). В докладе «“Космизм” русского авангарда и “метафизика всеединства” начала XX века» она сопоставила некоторые религиозно-философские сочинения того времени и современные им теории художественного авангарда. В этих текстах, по ее мнению, «есть ряд близких моментов», которые «уходят корнями в обстановку эпохи».

Т.Романовская (Москва) в докладе «Авангард и современная наука» попыталась ответить на вопрос: «Что есть общего между авангардом и современной неклассической наукой?» (под последней понимались

прежде всего естественнонаучные теории). Было рассмотрено несколько моделей взаимоотношений искусства и науки, например: влияние искусства на научную теорию («витализм», «энергетизм»); влияние научного мировоззрения на художественное течение («натурализм»).

Н.Мислер (Неаполь), рассказав о различных направлениях деятельности ГАХНа и участии в ней Флоренского и Кандинского, попыталась показать, как в текстах гахновских ученых взаимодействуют научный метод и образное восприятие мира («Российская Академия художественных наук: Между искусством и наукой»).

Выступивший вслед за Н.Мислер Р.-Д.Клуге (Тюбинген), как нам показалось, проиллюстрировал своим докладом это взаимодействие научного и художественного; он говорил о «равнодушии» авангардистов к «человеку», «нелюбви» их к «искусству» и «связи с коммунизмом» («Символизм и авангард в русской литературе — перелом или преемственность?»).

В докладе Д.Сарабьянова («Творчество В.Кандинского в контексте научной и философской мысли XX века») творчество художника рассматривалось в сопоставлении с космологическими «картинами мира», созданными крупнейшими мыслителями столетия.

Центральным в докладе Д.Боулта (Лос-Анджелес) «Орфизм и симультанизм: Русский вариант» был вопрос: «Насколько русским был русский авангард?». Исследователь привел множество ранее не известных фактов из истории взаимоотношений русских и французских художников. Сравнивая экспериментальную живопись А.Экстер, Г.Якулова, А.Лентулова и др. с работами Р. и С. Делоне, ученый пришел к выводу о зависимости исканий русских художников от общеевропейских тенденций развития искусства.

В докладе А.Стригалева (Москва) «“Всечество” как концепция полиморфного искусства» вынесенное в заглавие явление рассматривалось в контексте авангардистских теорий построения пространства.

Т.Горячева (Москва) в докладе «Кубофутуризм как мироощущение» проанализировала образ «авиатора» у футуристов и символистов. Как показала исследователь, футуристическая традиция, травестирующая символистские образы и демифологизирующая символистские сюжеты, «поддерживала» версию о «надмирной» природе «авиатора».

В.Ракитин (Франкфурт-на-Майне) сделал доклад на тему «Некоторые эпизоды из биографии Л.Лисицкого», посвященный отдельным аспектам взаимоотношений Лисицкого с немецкими художниками.

«Малевич и кино» — тема доклада А.Шатских (Москва). Ее внимание привлекли статьи Малевича, написанные для «Кино-журнала АРК». А.Шатских сообщила о двух ранее не известных текстах Малевича, а также проанализировала киноплакат «Доктор Мабузо», который, по ее определению, является «эталонном-проектом супрематического плаката как такового». Докладчик также отметила близость некоторых творческих приемов Малевича и Эйзенштейна.

Н.Зоркая (Москва) в докладе «Русский модерн и революционный авангард: (На материале кино)» связала творчество корифеев немого кино с эстетикой модерна и сопоставила некоторые дореволюционные ленты с «революционными эпопеями» Эйзенштейна, Пудовкина, фильмами Вертова и Кулешова, выявив в последних «любопытную эстетическую оппозицию», «значимую, хотя и не объявленную полемику».

Оригинальным по постановке вопроса оказался нам доклад Т.Шах-Азисовой (Москва) «Предвестник», в котором герой пьесы Чехова «Чайка» Треплев рассматривался как предтеча художественного авангарда начала XX века.

Б.Янгфельд (Стокгольм) в докладе «О шведском периоде Р.О.Яacobсона» рассказал о своих находках в муниципальных архивах. Были зачитаны выдержки из полицейского досье Р.Яacobсона, протокола его допроса в г.Серно. Все документы относятся к 1940-1942 гг., т.е. ко времени вынужденного бегства из оккупированных европейских стран. Докладчик подчеркнул, что все события происходили в период работы Яacobсона над книгой о детской афазии.

Доклад О.Панченко (Москва) «Пространство и время мира в контекстах Виктора Шкловского и Романа Яacobсона» был основан на утверждении о том, что «пространство и время мира в контексте Яacobсона не накладывается на пространство и время собственного мира Яacobсона», тогда как у Шкловского — накладывается.

Результатом исследования Е.Струтинской (Москва) стал вывод о том, что «действенная природа экспрессионистического оформления, с его подвижными и эмоционально-взрывчатыми формами, взаимодействующими между собой по драматическому принципу, родственна самой действенной природе театра...» («Экспрессионизм в театрально-декорационном искусстве 1910-1920-х годов и «сценографическая режиссура»»).

О.Шиндина (Саратов) попыталась разгадать «музыкальный код» содержательной структуры романа К.Вагинова «Козлиная песнь». Докладчику удалось, как нам кажется, проследить связь этого кода с сакральными образами романа («Музыкальная тема в романе Вагинова «Козлиная песнь»»).

Театроведческое исследование Влад. Иванова (Москва) было посвящено спектаклю Е.Вахтангова «Дибук» по пьесе С.Ан-ского, поставленному в 1922 г. в театре «Габима». Режиссерские приемы Е.Вахтангова были рассмотрены в контексте как современного

ему театра, так и новейших театральных идей А.Арто и Е.Гротовского («Поэтика метаморфоз»).

Л.Магаротто (Флоренция) в докладе ««Неумная» авангардистская деятельность Ильи Зданевича» проанализировал «живописно-письменные» композиции Ильязда, которые позволяют говорить об их авторе как о творце новых художественных моделей, стоящих между изобразительным искусством и литературой.

Ю.Молок (Москва), полемизируя с традиционным в научной литературе утверждением о преемственности конструктивизма по отношению к футуризму, остановился на различиях этих течений 1910-1920-х гг. («Футуристическая книга глазами конструктивистов: Обратный взгляд»).

Т.Никольская (Санкт-Петербург) подробно рассказала о контактах Л.Гудиашвили в русских авангардистами, главным образом, в 1917-1919 гг. («Лад Гудиашвили и русский авангард»).

Л.Кацис (Москва) в докладе ««Лубки» В.Каменского: Слово и изображение в русском футуризме» указал на несомненное, с его точки зрения, воздействие В.Розанова на футуристические опыты. Источником некоторых графических композиций В.Каменского, как утверждал докладчик, — в иллюстрациях к книге В.Розанова «Семейный вопрос в России».

«ОБЭРИУ: Диалог постфутуризма с традицией» — тема доклада М.Мейлаха (Санкт-Петербург), посвященного, в основном, общности взглядов обэриутов и представителей более «традиционной» поэзии (в частности, А.Ахматовой) на искусство. В работе М.Мейлаха был рассмотрен и частный вопрос — Введенский и Хармс как читатели русской классики.

С.Ильинская (Янина) продемонстрировала ряд типологических соответствий поэтики Константина Кавафиса и некоторых текстов Брюсова, Кузмина, Гумилева («К.П.Кавафис и русская поэзия “серебряного века”»: Рождественность логик»).

Архивные материалы легли в основу работы Н.Богомолова «М.Кузмин. Осень 1907 года». Докладчик осветил творческую историю постановки пьесы «Куранты любви» и деятельность кружка «гафизитов», в котором Кузмин, по определению докладчика, принял на себя роль идеологического лидера. Были зачитаны выдержки из писем Кузмина В.Руслову, к настоящему времени уже опубликованные в №1 «НЛО».

Д.Рицци (Тренто) на основе текстов трех статей П.Муратова проанализировала полемику постсимволизма (представителем которого, по ее мнению, был П.Муратов) с европейским художественным авангардом («К постсимволистской рецепции авангарда: П.П.Муратов»).

М.Лекомцева (Москва) обнаружила в текстах П.Филонова явление, не имеющее названия в русской грамматике, — изменение грамматического рода существительных, и попыталась проследить семантические аспекты этого явления («Одно замечание о прозе П.Филонова»).

Языковой аспект поэтики Хармса был исследован в работе Е.Бабаевой и Ф.Успенского «Грамматика абсурда и абсурд грамматики» (зачитан на конференции Е.Бабаевой).

В.Вестстейн (Амстердам) в докладе «Велимир Хлебников и научно-философская дискуссия начала XX века» указал на близость некоторых идей поэта темам, вокруг которых разворачивались споры русских философов.

Г.Импости (Болонья) в докладе «Фоносимволизм и звукоподражание (ономатопея) в поэтике итальянского и русского футуризма» сравнила соответствующие концепции в работах Маринетти, Крученых и Хлебникова.

Уже в названии доклада В.П.Григорьева (Москва) «Велимир Хлебников и авангард» как бы содержалось утверждение о непродуктивности исследования творчества поэта в рамках одного только литературно-художественного течения. Докладчик предложил программу определения не только сходств, но и различий поэтики Хлебникова и поэтики авангарда.

Источники некоторых образов Хлебникова были выявлены в блестящем докладе Х.Барана (Олбани) «“Что я изучил...”: В творческой лаборатории позднего Хлебникова». Докладчику удалось установить, какими работами по фольклору, мифологии, древне-русскому искусству пользовался поэт (книги Д.Зеленина, Ф.Разановского, С.Смирнова и др.).

Интерпретацию стихотворения Хлебникова «Гонимый — кем, почему я знаю?..» предложил А.Гарбуз (Уфа). Докладчик показал сосуществование в хлебниковском тексте двух планов — предметного и «надмирного»: «здесь сквозь реальный план просвечивает “плеск инобытия”» («К интерпретации стихотворения Хлебникова “Гонимый — кем, почему я знаю?..”»).

А.Парнис (Москва) в докладе «“...Ни один Париж не видал такого скандала”: Элементы прото-дада в русском футуризме», насыщенном новыми фактическими материалами, убедительно показал, что «некоторые радикальные тенденции русских футуристов в ранний период предвосхищали программу и практику европейского дадаизма».

Большое оживление в аудитории вызвал доклад М.Вайскопфа (Иерусалим) «Машинистка Лизочка Каплан: Ленин и братья Бабичевы в “Зависти” Ю.Олеши». Сравнивая цитаты, докладчик продемонстрировал, как в речах героев Олеши спародирован язык ленинских текстов.

С.Шиндин (Саратов) утверждал, что «явная смысловая соотнесенность “Стихов о неизвестном солдате” с темой смерти поэта... дает достаточное основание говорить о фигуре неизвестного солдата как об обобщенном образе поэтического поколения» («О метатекстуальном аспекте “Стихов о неизвестном солдате” О.Мандельштама»).

Взаимоотношениям Брюсова и Верлена посвятил вводную часть своего доклада «Брюсов присягает Верлену» С.Гиндин (Москва). Полемизируя с приведенным выше тезисом Д.Сарабьянова, С.Гиндин подробно разобрал тексты писем Брюсова к Верлену и некоторые стихотворения поэтов.

Доклад Е.Толстой (Иерусалим) «Пастернак и Кузмин» представлял собой опыт «выявления стилистического сходства» и «глубочайшего тематического родства» романа «Доктор Живаго» и произведений М.Кузмина (стихотворения 1918-1923 гг. и роман «Крылья»). В качестве источника пастернаковского романа Е.Толстая предложила рассматривать также брошюру С.Н.Дурьлина «Вагнер и Россия» (1916).

Ю.Злотников (Москва) указал на возможность плодотворного использования опыта русского авангарда 1910-1920-х гг. для понимания неавангардистских произведений искусства («Актуальные аналитические тенденции авангарда»).

С.Савенко (Москва) исследовала как композиционные приемы, так и теоретические взгляды музыкантов-авангардистов (в частности, Стравинского) и установила их родство с авангардными теориями в литературе («О русском музыкальном авангарде 1910-х годов»).

Доклад М.Бонфельда (Вологда) «Авангард в музыке русского православия первых десятилетий XX века» был посвящен модернистским приемам в церковной музыке того времени.

В заключение конференции состоялась дискуссия под председательством В.Успенского. В дискуссии приняли участие: художник В.Волков, говоривший об общественной роли авангарда; Е.Завадская, обратившая внимание собравшихся на то, что на конференции не был рассмотрен авангард как искусство «традиционное» и на то, что ни в одном из докладов не прозвучало ключевое для авангарда слово — «ремесло» (Е.Завадская по необходимости кратко, но, на наш взгляд, чрезвычайно точно наметила оппозицию художника-«демиурга» и художника-делателя); Д.Сарабьянов, говоривший о неприменимости понятия «авангард» к современной художественной ситуации и о неправомерности суждений о «богоборческих» тенденциях в искусстве Малевича. В дискуссии также выступали Т.Николаева, В.Пивоваров, Б.Аврамец, А.Поморский, С.Кузнецов, Л.Бергер, М.Бессонова.

Закрывая дискуссию, председательствующий предложил приветствовать организаторов конференции Т.Князевскую, Т.Цивьян, Т.Шах-Азисову, А.Парниса, Л.Кациса, Н.Гринцера и отсутствующего председателя оргкомитета — Вяч. Вс. Иванова.

Конференция проходила под эгидой Международного фонда «Культурная инициатива» (Фонд Сороса).

Ю. А. Арпшикин

«Бахтин и перспективы гуманитарных наук»

Бахтинский центр при историко-филологическом факультете Российского государственного гуманитарного университета стал инициатором международной конференции, проходившей с 1 по 3 февраля в здании РГГУ (ул. Чаянова, 15). Конференция явилась одним из этапов реализации долговременной программы изучения научного наследия М.М.Бахтина, предложенной Бахтинским центром факультета (координатор программы центра В.Л.Махлин).

С кратким вступительным словом к собравшимся обратился А.М.Зверев. Пленарное заседание было открыто докладом В.Л.Махлина «Бахтин и “карнаваллизация сознания” гуманитарных наук», посвященным современному состоянию бахтиноведения. И.О.Шайтанов в докладе «Бахтин и формалисты в пространстве исторической поэтики» раскрыл «научную перспективу», в которой, по его мнению, взгляды Бахтина и формалистов если не совпадают, то находят общие истоки в исторической поэтике А.В.Веселовского.

Далее работа конференции проходила по двум секциям — «Философия. Культура. Образование» и «Литературоведение».

Среди разнообразных по тематике выступлений, касавшихся широкого спектра проблем теоретического литературоведения, культурологии, педагогики, истории философской мысли, отчетливо выделился цикл докладов, посвященных истории русской культуры конца XIX — начала XX вв.

Само заглавие доклада В.Н.Турбина содержало в себе бахтинское суждение: «Весь Чехов это стилизация». По мнению выступающего, творчество Чехова — это откровенная стилизация под разнообразнейшие литературные жанры: от уголовного романа до дидактической притчи. Чеховские герои являются читателю уже «завершенными», литературно каталогизированными и потому несвободными; разбить литературную предрешенность собственных судеб они

не способны. И в этом — своеобразное пророчество писателя, ибо, как сказал докладчик, «с 1917 года Россия начала жить в искусственно завершенной реальности».

В докладе «Диалогизм символистского романа» Н.В.Барковская на примере романа Ф.Сологуба «Творимая легенда» пыталась обнаружить существо взаимоотношений автора и творимого им текста. Принципиальный монологизм символистского романа, по мнению докладчика, воплотился в диалогической структуре; подобное парадоксальное сочетание оказалось возможным потому, что сам монологизм стал проблемным, авторское «я» утратило единство. Диалогизм (обретший вид «грустного артистизма», «мистической иронии») в романе Ф.Сологуба воплощает трагическое состояние автора, сознающего невозможность окончательного сотворения «сладостной легенды» и все же не могущего ее не творить.

В.В.Эйдинова, опираясь на бахтинскую «металингвистику», предложила интересную концепцию поэтики слова в творчестве Л.Добычина. В докладе прослеживалась тенденция «умирания» диалогичности в романном слове Добычина под воздействием социально-политической обстановки 30-х годов.

В докладе Н.Л.Лейбермана «Мандельштам и Бахтин» рассматривался новый тип художественного сознания, для которого, в отличие от классического искусства, мир представал как дискретный и релятивный Хаос. По мнению докладчика, важнейшую роль в «оживании и очеловечении хаоса» сыграли Бахтин и Мандельштам. Художественное наследие Мандельштама и теоретические труды Бахтина образуют систему, названную в докладе «постреализмом».

Конференция закончилась обсуждением идеи создания Бахтинского Словника, предложенной Н.Д.Тамарченко.

Д.С.Московская

«Русский авангард и современность»

10 февраля в 1993 г. в Брянске в рамках VIII фестиваля «Рославец и его время» состоялась IV конференция «Русский авангард и современность». Организатором ее выступило Брянское музыкальное училище.

Как и на прошлых конференциях, большое внимание уделялось проблемам современной культуры и мировоззрения. В этом году данной теме был посвящен доклад С. Сигитова (Санкт-Петербургская консерватория) «Философия П. Флоренского и современная философия музыки». Докладчик остановился на некоторых предпосылках своеобразных взглядов Флоренского (в частности, на значение эстетического фактора, принципиально связываемого

Флоренским с познанием и верой) и проследил влияние этих положений на науку о музыке (труды Лосева, теория интонации Асафьева и др.). Большое внимание было уделено концепции времени Флоренского, связанной с идеями Бергсона. Подобные представления, по мнению выступающего, уже в начале века преломились в творчестве Форэ, Дебюсси, Равеля, а позднее были развиты в трудах Леви-Стросса. Наконец, докладчик остановился и на специальных высказываниях философа о музыке, подчеркнув при этом его суждения о полифонии и гомофонии и необходимости их синтеза в гетерофонии (что фактически и осуществилось в становлении наиболее характерных стилевых течений нашего

века). Ряд сообщений был посвящен современной музыке и творчеству Н.А.Рославаца. С докладом «Особенности композиционной техники в ранних произведениях Рославаца» выступила А.Журавлева (Рижская консерватория), рассмотревшая ряд произведений композитора с точки зрения формирования в них техники синтетаккорда. Этому открытию в истории музыки придается большое значение; в настоящее время синтетаккорд рассматривают как раннюю форму серии. Сообщение А.Гладышевой (Санкт-Петербург, 26-я музыкальная школа) «Слово и звук в творчестве Рославаца» было построено на всестороннем анализе одного произведения — песни «Кук» на стихи Василиска Гнедова. Обращение именно к этому раннему сочинению представляется оправданным — стихотворение Гнедова является одним из образцов футуристической «заумной» поэзии, а к группе футуристов, как известно, был близок композитор. Докладчик выявила различные смысловые параметры текста и их отношение к музыкальному решению. По ее мнению, музыкальное развитие отправляется от некоторых смысловых констант стихотворения, но следует в целом собственной логике художественного задания. Необычной и интересной теме — «Творчество композиторов украинской диаспоры» был посвящен доклад М.Капицы (Киевская консерватория).

Как и на прошлых конференциях, заметное место занимали выступления, посвященные проблеме синтеза искусств и различным аспектам новаторства в отдельных областях искусства. Так, с докладом на тему «Карл Иогансон — изобретатель» выступил В.Колейчук (Москва, ВНИИТЭ). Автор по фотографии с выставки Объединения молодых художников 1921 г. восстановил произведение рано умершего и оставшегося почти неизвестным художника К. Иогансона. По мнению докладчика, новаторство представленной на выставку вещи (конструкции) опередило свою

эпоху на 40 лет, предвосхитив искания американца Фуллера и Шнелсона. Конструкция К.Иогансона открывает новую пространственную систему; кроме того она представляется феноменом не только чисто художественного порядка, но и выдающимся изобретением с точки зрения механики 60-70-х годов.

Два выступления были посвящены проблемам современной литературы. Л.Шорина (АН Республики Молдова, Кишинев) в докладе «Некоторые наблюдения над традициями авангарда в современной русской литературе» констатировала наличие двух линий в русской прозе. Одна, по ее мнению, идет от традиций русского психологического реализма XIX в., другая линия — от новых тенденций 1910-1920-х гг. (Белого, Мандельштама, Вагинова); последнюю докладчик связывает с отрицанием просветительского логоцентризма и обусловленных им средств образительности (произведения Вик.Ерофеева и особенно Вен.Ерофеева).

Сходная тема развивалась и в сообщении Р.Биркана (Санкт-Петербург, Институт культуры) «Традиции русской прозы в поэме Вен.Ерофеева "Москва — Петушки"», в котором, в частности, прослеживались связи этого произведения с эстетическими исканиями начала века (самостоятельность языкового фактора, его самобытность и новизна). Обобщение и снятие «миметически-отображающих» свойств образности у Ерофеева совершается углублением конкретного и характерного на основе гротеска; в русской культуре эти тенденции ярче всего, по мнению докладчика, сказались в творчестве Стравинского «русского периода» и Мейерхольда 1920-1930-х гг.

По материалам прошедших конференций изданы два сборника (тексты докладов и тезисы)*. Готовится к печати и сборник материалов по IV конференции.

Р.И.Биркан

* См.: Н.А.Рославец и его время: [Материалы конференции «Идея синтеза искусств и пути развития русского и советского искусства 10-20-х годов XX века»]. Брянск, 1990. Вып.1-5; Н.А.Рославец и его время: [Материалы III научной конференции «Русский авангард 10-20-х годов XX века», февраль 1992 г.]. Брянск, 1992.

В сборниках напечатаны преимущественно музыкально-критические работы (среди авторов М.Белодубровский, Р.Биркан, Е.Польдьева, М.Капица, О.Биккенин, А.Журавлева, Д.Бортник, М.Бонфельд, Т.Геллес и др.), а также статьи В.Адаменко «Стравинский и Хлебников: Мифологизм как свойство художественного мышления в начале века» и Г.Ершовой «Мировой расцвет Павла Филонова» (в 1-м сборнике), эссе А.Ромасра и статья В.Колейчука о В.Татлине (в 2-м сборнике). — DV.

de visu

Содержание предыдущих номеров:

№0 за 1992 год:

- И.Г.Эренбург. Статьи 1919 года
- Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
- «Сборник контрреволюционных произведений» Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева и др. (из их следственного дела)
- А.Е.Парнис. Вячеслав Иванов и Хлебников
- Н.А.Богомолов. Оккультные мотивы в творчестве Гумилева
- К.М.Поливанов. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
- А.Т.Никитаев. Ничевоки: материалы к истории и библиографии
- Тематическая текущая библиография за июль-август 1992 г.
- Хроника научной жизни

№1 за 1993 год:

- Ранние опыты Г.О.Винокура
- Р.О.Якобсон. Письмо Г.Г.Шпету
- Б.М.Эйхенбаум. Дневник 1917-1918 гг.
- В.Б.Шкловский. Письма М.Горькому 1917-1923 гг.
- И.Ю.Подгаецкая. Пастернак и Верлен
- А.Ю.Галущкин. Новые материалы к библиографии В.Б.Шкловского
- Тематическая текущая библиография за сентябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№2 за 1993 год:

- Вокруг гибели Надежды Львовой: неизданные материалы
- Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому
- Инна Андреева. К истории отношений В.Ф.Ходасевича и Муни (С.В.Кисина)
- А.Л.Соболев. «Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус
- О.С.Фигурнова. Игорь Северянин в Эстонии: материалы к библиографии
- Тематическая текущая библиография за октябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№3 за 1993 год:

- Александр Ширяевец. Из переписки 1912-1917 гг. с Н.А.Клюевым, С.М.Городецким, В.Ф.Ходасевичем, М.Горьким и др.
- М.Горький и Ф.А.Степун. Переписка
- Ю.М.Каган. О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой
- В.Г.Сукач. Материалы к библиографии В.В.Розанова
- Тематическая текущая библиография за ноябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

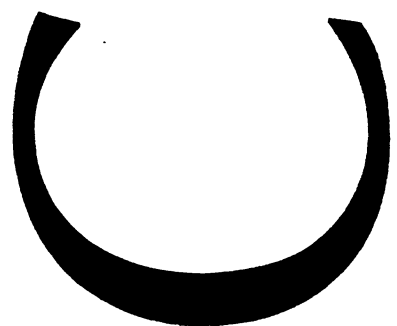
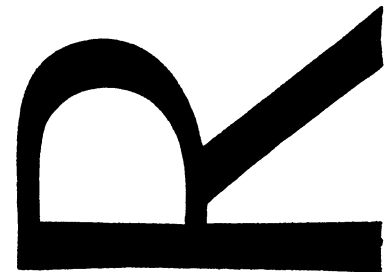
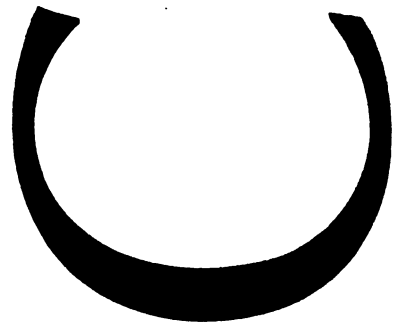
По вопросам подписки за рубежом
просим обращаться к нашему представителю:

Galina Zlotnikova,
PO BOX 1641 Madison Square Station
New-York, NY 10159-1641 USA

LION Ltd.
performs the computer
typesetting and
camera-ready copying
of professional, fiction
and non-fiction literature
in Russian, English,
German and other
Western languages.

We are equipped
with Apple Macintosh
and LaserMaster 1200
PlainPaper Typesetter,
so we can promise
high quality in short time.
Our price per one page
of A4 CRC is **USD 2.25**
and more depending
on category of complexity.

LION Ltd.
25-2, 1st Tverskaya-Yamskaya
Moscow 125047 Russia
Telephone /7 095/ 251 6667
Telefax /7 095/ 251 4411
(18.00 to 9.00 Moscow time)

В 1993 г. "De Visu"

предполагает опубликовать:

Неизвестные стихотворения К.Вагинова, М.Кузмина, В.Соловьева; рассказы И.Бабеля, Л.Липавского; переписку В.Соловьева и С.Трубецкого; письма М.Ликиардопуло М.Кузмину, А.Кондратьева Б.Садовскому; письма Б.Божнева, М.Волошина, Г.Газданова, М.Горького, М.Гершензона, Л.Добычина, В.Комаровского, Ю.Никольского, И.Сельвинского, Ю.Тынянова, В.Ходасевича, В.Шкловского, И.Эренбурга, Б.Эйхенбаума, В.Яновского; воспоминания В.Лурье, Е.Полонской, А.Богданова; дневник М.Пришвина; статьи И.Анненского, В.Брюсова, Вяч.Иванова, А.Куприна, М.Осоргина, Ф.Сологуба, А.Толстого, Р.Якобсона; рецензии К.Вагинова.

Статьи о творчестве В.Андреева, А.Ахматовой, М.Булгакова, К.Вагинова, А.Вольнского, Л.Добычина, Вяч. Иванова, Г.Иванова, Н.Клюева, А.Крученых, О.Мандельштама, В.Маяковского, В.Набокова, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Ремизова, Д.Хармса, В.Ходасевича, М.Цветаевой, К.Чуковского.

Материалы к биографии Б.Пильняка.

Новые материалы к библиографии О.Мандельштама, И.Эренбурга; материалы к библиографии Л.Лунца, А.Тынякова; указатели содержания журналов и однодневных газет 1920-х гг.; «Свободный стих в критике 1900-1930-х гг.»

Материалы к истории и библиографии литературных групп «Серрапионовы братья», «экспрессионисты», «акоитисты», «люминиисты», «презантисты».

Материалы к истории раннего советского «самиздата»: Указатели содержания рукописных журналов 1920-х гг.

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года.

В каждом номере — тематическая текущая библиография (книги, журналы, газеты), хроника научной жизни (в ближайших номерах отчеты о конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Таллинне, Тамбове и др.)

В декабре 1993 г. предполагается выпустить №13(14), в который войдут: указатель содержания выпущенных номеров. именной указатель, библиографические справки об авторах «DV».